

Русская мысль и **ЧЕЛОВЕЧЕСТВО**

Лидия Довыденко

Русская мысль
и
ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Лидия Довыденко

Ли́дия Довы́денко

Русская мысль
и
ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Калининград

2021

УДК
ББК
Д

Довыденко, Лидия Владимировна.
Русская мысль и человечество / Л.В. Довыденко. – Ка-
лининград, 2021. – Илл., фото. – с. 320. –
ISBN

В продолжение сборника статей «Жертвенное сияние современной русской мысли» (2019) в новую книгу «Русская мысль и человечество» вошли очерки и статьи, интервью с современными прозаиками, поэтами, публицистами, деятелями культуры, которым, на взгляд автора данной книги, удалось сказать нечто существенное о времени, Православии, славянской цивилизации, современной литературе, искусстве и челове-честве. Эти мысли — часть духовной жизни современной России на фоне планетарного кризиса. Творчество таких авторов, как Николай Иванов, Валентин Курбатов, Сергей Пылёв, Людмила Яцкевич, Геннадий Сазонов, Николай Коняев, Сэда Вермишева, меценатская деятельность князя Н.Д. Лобанова-Ростовского, вклад в современный кинематограф и русскую культуру Николая Бурляева, народных артистов России Евгения и Гали-ны Киндиновых и других героев очерков и статей — это значительное здоровое явление современности на фоне всемирного духовного упадка.

Книга ориентирована на филологов, культурологов, философов, ур-банистов и всех интересующихся современным взглядом на мир и чело-вечество, на его духовное оформление.

ISBN

© Л. Довыденко, автор, 2021.

Людмила Воробьёва

ДУХОВНОЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ МИРА

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

А. С. Пушкин

Такие же неизбывные чувства веры наполняют душу, когда читаешь новую книгу Лидии Владимировны Довыденко «Русская мысль и человечество», читаешь и не перестаёшь удивляться не только её выразительным литературно-художественным и философским наполнением, разнообразием всевозможных источников, чёткой композицией образов, но и авторским рядом представленных в ней имён. Реалистические традиции, начатые пушкинским гением, находят своё отражение и в современном литературном процессе, затрагивающем культурный и интеллектуальный срез эпохи. Недаром Александр Сергеевич отмечал: «Следовать за мыслями великого человека – есть наука самая занимательная». В конечном счёте всё определяется масштабом личности. В этой умной и проникновенной книге собраны под одной обложкой разноголосые и многоликие творческие миры – целое созвездие наших современников: С. Пылёв, В. Курбатов, Л. Яцкевич, В. Коростелёва, Н. Коняев, С. Вермишева, А. Аврутин, Н. Лобанов-Ростовский, Ю. Лужков, Н. Бурляев. Когда перечисление рискует затянуться, то разумно всё же ограничиться, но не забывая о том, что каждая личность по-своему значима, весома.

Поразительно и творческое акме самой Лидии Довыденко: прозаик, публицист, критик, философ, педагог, общественный деятель. Она является автором двадцати историко-публицистических и художественных книг, главным редактором литературно-художественного и общественно-политического журнала «Берега», удостоенного Национальной литературной премии «Золотое перо Руси», лауреатом многочисленных международных литературных премий, почётным гражданином Балтийского городского округа, награждена медалями имени Н. Рубцова, Е. Замятина, М. В. Ломоносова. Как некий дар доброжелательного внимания к столь разностороннему человеку и писателю, большому энтузиасту своего дела, готовому воплощать самые грандиозные идеи, – важна читательская оценка этого всеохватного труда, важно ответное слово о книге. Альфа и омега, начало и конец, исток и устье – символические координаты отдельной человеческой судьбы, те философские глубины, где устье должно стать единственным истоком судьбы России, судьбы человечества, – становятся центральными – смысловыми координатами книги.

Русский философ Н. Лосский был убеждён, что «путь к карьере, успеху в жизни должен проходить через напряжённый труд и активную, целеустремлённую учёбу и научную деятельность». Книга Л. Довыденко, безусловно, – лучший пример благородного духовного творчества, преодоления намеченных высот и целей, автор талантливо вовлекает нас в свою необыкновенную ауру добра и духовного просветления, в таинственную ауру русского мира. «Русская мысль и человечество» – это книга пути, обретений и открытий, книга познания и внутреннего покоя – лично для меня и, думаю, для многих и многих равнодушных читателей. Любопытно само проникновение в творческую лабораторию писателя. Ведь где ещё, если не в книгах, наполненных философским содержанием, можно постигнуть нечто глобальное?! Восстанавливая треугольник «книга – критик – читатель», Лидия Владимировна с потрясающей визуальной и внутренней убедительностью расставляет художественные акценты и конкретно нацеливает нас: что же читать?

Тенденция нашего времени – всё более усиливающееся взаимопроникновение, слияние философии и литературы. Согласно основным законам познания, частное в мироздании восходит к всеобщему. И русская литература в её глобальном понимании – это феномен целостного эмоционального осмысления жизненных явлений прошлого, настоящего и будущего. Проблемы влияния художественной литературы и культуры на действительность никуда не исчезают. Тройственная задача нашей литературы и культуры – сохранение исторической памяти, осмысление дня сегодняшнего и моделирование грядущего, сопряжённого с поисками ключевых точек согласия – драгоценных нитей человеческой судьбы, что так тонко и философично обозначены автором в новой книге.

Свет Православного Слова

Человечество ныне оказалось в достаточно парадоксальной ситуации: с одной стороны – трансгуманизм, который ведёт его к преодолению и упразднению самого человека, с другой – гуманистическая парадигма, нацеленная на усиление человеческого фактора, которая несмотря и вопреки происходящему, становится определённой тенденцией текущего времени. Не перестаю поражаться, как разумно, как прочувствованно и верно подобраны в книге именно те произведения, что побуждают нас логически мыслить, анализировать и сопоставлять. Так первая глава «Вечное слово современников» включает критические и литературоведческие статьи о творчестве известных современных писателей России. Удивительна своим космическим притяжением книга воронежского писателя Сергея Пылёва «А за окном человечество» (2019), где автор на примере жизни отдельной семьи представляет некую модель жизни всего человечества, уже с детства погружённого в самые передовые технологические новинки. Результат – утрата любви, когда социальные сети никого не спасают от тотального одиночества, а наоборот вселяют невольный страх, постоянную тревогу. Теряется

сама ценность человеческого общения, нарушается привычный уклад родственных связей и отношений. Нет прежнего лада в наших семьях, исчез прекрасный смысл этого старинного слова, что лишь осталось в живом великорусском словаре Даля. Да, и российская система образования давно оттринула идею воспитания. Источником опасности стали всевозможные гаджеты, интернет, с недавних пор создавший и поле невероятной безграмотности. С. Пылёв не только видит социальные болезни общества, но и пытается найти их причины, благодаря глубокому психологизму образов, лёгкой иронии, окрашенной философичностью, произведения автора читаются на одном дыхании. Все они содержат неразгаданную тайну, и душа человека, и Вселенная живут в едином ритме, вызывая ощущение вечного, метафизически непостижимого. Как понять язык Космоса? Человечество осуществляет переход от творческого индивидуального мышления к унитарному цифровому – компьютерному мышлению, когда компьютерное мышление и художественное творчество несовместимы. Молох грядущей глобализации и стремительно уходящее доцифровое время – две чаши весов. Расчеловечивание угрожает исчезновению индивидуального, классового. Вместо классов – общество потребления. Вот вам и новый вирус тревоги, поражающий мир. А так ли была первоначально задумана наша земля Создателем?

Русская литература выявляет живые связи языка, воскрешает основы народного мышления, раскрывает душу народа, его сердечные думы и чаяния. Живительным родником русских художественных традиций явилась читателю и книга доктора филологических наук, профессора Людмилы Яцкевич «Православное слово в творчестве вологодских писателей». Истинный свет православной веры сохраняет и древнерусское старославянское слово. Тут удивительным образом сошлось всё: красота, вера, истина, любовь, терпение, покаяние, молитва, радость, боль, соборность русской души – непреходящие христианские качества. Философ И. Ильин говорил о том, что «духовная рана современной культуры – утрата священного». Мы же видим бессилие и упадок нынешней современной культуры. Что можно

противопоставить этому? Людмила Яцкевич как раз и являет нам лики святой Руси, образы её песнопевцев: Николая Клюева, Николая Рубцова. Для них творческий и нравственный долг художника заключался в «исконном соборном единстве православных людей», в «сохранности и созидании нетленной России».

Пожалуй, один из самых известных современников, мастер русской изящной словесности, литературовед, прозаик, член редакционного совета журнала «Берега» – Валентин Курбатов – лауреат Государственной премии Российской Федерации в области литературы и искусства 2019 года за вклад в развитие и сохранение традиций русской литературы. Валентин Яковлевич воистину настоящий радетель исконной русской речи. В смутные времена беспощадной ревизии христианских ценностей особенно значимо слышать весомое слово писателя, знающего подлинную меру вещей. Влечёт несказанно его старинный русский слог, тепло и радостно ложится на душу, согревает православным светом любви и добра, своей вселенской бесконечностью. А всё потому, что есть во всём его «стержневой корень» – скромное и сдержанное слово, чистое, благородное, не замутнённое ничем инородным.

Говоря о книге В. Курбатова «Дневник», Л. Довыденко параллельно рассматривает и другую книгу писателя «Наше небесное Отечество», везде находя эту «небесную всеобщность» мудрого художника слова и благодаря судьбу за встречу с ним, как и всё действительно прекрасное в нашей жизни, дарованное небесами. Из «Дневника» писателя она приводит цитату о вечном и нетленном, созвучную и мыслям религиозной философии: «Время ухватывается за нас, и ему хочется увидеть себя со стороны, отразиться в Слове – единственном организме, неподвластном смерти». Мы заперты во времени из-за слабости нашей. Человек же, сумевший заглянуть за его пределы, живёт вне времени, впуская в себя вечность. Подобное дано не всем. Ведь и время человеку отпускается по милосердию Божию. Разве оно не благословение небес? Валентин Курбатов даёт нам надежду, что райская вневременность есть и на земле. Дневник – старинный жанр, а потому органичен, близок русской душе.

Сложно переоценить, как замечает Л. Довыденко, и уникальность книги В. Курбатова «Наше небесное Отечество», явственно выразившую подвижность и динамичность его авторской православной позиции – незабываемые путешествия в Константинополь, в Миры Ликийские – к началу Православной веры – колыбели земли Христовой. Именно отсюда, по мнению писателя, исходит «глубинная слитность с нашей верой», с национальными корнями, культурой, народным духом. Отсюда, вероятно, и радость жизни – это великое христианское ощущение и у самого Валентина Яковлевича. Философ Розанов замечал: «...нет более светлого и жизнерадостного мировоззрения, чем христианское». Набоков же восторгался «сиянием человечнейшего человека», которое так гармонично, естественно и для Курбатова, по-настоящему открытого человека, распахнутого миру. И как тут не вспомнить чеховское определение, когда у Валентина Яковлевича всё подлинно: и душа, и мысли, и внешний облик, благообразный, в красивом и забытом русском стиле писателя XIX века. В нём неизбежно укоренились устои того прочного русского бытия, бережно хранящего духовную ответственность и любовь. «Живёшь в мире опустевших слов без связи их с землёй», – сетует он. Русское слово, что «не забывает своего евангельского истока», по разумению прозаика, и есть «настоящее сопротивление безумному времени». И одному лишь Богу известен великий замысел о России – остаётся согласиться с философом В. Соловьёвым и писателем В. Курбатовым.

Надо отметить и такое редкое качество Л. Довыденко, как её невероятную мобильность, страсть к путешествиям, новым встречам, насыщенным мероприятиям. Она всегда в пути! Мы с вами на фестивале русской поэзии «Покрова» в Литве, и Лидия Владимировна знакомит нас с философско-поэтическим творчеством Эяны Суодене, доктором гуманитарных наук, автором 16-ти сборников поэзии, литературоведческих книг о поэтах и философах Серебряного века: Карсавине, Цветаевой, Платонове, Ахматовой. Перед нами – космическая гармонизация мира через слово, через классическую строку, несущую в себе колоссальную концентрацию всечеловечности, всеединства,

пассионарности, соборности. Искание абсолютного добра для славянской культуры и для всего мира, смысловая многозначность русской поэзии искупается у Э. Суодене вдохновенностью. Планетарность цветаевского и ахматовского поэтического-философского мышления переносится и в поэзию самой Эляны:

«И чувствую – правдива / Вселенной красота,
И золотится нива, / Как новая строка».

Поэзия – вызов забвению. Она не признаёт границ, но живёт корнями. Отраднo, что русское идеальное слово торжествует и в Балтийском литературном пространстве, всегда отличавшемся необычностью красок, особой строгой философией природы и сосредоточенностью внутреннего мира человека.

Причем примечательны и следующие моменты книги «Русская мысль и человечество»: тематический разбег, широта художественного видения, всесторонняя многогранность представленных в ней произведений. Грандиозна личность Василия Белова, «печальника земли русской», сгоревшего, как пишет о нём Владимир Крупин, «на костре любви к России» (Л. Довыденко о книге Г. Сазонова «Сияние Слова В. Белова» – Вологда, 2019), или, скажем, тема миссии Преображения мира в книге Валентина Баюканского «Прогулки по закоулкам», отразившей жертвенность человеческой любви, в которой мы так нуждаемся, как в хлебе насущном. Весьма интересны и харизматичны персонажи в этой не совсем обычной книге: актёр, незаурядная личность Олег Даль, космогонический художник Микалоюс Чюрлёнис, мистический и утончённый Эль Греко, посланник Вселенной, её иных измерений кинорежиссёр Андрей Тарковский. По своей духовной интерпретации неповторим и эксперимент, когда один поэт говорит о другом поэте, – об этом критический очерк Лидии Довыденко, касающийся книги Валентины Коростелёвой «Строки и судьбы», что вмещает эмоциональное повествование о 28-и авторах: Блок, Бунин, Гумилёв, Цветаева, Рубцов, Друнина. Поэты здесь замечательно раскрываются в строчках. А ведь по сути мы и помним любимых поэтов по их самым сокровенным строкам. Да, все они вошли в сокровищ-

ницу русской литературы, разумеется, не одной своей строкой, но порой для художника ценно остаться в вечности даже единственной, навсегда запомнившейся строкой. Поэзия – тайна вселенской значимости. Глубинная, внутренняя взаимосвязь человечества через поэтическую строку неподвластна времени.

Подогревают читательский интерес и вдумчивые, искренние диалоги, которые ведёт Л. Довыденко с нашими современниками, проникая не только в суть происходящего, но и сопрягая мировые исторические периоды. Так, в её новой книге, а ранее в журнале «Берега», размещено интервью с вдовой писателя-мариниста «Тысяча жизней Пикуля». Хочется отметить ещё одну грань разностороннего творчества Лидии Владимировны – краеведческую. Она страстный исследователь родного Калининградского края. Поэтому видит немалую информационную и нравственную роль библиотеки им. В. Пикуля – духовной сокровищницы Балтийского флота, поддерживающей традиционную связь поколений. Писатель часто напоминал в своих захватывающих романах о том, что история любит повторяться. «Всегда существовавший, я обязан всегда существовать и в будущем», – таков был его индивидуальный творческий метод – талант перевоплощения в исторически достоверные образы героев собственных же произведений.

Никак нельзя оставить без внимания знакомство и творческое сотрудничество Лидии Владимировны Довыденко с меценатом России Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским. В своём вдохновенном очерке она освещает знаменательное событие в жизни князя – 50-летие благотворительного служения культуре России. В прочтении явственно ощущается важный момент: столь неординарный человек не мог не оказать заметную роль в её духовном мировоззрении. Пристальное внимание автора сосредоточено на книге Н. Д. Лобанова-Ростовского «Эпоха. Коллекция. Судьба». Впрочем, не менее уникальна и сама личность выдающегося коллекционера и ценителя искусства, излучающая бесконечную энергию добра и любви к России. Пожалуй, они весьма схожи по духу, будучи

просветителями и подвижниками. Деятельность подобных людей увеличивает пространство добра и света. Лидия Довыденко с восторгом говорит об атмосфере доброты и абсолютной порядочности, какая присуща лишь истинным аристократам духа. Князь сумел генетически это сохранить в себе, чего нельзя сказать о нынешней аристократии. Великодушие, благородство Никиты Дмитриевича, его неутомимое собирательство и меценатство нашли яркое отражение и в солидном списке его даров, приведённых автором в данной публикации. «Личность восхищённого разума и удивительно щедрой души, масштаб его деяний на поприще русской культуры огромен», – вне сомнения, восхищает и авторский вывод, мысленно возвращающий в ту дореволюционную Россию, потерянную для нас безвозвратно.

Невольно задумываешься: разве та культура, которую мы создали, не позволяет нам быть самодостаточными? Именно этот феномен русскости всей своей жизнью жертвенного служения России и доказывает князь Н. Д. Лобанов-Ростовский. Как творится промысел Божий? Внутренняя суть судьбы, замысел Создателя о человеке – вот что всегда волнует! «Есть нечто настолько удивительное и драгоценное, что заставляет оставить в стороне всё временное, земное и вглядываться в главное – в проявление Божественного промысла о человеке, в Божьи Дары и в удивительно вызревшие творческие плоды», – так возвышенно и по-философски мудро пишет современный русский поэт Н. Егорова в юбилейной статье, посвящённой 80-летию Т. М. Глушковой. Я бы в полной мере отнесла эти слова к жизни и судьбе Никиты Дмитриевича, для которого русская культура с её бесценными дарами и стала духовным оформлением мира, нравственным преображением человечества.

Но дары судьбы и светлый Божий промысел, как считает Лидия Довыденко, не обошли и её собственную жизнь, щедро вознаградив за труды. Творческие люди находят в ней отзывчивого единомышленника, чуткого и справедливого, а она в свою очередь видит в людях лучшее, их «органичное, настоящее, комфортное». Разве это не соборность душ, не та же библейская любовь к ближнему? А теперь представьте, что вы открыли кни-

гу и читаете: «В мою жизнь пришло что-то прекрасное!..» – это авторский очерк о встрече с Евгением и Галиной Киндиновыми, заслуженными артистами России. Всё верно: мы с вами возвращаемся в те некоммерческие времена, когда искусство было искренним и духоподъёмным! И память воскрешает «мощную, правдивую, великолепную» картину «Романс о влюблённых». Сколько обожествлённых знаков судьбы в том, что ещё остались среди нас не просто художники, а православные русские люди и актёры, сохранившие личностную целостность, для которых искусство – служение во имя добра и человечности!

Впечатляет в книге основополагающей идеей всемирной соборности, космизма русской мысли и вторая глава «А память священна...» Видный деятель русского зарубежья, православный богослов Владимир Лосский лаконично высказывался: «всеобщность абстрактна, а соборность – конкретна». Вот к этой конкретной ясности и жизненной правде стремится в своих литературных исследованиях и Лидия Довыденко. Она обращается к двухтомному изданию Николая Коняева «Купола над Друтью», человека, обладавшего недюжинным даром прозаика, человека эпохально-эпического мышления и глубинной души. В его обширном повествовании речь идёт о Свято-Покровском монастыре в Толочине, причём тема подаётся в контексте исторических событий, разворачивающихся на территории нынешней Витебской области, где центром сосредоточения всего происходящего стал город Друцк. Поражает размах данной эпопеи, роль личности в истории и человеческая судьба, сила Православия и верность белорусского народа отеческим заветам. «Друть моего детства», – скажет Лидия Владимировна, вспомнив свою малую родину и не только. «Колокола над Друтью» – название её давно написанной книги, но пока не увидевшей свет. Вот она переключка художников в пространстве литературных миров и сохранённых на языке единой вселенской матрицы! Так фундаментальные события способны определять совершенно разные времена, а значит они – универсальны. Николай Бердяев в книге «Философия свободы духа» писал о бесконечности творческого про-

цесса, о том, что он «не закончен ещё в мире и не сможет быть закончен до конца мира».

«В пути бесконечном, / Бессрочном и трудном / Из чаши небесной / Бессмертье испить!» – как продолжение мысли философа звучит в книге и мощный поэтический посыл Сэды Вермишевой, поэта вселенского масштаба. Она автор 14-ти поэтических сборников, публицист, видный общественный деятель. Лидия Довыденко отмечает скромность и величие духа, мощь пророческой интуиции поэтессы, её поистине блоковское «геополитическое чутьё». «Для духа поражений нет», – высота и интеллектуальная глубина её стихов непостижимы. Лев Аннинский заметил в своё время, что «ход событий в культуре зависит от мощных колебаний истории. Это – стихия. Путь личности есть сопротивление стихии – это культура». Судьба и творческий путь Сэды Вермишевой и есть преодоление и преобразование самой реальности – то, что было всегда у больших поэтов. Ещё Юрий Кузнецов обозначил поэзию и литературу как Служение – Богу, России, людям. Сэда Вермишева, следуя русской традиции, привнесла в поэзию и своё индивидуальное мировидение: тягу к всеохватности, к философии космизма. Должна побеждать живущая в нас всеобщая отзывчивость, когда духовное должно превалировать над материальным, когда, по словам поэта, «избыточность же порочна и приводит к духовному опустошению». У человека много ненужного имущества – общество потребления и привязанности тянет человека вниз. Подобный человек никогда не смотрит вверх, на звёзды. А надо быть гражданином целого мира, равнодушным гражданином Вселенной, как Сэда Вермишева, чтобы рождались в душе и такие лирические строки:

А тишь стоит. / Стоит – над миром.
Мне в тишь такую – / Не уснуть.
Застыло всё. / Лишь звёзды в небе
Неслышно строят / Млечный Путь.

Неоднократно убеждаешься – вовсе неслучаен в книге Л. Довыденко выбор как самих авторов, так и их произведе-

ний. Писатель, публицист, энергичный исследователь снова в пути, и бегут по судьбе дороги, воскрешая бывшее, соединяя его с настоящим, с любовью и верой в Россию, в её таланты. Необъятна география русской земли: Сибирь – Иркутск – таёжный, богатый, мощный и свободолюбивый край. Некогда побывав там, полюбив этот надёжный и стойкий народ, она отдаёт должное творчеству поэта Геннадия Кольцова, его самобытной силе, его «могучему дару» сибиряка и его непоколебимой вере в Россию. «Неизбывная сила родства», которую Г. Кольцов испытывает к земле предков, к их кровному крестьянскому наследию, чувство малой родины, какую в этих местах никак не назовёшь малой, безусловно, привлекают в нём Л. Довыденко. Сегодня, когда человечество стремится в огромные мегаполисы, антиурбанистический характер творчества – явление исключительное. Следуя крутой эпохе, поэт сохраняет традицию, завещанную нам предками, корневую основу земли русской. Земля и человек на земле, крестьянство, отношение к земле всегда было болевым вопросом и для писателя Василия Белова. «Мы живем за счёт будущего, за счёт наших внуков. Никто из нас на Земле не имеет права пользоваться тем, что не создано его руками, его трудом. <...> Меня ... волнуют ... проблемы общего характера, волнует судьба человека, нации, планеты», – с болью говорил он. Его называли представителем так называемой деревенской прозы, но это определение не совсем верно, слишком односторонне. Писатель был человеком целого русского пространства и целого мира. К такому же глобальному осмыслению стремится и Г. Кольцов.

Ответственность перед будущим, извечная тяга человека к земле, каков он настоящий человек-созидатель? Вопросы и ответы, поиски той единственной истины, что всегда где-то посередине, возникают и разрешаются в новых поездках и беседах с людьми. Озерск, что в 130 км от Калининграда, дальше – деревня Суворова – встреча с человеком-легендой, безусловным любимцем москвичей – Ю. М. Лужковым. Круг его занятий и интересов впечатляет: политик, реформатор, общественный деятель, учёный-изобретатель, литератор. Автор поэмы

о Сократе. Знание, просвещение, наследие Бухарина, взятое на вооружение Китаем, нашло своё воплощение и в его неведомо деятельной жизни. «Русские корни китайского чуда» он попытался воссоздать на примере собственного предприятия. Превосходный хозяйственник-экспериментатор удивляет технологичными новшествами: сельскохозяйственные лаборатории по селекции растений, разведение пород домашних животных, испытание специальной техники, причём наравне со всеми работниками он занимается уборкой урожая, что невольно вызывает уважение и восхищение. Передовое образцовое хозяйство, во главе которого стоит этот предприимчивый «человек в кепке», – модель будущей России, её мечта. «Русь бескрайняя, Русь озерная, Русь богатая. Как нуждается она в Лужковых, которые бы вернулись к земле, взяли на себя ответственность, возделали и полюбили сделанное. Думаю о том, что для этого требуется личное мужество и поддержка государства. Как же расточительно наше государство, так поступая со своими умнейшими людьми, со своими опытными кадрами и специалистами, восхищаюсь тем, как можно умно организовать безотходное и экологически чистое хозяйство, какое сильное желание накормить людей, дать им здоровую пищу», – пишет автор, разделяя мнение Юрия Лужкова о сельскохозяйственном подъёме России, о возвращении человека к своим корням, к земле, с чего и начинается его нравственное выздоровление. Пример Ю. Лужкова, духоборца и патриота земли русской, воочию показывает, что человек должен постоянно логически мыслить, чтобы прийти к определённым и закономерным результатам, побуждающим его к продуктивному труду. Нам нужно восстанавливать наше гуманитарное полушарие, без которого, а это окончательно выяснится очень скоро, – полноценный мыслительный процесс будет невозможен. Вот вам и роль литературы и русского языка, которую, разумеется, необходимо поднимать на должный уровень, ведь сколько мысли и чувств давали когда-то уроки литературы!

Надо отдать должное автору книги – проблема легендарного совсем непростая, что доказывает и противоречивая

судьба того же Юрия Михайловича Лужкова, исключительно инициативного, кипучего человека, рачительного хозяина, постолыпински видевшего обновление России на десятилетия вперед. Проекты, планы – всё это близко и самой Лидии Владимировне. «Среди малых действий мельчаешь, а среди больших и сам растёшь», – замечал Гёте. Круто и стремительно меняется модель современной жизни. Теряются накопленные народом обычаи, национальные особенности. Но по-прежнему неизменен главный вопрос литературы – наука о человеке, дающая целостное и цельное повествование. Ибо в нём, в человеке, заключается всё: и распад, и возрождение, и вечность.

Следует отметить, что во многих работах Л. Довыденко наряду с литературно-художественными, философскими моментами всегда присутствует и момент краеведческий, приносящий в повествование лёгкий оттенок публицистичности. Чтобы рассказать о победах и драмах литературной судьбы поэта и защитника Отечества Константина Николаевича Батюшкова, она едет в польский городок Лидзбарк, в прошлом Гейльсберг, что в 82 километрах от Калининграда. 29 мая 1807 года здесь произошла Гейльсбергская битва, в которой Батюшков принял участие, где и был тяжело ранен, стойко перенося длительные страдания, невыносимую физическую боль. Военные испытания напятили силой его величавый державный слог, придав ему большей убедительности и лаконичности. Батюшков, коего Белинский считал выразителем духа греческой культуры, взглянув на поле битвы в глаза смерти, стал достоверным, всеми признанным поэтом и воином русского пера. «Спокойно перенести бремя жизни...» – не отступить от веры и Отечества, укрепиться духом и чистыми помыслами, стремился он. Вспоминается и книга Л. Довыденко «Гумилёвская осень» – жертвенная история судьбы одного из лучших поэтов Серебряного века Николая Гумилёва, его десять дней первой мировой войны, десять дней под прусским небом на территории нынешней Калининградской области, кардинально изменившие отношение поэта и к жизни, и к творчеству как таковому. Процесс познания художественного слова всегда приходится

соотносить с метафизической и мистической интуицией, что, несомненно, присутствует в поэзии двух выдающихся русских художников слова.

Правдивое, гармоничное повествование о России никак невозможно представить в книге без свежей патриотической волны, на пике которой уверенно держится третья глава «И мужество нас не покинет». Пожалуй, это и мужество писателя и журналиста Л. Довыденко, мужество равнодушного человека, отважившегося совершить поездку в Новороссию. Тут многое нужно просто читать, о многом думать: и невероятно содержательный в культурно-историческом аспекте очерк о возрождении Донбасса «Святоград Луганский», и горячий очерк «Донбассский код Андрея Чернова». 46 публикаций на страницах журнала «Берега» посвящены Донбассу! Неоценима роль толстых журналов, что всегда являли собой определённый индикатор общественных настроений. Ни одна из литератур, потерявших бывшее общее пространство, от сокращённого территориального распространения и влияния не выиграла. Донбасс доказал миропасительную идею единства русского мира, наше неделимое духовное братство. «Идеи меняются, сердце остаётся одно», – был прав Достоевский. И права, как писатель и человек, Л. Довыденко, зная, что мы навсегда есть друг у друга. Русская культура соединяет нас и помогает разрешить философские проблемы мирового зла. Героизм долга и чести, патриотизм любви к Родине присущ и нашим современникам, о которых с восхищением и душевным теплом пишет автор: Ю. Шевченко, журналист, писатель, певец морской пехоты Балтийска, герой России строевой летчик П. Кретов. Но по-особому тепло и пронзительно – именно о фронтовиках Великой Отечественной войны, явивших миру высочайший пример высочайшего народного самопожертвования, – П. Ромахин, Г. Воробьёв, мужественно прошедшие не только военные дороги, но и одержавшие не одну достойную Победу в мирной жизни. Разве военное мужество, а затем годы и десятилетия честного и доблестного труда во благо процветания Родины – не настоящий жизненный подвиг?!

«А счастье только знающим дано...»

Эти строки Ивана Бунина, строгого мастера традиций русской классики, свидетельствуют о том, что без знания, без проникновения в самую суть вещей, без особого таинственного состояния, когда по-бунински «всё во мне», человеку не дано постичь чувство счастья. Стремление к простоте и точности формы знания и слова, к их философской составляющей, а философия – и есть наука о мире как целом, дающая установку на соборное единство, на мой взгляд, является и наиболее сильной стороной книги «Русская мысль и человечество». Внутреннее единство книги обусловлено прежде всего единством авторского стиля. Настоящий философ-исследователь всегда привлекает максимально широкий материал. Здесь следует помнить: наука и литература – разные способы познания мира. Но в книге нет этого чётко проходящего водораздела, всё удивительным образом соприкасается. Уже само название четвёртой главы «Драма мира и внутреннее оформление человечества» выявляет прямые параллели и с названием исследования Лидии Довыденко «Внутреннее оформление человечества в творчестве Николая Арсеньева». Философ, историк религии и культуры, поэт Николай Сергеевич Арсеньев, будучи ярким представителем Русского Зарубежья, сохранил преданность православной церкви, любовь к России, к её великой культуре и принадлежал к глубочайшим умам своей эпохи. О таких людях принято говорить – истинный аристократ духа. Современная эмиграция, напрочь утерев свои корни, далека от этих смыслов. Книга философа «Жажда подлинного бытия», как отмечает Лидия Владимировна, сосредотачивает в себе огромное слияние мировых культур, высвечивающих духовную жизнь человека. Ощущение полноты жизни, истоки которой берут своё начало в семье, оказали благотворное влияние на всю дальнейшую судьбу Н. Арсеньева. Этот весьма архиважный момент духовного формирования человека, связанный с его детством и юностью, описывает в своей биографии и фило-

соф Н. Лосский. Их и объединяет общая страсть к познанию, к миру природы, любовь к Родине, которую русские учёные, живя и работая в эмиграции, смогли пронести через всю свою жизнь. Н. Арсеньев к тому же был прекрасным писателем. В книге на немецком языке «Русская литература нового времени и современности в их духовной взаимосвязи», которую, к сожалению, до сих пор никто не перевёл, а перевод Л. Довыденко пока нигде не опубликован, философ Н. Арсеньев придаёт большое значение соборности, вселенской философии любви и абсолютного добра. Здесь так же высвечивается роль русской литературы, её всечеловеческая ценность, её глубоко национальное, сокровенное, где во всём проступает неповторимая русская душа. Именно через собственное, национальное, человек постигает и другие культуры, сохраняет народные традиции во времени. Мир и жизнь в их многогранном видении обретают контуры органически целого. «Жизнь есть одно органическое нераздельное целое», – писал Н. Арсеньев. Он рассматривает и осмысливает добро в качестве безусловного и высшего морального понятия, что есть и у В. Соловьёва, и у Н. Лосского. Н. Арсеньев отрицал все революции, утверждая единственно верный – православный путь святости. 60 книг – огромное творческое наследие философа, пронизанное размышлениями о судьбе России, о её неповторимой, избранной, роли в судьбах всего мира. Примечателен и тот факт: книга «Жизнь Арсеньева» И. Бунина сыграла своё решающее значение в присуждении русскому писателю, находящемуся в эмиграции, высокой награды – лауреата Нобелевской премии по литературе 1933 года.

Кроме всего сказанного, Лидия Довыденко обращает внимание и на такую усиливающуюся тенденцию, разрушающую традицию в современной культуре и литературе, – постмодернизм. К примеру, ещё Н. Арсеньев указывал на «идеи девальвации человеческого в постмодернизме», что были актуальны в творчестве писателя Г. Успенского, мало изученного, незаслуженно забытого, но уже тогда видевшего в этом явный уход от Бога, потерю главных религиозных

ориентиров для художника. Социально-нравственная иллюзия постмодернизма столь же бесспорна и нынче, когда за скобки, за пределы одного выносятся сам человек, его душа. Оторванность от земли, от родовых народных корней лишает его внутренней опоры. Духовная сила русского народа заключается в его неразгаданном космизме, в тесном слиянии земного и небесного.

Условием открытого диалога людей, их эффективного взаимодействия становится именно сфера культуры. В современной культурной интеграции Л. Довыденко пытается сформулировать ясное мировоззрение и придать ему удивительно точное определение. Здесь уместна приведённая ею цитата Барбары Кригер: «самым существенным элементом в системе культуры является мировоззрение». Только целостное мировоззрение напоминает нам о том, что мы – частица природы и Космоса. Всемирностью, национальной идеей братского единства людей был поглощён Достоевский, позже в русской культуре плодотворно развивал эту идею литературовед Кожин. Русский космизм в сочетании с реалистической традицией находит своё непосредственное отражение и в творчестве Л. Довыденко. Русский космизм и космос вмещают всё. Космос как великое творение Божие, и космизм как одно из главных свойств русского характера. Такой открытости космосу нет, пожалуй, больше ни у кого из народов. Жажда всеохватности, постижения целого, по сути, – одно из проявлений русской всемирной отзывчивости, о которой писал Достоевский. И не об этом ли чувстве хотел напомнить и Гумилёв?

Так век за веком – скоро ли Господь? –
Под скальпелем природы и искусства
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства.

В книге «Русская мысль и человечество» философское течение русского космизма, которому свойственно органическое единство во всём, рассматривается в контексте всей мировой культуры и литературы. Но не менее важно понять

и другое: человечество вступает в свою новую фазу развития: к существующим губительным вирусам, помимо всего прочего, добавляется «вирус негатива и скепсиса». Человек растерян, подавлен тем потоком информации, что выливается на него каждый день. В целом же нас ждёт закат затянувшейся и изжившей себя эпохи потребления, которая была связана с большими или меньшими потрясениями. Что придёт на смену самому пагубному периоду новейшей истории – пока непонятно. Хотя хочется верить, что приоритет человека, разума, а не только свободы его желаний, будет в общественном сознании переосмыслен и принят как один из основополагающих камней нового мироздания. Отрадно, когда в такое зыбкое, неясное время находятся подвижники-энтузиасты, продвигающие истину добра и вселенского единения. Автор книги обращается к размышлениям хорватского учёного, знатока мировых музеев Томаса Шола. Он создает этический кодекс высших ценностей духа, который и берёт за основу своего культуротворчества, никоим образом не отвергающего Божественные смыслы. «Когда же придёт Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину: ибо не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит нам», – так гласит Евангелие от Иоанна.

Значит, и на современном этапе трансгуманизма, основная коллизия которого состоит в том, останется ли человек, личность смыслом и целью истории, или он станет средством и даже просто биологическим материалом, – всё же надежда есть. От этого зависит место и роль писателя в России и в мире. Насколько литература сможет остановить процессы деградации личности? Ответ в сущности ясен, когда читаешь интервью автора с писателями и общественными деятелями, что звучат в пятой, заключительной, главе книги. Лидия Довыденко – талантливый интервьюер, сумевший сказать о людях, во многом опередивших своё время. Что тоже вселяет надежду – их эпоха ещё впереди. Не станем отчаиваться, ведь нам не дано знать, по слову писателя Н. Лескова, «кто из нас в каком расчислении у Господа». Каждый век даёт миру свои эпохальные произве-

дения. XXI век так же обязан дать свои образцы гениальности. Мы видим, что и в наше время гламурного обесценивания слова есть личности, оберегающие слово и культуру, есть произведения, достойные уважения и прочтения: Николай Иванов – писатель, драматург, журналист, побывавший в горячих точках, Афганистане, Чечне, гражданский долг писателя и человека для него – едины; Николай Бурляев – народный артист РФ, режиссёр, сценарист, поэт, президент международного Славянского форума искусств «Золотой Витязь». Художник выступает против рыночного коммерческого искусства как такового. Роль искусства для него – Служение, миссия утверждения прекрасного и вечного.

Автора книги «Русская мысль и человечество» привлекают прежде всего люди глобального взгляда на исторические процессы, происходящие в мире. Поэт Сэда Вермишева – чужда стремлению к материальным благам, тонко анализирующая социальную природу вещей и явлений, чётко обозначившая суть государственного устройства России, где прежде всего должна быть социальная справедливость и государственная собственность. Анатолий Аврутин – русский поэт, переводчик, главный редактор журнала «Новая Немига литературная», объединяющего талантливых соотечественников близкого и дальнего Зарубежья, лауреат Национальной литературной премии Беларуси за книгу «Просветление», первый белорусский лауреат Большой литературной премии России. Он стал писателем внутри двух культур: русской и белорусской, стал частью Золотого русского культурного массива, сохранил величие пушкинской строки, замечательно и мастерски выразив это и в стихах, и в изящном искусстве перевода. Стоит подчеркнуть, общим и связующим для них является дар одухотворять знание, превращать скучную, казалось бы, материю в настоящую поэзию. Метафизика земного бытия неизменно соединяется в стихах Анатолия Аврутина с его внутренним космосом, создавая запредельную, надмирную музыку вечного:

И опять на песке блики белого-белого света, /
И опять золотая небесно-невинная даль.
И светает в груди... И душа по-над бранным воздета, /
И парит над тобой то ли Родина, то ли печаль...
<...>

И тогда осенит, что последняя песня – не спета, /
Что перо – это тоже звенящая, острая сталь,
Что опять на песке – блики белого-белого света, /
И парит над тобой то ли Родина, то ли печаль.

(Из книги поэзии «Просветление» – Минск, 2016)

Пронзительно, эмоционально сильно прозвучали в русском мире и «10 ответов Валентина Курбатова на вызовы современности». Оптимизм, христианское жизнелюбие, слитность с верой, преданность России и русскому глаголу – все эти качества писателя, будто новым живительным родником вошли в русские души. «...в пору шатания родного слова и выветривания смыслов на базарном языке эпохи, тем и держишься, что небесный корень слова помнишь, адамову райскую простоту наших глаголов», – приходят на ум и слова из его книги «Наше небесное Отечество». Не перестаёшь удивляться потрясающему изречению этого человека: «80 лет и какое счастье!» «Ты, как пчела, собираешь улей жизни, и все цветы и поля твои, и каждый цветок отдельный, и нет ему повторения. И в этом саду равноправны утраты, болезни, смерти близких. Господь строит твою душу и, оборачиваясь, ты вдруг однажды сознаёшь, что каждый день единичен и необходим. И боль входит в порядок жизни, чтобы ты видел лучше и рос сердцем», – мы живём в вечности, вечность, какой она будет?

В интервью с футурологом, профессором Э. С. Демиденко «Будущее планеты и человечества определяется сегодня» автор книги подводит читателя одновременно к глобальным выводам о судьбах мира и об отдельной человеческой судьбе. Гибель биосферы и человеческой жизни в ближайшие 150–200 лет – возможен и такой финал. Господство техносферы, катастрофи-

чески изменяющей планету и наше индивидуальное жизненное пространство, нарастает. Оцифрование музыки, литературы, живописи – расчеловечивание, или та же грандиозная фаустиада с виртуализацией и царством автоматов – от человека биологического к его виртуальному «слепок»? Д. С. Мережковский сто с лишним лет назад писал в своём знаменитом трактате «Л. Толстой и Достоевский»: «...Человек... и есть по преимуществу живое, не замершее, не остановившееся, легко и естественно преобразующееся... вместе с тем предчувствует, что он, человек, – не последняя достигнутая цель, не последний неподвижный венец природы, а только путь, только переход, только временно через бездну переброшенный мост от дочеловеческого к сверхчеловеческому, от Зверя к Богу».

Мы должны сохранить в себе человека, сохранить планету, чего бы это нам ни стоило. Таков общечеловеческий и геополитический взгляд автора книги «Русская мысль и человечество». И оживают в памяти вечные, пророческие строки Блока о слитности человека и природы, о великом единстве мира, написанные им в 1901 году, но и ныне не потерявшие своей силы в познании тайны бытия:

Навстречу вешнему расцвету /
Зазеленели острова... //

Душа в стремленьи запоздала,
В пареньи смутном замерла... //

И вот – в завистливом смущеньи
Глядит – растаяли снега, /
И рек нестройное течение /
Свои находит берега.

Пусть этот любимый образ Лидии Довыденко находит и каждого из нас, находит и ведёт к своим благословенным берегам. Да будет так!

ВЕЧНОЕ СЛОВО СОВРЕМЕННОКОВ

Золотое сердце России
Мерно бьётся в груди моей.

Николай Гумилёв

СУДЬБА ЗЕМЛЯН

**О книге Сергея Пылёва
«А за окном – человечество...» – Воронеж, 2019**

Литература, становясь средством влияния на дух человека, инструментом его внутреннего преображения, одновременно превратилась в священный центр всей русской культуры. Поэт, писатель – это человек, стоящий между двумя мирами видимого и невидимого, познанного и непознанного, тонко чувствует границу, отделяющую материальное и духовное, которые не могут существовать вне друг друга. В любую минуту художник слова готов отодвинуть завесу и открыть для всех окно в иной мир – мир Божественный, мир, в котором живут идеи, мечты и архетипы, потому что писатели – проводники всего чистого, светлого, вечного. Через них люди имеют возможность познавать Божественные законы. Но их усилия будут напрасны без Читателя, умеющего услышать и увидеть эти законы, без его искреннего желания учиться, восходя на те духовные высоты, к которым зовёт нас подлинная литература. Эти мысли возникли при чтении новой книги Сергея Пылёва «А за окном – человечество...»

Гаджеты и человечество

Книга получила название по одноименной повести в сборнике, состоящем из шести повестей, многие из которых уже были опубликованы в литературных журналах «Берега», «Москва» и др. Сергей Пылёв взваливает на себя такое бремя, как выявление основных черт современного человечества.

С первых страниц читатель погружается в тему взаимоотношения детей и родителей, внуков с бабушками и дедушками. Одна из черт нынешних людей – это когда взрослых людей раздражают дети. Казалось бы, разве такое возможно? Но писатель знает, о чём говорит: в новейшие времена появились так называемые «детоненавистники», движение, имеющее международные масштабы, а члены этого планетарного движения идеологически ненавидят детей и всё, что с ними связано – «чайлдфри».

Так перед нами проходит череда новейших явлений современного человечества – это предприниматели, зарабатывающие на выдаче фальшивых сертификатов, заказные убийства, убийство несогласных с законами новейшей Украины жителей Новороссии, их детей и стариков, интерес к затмению суперлуны, однополые браки, боязнь детьми темноты, воды, монстров и всяких существ из мультиков, а также потерявшие вкус и запах продукты питания, владельцы «мерседесов», которым известна новая национальная идея: ничего личного, только бизнес.

Главный герой повести – пятилетний Славик, внук Зоиньки, которую повествователь встретил после смерти своей жены и понял, что с Зоей ему хорошо. Славик, как и, наверное, большинство детей современного человечества, не может жить вне гаджетов, и в сознании у него, в основном, монстры и чудовища, чередующиеся с фиксиками. Славик замолкал только во сне, и то скулил, рычал или скрипел зубами. Ребёнок находится на грани психического срыва, боясь засыпать, потому что это похоже на умирание в его понимании. Ему чудится ненависть к нему всех окружающих людей, и он кусает бабушке Зое руку.

Его трудно уложить спать, потому что в это время сгущаются все его страхи. Бабушка с дедушкой ощущали себя приложением к Славику. И все же благодаря мужским волевым и душевным качествам дедушки Сергея Владимировича мальчик, наконец, произносит: «И я вас люблю». Возвращается из Москвы в Воронеж и мама Славика Тоня, у которой хватает ума понять спасительное влияние дедушки с бабушкой на её сына. Человечество, которое за окном, со своими социальными болезнями, отступает на второй план, так как в конкретном одном доме торжествует любовь всех членов семьи друг к другу. Цифровое рабство, захватившее ребёнка, пасует перед безбрежной мудростью взрослого человека. Но ведь за окном человечество, стоящее перед той же страшной проблемой морального банкротства. Кто возьмёт человечество на ладони любви?

«Никишин сад»

Меня часто на встречах с читателями спрашивают о герое нашего времени. Я ссылаюсь на повесть Сергея Пылёва. Его герой Валентин Корнилов из деревни Никишино Воронежской области – человек с высоким уровнем яркого духовного светомира, испивший чашу страданий в поисках справедливости в последние десятилетия социалистического хозяйствования в деревне и в перестроечный период в истории России. Он преображает нас и придаёт нам направление и силы. Честный, трудолюбивый, будучи старшим сыном в многодетной крестьянской семье, оставшейся без отца, он помог матери поднять детей. Возглавляя животноводческий комплекс, добивается таких результатов, что его руководитель, боясь конкуренции, просит уехать. Валентин отправляется в Ворошиловград к одному из своих братьев, чтобы открыть для себя, насколько лучше живут на Украине, чем в России, понять огромную помощь Советского Союза и недружелюбие Украины, мечтающей о «незалежности», будто бы «без России заживём». И после 1991 года Валентин Корнилов понимает, что живёт в чужой стране, отка-

завшись получать украинский паспорт. Ворошиловоград вновь становится Луганском, а на улицах появляются надписи: «Кляты москали за триста лет усе сало зъили. Геть отсюда! Тикайте!» или хуже того: «Москалей на ножи!»

Возвратившись в Никишино, Корнилов узнаёт о том, что бывший председатель колхоза стал фермером, взяв лучшие земли, а кто-то покончил с собой, не приняв нового олигархического строя. Корнилову досталось неудобье, когда он решил крестьянствовать на родной земле. Никишино сгорело во время пожара в 2010 году, и на пожарище Корнилов высаживает яблоневый сад одним сортом «комсомолка». «Внизу холма на былом погорелье раскинулся шеренгами, точно в строю навьютяжку, молодой голенастый сад. Весь в переливах вызревших, ало блистающих яблок. Будто накрыл его закатный розовый туман». В любую погоду приходит Валентин Корнилов в сад и повторяет фамилии прежних жителей Никишино, называя их шёпотом. У Валентина молодой сын – помощник отцу с его укоренённостью в русской православной традиции и подлинным соответствием внутреннему миру отцов и дедов.

«Матушка»

Повесть о матушке Валентине, светлом образе, благородной женщины, которая была подвержена искушению любовью светского мужчины, с неожиданным разворотом – обретением Бога этим человеком. Володин ощутил потребность раздарить своё имущество нуждающимся и храму, став монахом Макарием. Как и в предыдущей повести, писатель вскрывает язвы общества: то детский приют, в котором живут дети алкоголиков и лишённых свободы, в повести «Матушка» читателю открывается страшная картина больницы, где доживают свои сроки обречённые на близкую смерть дети с неизлечимыми заболеваниями – так называемый паллиативный центр.

Благодаря помощи Володина девочка по имени Марина выжила, и её удочерили новые родители. Матушка Валентина

и отец Роман усыновили из этого центра и семилетнего Гошу, у которого опухоль головного мозга стала спадать под лучами заботы и любви.

Мечты о космическом Афоне, о православном храме на Луне чередуются с конкретными земными делами Божественного свойства.

Творчество Сергея Пылёва для меня, как читателя, – тайна, также таинственен и сам писатель: с необыкновенной чуткостью и бережностью он находит людей, которые становятся его героями с тончайшей красотой русского человека, принимающего на себя ответственность за ближнего. Деятельное бытие в духовном пространстве России обретает высокий свет во Вселенной внутреннего его мира. Сюда стягиваются лучи любви к земле, красоты природы, святой молитвы, доброты, таинство покаяния. В пустыню атеизма приходит живая вода православной веры. И автор, как и его герои, – это мужественные и величавые люди, которых Бог наделил щедрым талантом, острым умом и отзывчивостью.

«Опыты Луизы над Монтенем»

Это произведение видится мне особенно остроумной повестью Сергея Пылёва. Какой-то яростной энергией она пропитана при воспоминании о 90-х – начале нулевых годов. Олигарх, владелец АЗС, заправляющий автомобили разбавленным бензином. Неподалёку бомжи, живущие в подвале подстанции, городской морг и туберкулёзная больница. Уборщица на АЗС Луиза, дочь алкоголички, в прошлом торговавшая своим телом, предстаёт этакой Соней Мармеладовой среди нищеты и разрухи, вдруг однажды находит на свалке книгу «Афоризмы жителей Древнего Двуречья», которая изменила эмоциональную Луизу, ощутившую потребность в мудрости человечества. Оказалось, что двадцать тысяч лет в Двуречье рассуждали вполне современно: «только боги живут вечно под солнцем, но дни человека сочтены, все дела его – лишь ветер; поднимись на руины и прой-

дись по ним, посмотри на черепа простых и великих; какие из них принадлежали святым, а какие грешникам?», «Лучше с умным таскать камни, чем с глупым пить вино». Луиза читает известных философов, а Монтень стал темой её бесед с Сергеем Владимировичем, который устраивается на АЗС заправщиком, работает рядом с бывшим учёным, кандидатом биологических наук, по совместительству садовником в морге, по кличке Ботаник. Сергей Владимирович обладает огромным интеллектом и кругозором, по классификации Карла Густава Юнга относит себя «к этическим интровертам» и глубоко убеждён, что «наказание зла равносильно его прощению. Надо дать ему возможность остаться с самим собой наедине, вкусить собственного яда».

Луиза изо всех сил лучится к Сергею Владимировичу своим мощным либидо, «которое до Фрейда числилось по разнарядке блаженного Августина как срамная похоть плоти». Гибель Ботаника на АЗС в результате несчастного случая вызывает у Луизы срыв на прежний алкоголизм: «Я увидел Луизу такой, какой она будет накануне своего столетнего юбилея. Хотя было в ней что-то и от горько плачущего новорождённого ребёнка, который пришёл в отчаяние от безжалостной ссылки на планету Земля».

После увольнения с АЗС по причине конфликта с мамой владельца заправочной станции Луиза не выходила из запоя, а главному герою «всё вдруг разом обрыдло в жизни второго варианта человечества, слепопотопного. Заныла реальная депрессуха». Но, как и говорил Монтень, «нередко сам порок толкает нас на добрые дела». Луиза вышла замуж за бывшего военного лётчика, контуженного и хромого «афганца». А Сергей Владимирович отправляется в Задонск примерить на себя послушание, произнося: «Здравствуй, новая жизнь!», позаимствовав фразу «толи у Чехова, толи у Данте, надеясь, что они простят». Ярко зримые образы окружающего мира плотно населяют повести Сергея Пылёва и насыщают сердце талантом писателя вмещать в одну повесть мыслительную историю человечества с грустным, даже горюющим отдельным человеком, идущим по земным пределам, но поднимающим голову к небу с вопрошанием и обретением духа через душевные муки.

«Пан Пивак»

Повесть «Пан Пивак» – это история человечества, во всяком случае, западная история человечества, и тема русофобии. Первые её страницы писатель относит к периоду правления английской королевы Елизаветы, когда её посланник Джильс Флэтчер получил отказ от благочестивого царя Фёдора Иоанновича на беспошлинную торговлю в Московии. И тогда «Флэтчер в сатирическом запале написал книжицу «О Русском Государстве» и наши нравы да обычаи карикатурно представил в живости». И хотя Елизавета «за перегибы» повелела книжицу запретить, русофобия пустила корни и через века пышно распустилась, например, в Украине, не замечающей того, что в течение веков «варварскую страну» безуспешно пытались «цивилизовать» огнём и мечом, танками и самолётами так называемые «просвещённые» страны.

Чувство патриотизма у писателя естественно: «свежее, явное чувство любви к Родине, и я был рад, что оно посетило меня».

Оказавшись в современной Чехии, три командированных сотрудника из журнала «Лики жизни» ощутили в себе некий социалистический геном на квантовом уровне, «энергетический след призрака коммунизма». Экскурсии, замки и обязательные в них привидения, пиво «Старосмиховское», кофе, семидесятиградусная сливовица, бехеровка. И разговоры о России, Путине, Сирии, Украине, Донбассе.

Во время поездки на место знаменитого Аустерлицкого сражения небо писателю не открылось. Как он саркастически отмечает, ведь «он не князь Андрей», но извне что-то перетекло в нас, читателей, вместе с воем собаки, тосковавшей о тысячах убитых в сражении, что-то было оживлено мановением писательской руки с художественным мастерством, потому что рядом стоят латинские выражения древнейших римлян и досада за манекенов, одетых в форму советских солдат в чешском тире, и доброжелательность и враждебность чехов, то сдержанно-приветливых, то непоправимо обречённых на свою отдельность и неслиянность ни с кем.

«Сине-антизелёный глюон»

И, наконец, несколько слов о квантовой повести «Сине-антизелёный глюон».

Жили люди по общечеловеческой ньютоновской механике и вдруг – квантовая: в продолжение к ЕГЭ, к сокращению времени на изучение русской литературы и языка приезжает в педуниверситет комиссия по объединению с политехом. Именно по тому квантовому закону, что «все элементарные частицы превращаются друг в друга, и эти взаимные прекращения – главный факт их существования». Слово студент откладывалось в архив, а предлагалось слово «обучающийся».

«Костёр реформ» вызвал массовые больничные бюллетени, инсульты, попадание под машину, подобно тому же квантовому закону, что «ежесекундно только в видимой части Вселенной рождаются и умирают миллионы звёзд». Также саркастически в повести отражается та ничтожность современной медицины, которая не только не может правильно поставить диагноз, но явно издевается над людьми, чуть ли не поголовно объявляя пациентам онкологию на фоне «дела Скрипалей, трагедии в Кемерово, ночной ракетной атаки по суверенной Сирии». И даже когда кажется, что всё благополучно, интеллигентная женщина, купив платье с вырезом на красивой спине, сталкивается с тем, что «везде, куда наши отцы и матери выбирали самое лучшее из своих гардеробов, ныне вторгся дерзкий стиль дырявых джинсов».

Тут уместно вспомнить, что даже Эйнштейна посещала мысль, что «окружающая действительность существует лишь в тот момент, пока Вы на неё смотрите».

«Духовная диффузия» приводит к едва ли не большим страданиям повествователя, чем у жены, когда он узнаёт о её страшном диагнозе.

«Один умирает от сердечной недостаточности, другой – от сердечной избыточности», – констатирует писатель. И далее: «Я почувствовал себя словно бы точкой сингулярности. Но не той единицей пространства-времени, в которой заключалась

когда-то перед Большим взрывом вся материя, наполняющая сегодня нашу Вселенную, а в которой собрана вся боль, в ней накопившаяся за пятнадцать миллиардов лет вечности».

И снова мысль из квантовой механики о том, что «Эйнштейн противился в ней только мысли о том, что в основе сущности природы лежит случайность». Можно ли надеяться на излечение? «Да кто же такое допустит? – вырывается из уст героя повести. – Иначе он всех лекарственных олигархов и их прикормышей по миру пустит. Потом же и государству невыгодно спасать. Лишние пенсионеры ему не в радость».

Рождается спасительная мысль обратиться лишь к Богу, так как только там выносится «вердикт как всему человечеству, так и отдельным особям».

И опять душевная растрата ради усиления духа? Боже, сколько же его у нас в России!

Аннушка – то ли человек, сиротка-подросток тринадцати лет, то ли ангел, бросающийся на помощь людям-праведникам, – образ из лермонтовской поэзии на художественном полотне Сергея Пылёва не выбивается из общего фона повести, где земное и небесное тоже находится в «духовной диффузии».

Златоуст нашего времени, писатель рисует нравственно живительный мир, наполненный актуальными мыслями и человеческой теплотой, к которому читатели находят радостную дорогу. Я уже писала о миссии Сергея Пылёва, как переводчика с языка Вселенной на русский, чтобы мы могли найти ту духовную изначальность, без которой душа русская лишается своего корневого начала. Упоминание в повести Большого адронного коллайдера заставляет с тревогой думать о судьбе человечества, оказавшегося в зоне риска при поиске ЦЕРНОм (Центром ядерных исследований) под руководством Фабиолы Джианотти тёмной материи и двойника Вселенной, заявляя о новых технологиях и якобы новом качестве жизни человека, благодаря открытию элементарной частицы под названием «бозон Хиггса». На смену электронике идёт «бозоника», но станет ли отдельный человек духовно богаче и защищённее?..

ВЕЧНЫЕ СЛОВА

**О книге Л.Г. Яцкевич
«Православное слово в творчестве вологодских писателей»**

Певец вологодского слова

Вышла новая книга–монография Л. Г. Яцкевич «Православное слово в творчестве вологодских писателей», – Москва–Вологда, 2019. Людмилу Григорьевну, её исследовательские работы по краеведению, русской словесности и прозаические труды хорошо знают в научных и писательских кругах. Она доктор филологических наук, профессор, автор двухсот публикаций по языкознанию и вологодскому краеведению, в том числе десяти книг («Русское формообразование», «Структура поэтического текста», «Поэтическое слово Николая Клюева», «На золотом пороге немеркнувших времён: имена собственные в поэзии Н. А. Клюева», «Очерки морфологии вологодских говоров», «Слово о родной деревне», «Квасюнинская поговорочка» и другие). Подготовила и издала словарь «Народное слово в произведениях В. И. Белова» (2004). Участвовала также в составлении «Словаря вологодских говоров», школьных словарей «Вологодское словечко» и «Золотые россыпи», «Поэтического словаря Николая Клюева».

Член Союза писателей России, она публиковалась в журналах «Вологодский лад», «Берега», «Родная Кубань», а также на сайтах «Вологодский литератор», «Русская народная линия», «Российский писатель», «День литературы». Автор художественных произведений: сборника рассказов «Вологодская нива» (2004), небольших повестей «Поэт и блаженный» (2017), «А я всё живу ... Повесть о жизни Григория Кононовича Лавре-ги, рассказанная им самим» (Журнал «Берега», 2019, № 3), «Дет-

ство на Шексне» (2017–2019, сайт «Вологодский литератор»). Опубликовала книгу о череповецком поэте, погибшем под Ленинградом в 1943 году: «Владимир Калачёв. Стихи. Письма. Воспоминания» / Составитель Л. Г. Калачёва (Яцкевич). – Вологда, 2007. – 184 с.

Светлые думы

И вот я держу в руках красивый, объёмный, почти 400-страничный том, впечатлениями о котором хочу поделиться. Он поражает своей композицией и Светом Православия в творчестве вологодских авторов, имеющих разный духовный опыт и разный стилистический почерк. Л.Г. Яцкевич обращается к произведениям таких писателей, как Константин Батюшков, Николай Клюев, Алексей Ганин, Василий Белов, Александр Романов, Николай Рубцов, Виктор Коротаев, Ольга Фокина, Михаил Карачёв, Александр Цыганов, Николай Устюжанин, Алексей Шадрин, Александр Пошехонов, Наталия Сидорова, Юрий Максин, Андрей Лушников и некоторых других. Автор постоянно обращается к духовной поддержке святителей Тихона Задонского и Игнатия Брянчанинова, которые тоже родились на Русском Севере. Светлые думы, воплощённые в благодатным слове писателей Вологодского края, привлекают читателя.

Как отмечает автор книги «Православное слово...» ещё в 1855 году после паломничества по Вологодским и Белозерским местам писатель Андрей Николаевич Муравьёв назвал свою книгу о Вологодчине, отмечая духовный подвиг святых православных подвижников, – «Русская Фиваида на Севере». Эту намоленность северной земли и посеянные в ней зёрна христианского духа мы ощущаем и сегодня.

Свет православной веры воплотился в художественных образах и поэтических символах в произведениях вологодских мастеров слова, а Людмила Яцкевич рассматривает их творчество с точки зрения православной этики и эстетики, построив книгу на основе ключевых понятий: *вера, истина, любовь*,

терпение, красота, молитва, радость, грусть, слово, покаяние, соборность. Каждое из этих слов, вечных спутников жизни русского человека, стало названием отдельной главы книги.

Слова роднящие

В мире, где каждый день СМИ проливают на наши головы негатив (слова *грабеж, воровство, падение нравов*), так отрадно открыть книгу Людмилы Григорьевны и напиться благодатью, наполнить своё сознание очищающими словами, как написал Юрий Максим:

Немного в целом Море вечных слов,
ваяющих сознание народа:
Любовь, Семья, Отечество, Природа,
Надежда, Вера и опять Любовь.
Они роднят и очищают кровь.

«Имеют ли право писать о Православии не святые и не бого-словы?» – задаётся вопросом автор книги. Можно ли писать об истине, «не ведая истины»? Конечно, нет. Однако православный дух пронизывает русскую литературу и приближает её к истине. «Духовный опыт, – пишет Людмила Яцкевич, – связан с умением созерцать, то есть видеть мир в органическом единстве, в центре которого Бог». Для художественного созерцания писателям необходимо творческое безмолвие, о котором поэт Юрий Кузнецов сказал: «очами духа светит щит молчанья».

Святая Русь

«Россия, Русь! Храни себя, храни!» – завещал нам вологодский и мировой величины поэт Николай Рубцов. Святое близко стоит к Священному, о чём много думал Николай Клюев, пытается разбудить «духовных слепцов». Людмила Григорьевна сожалеет, что некоторые современные писатели и читатели утра-

тили священные начала жизни. Она опирается на размышления философа И.А. Ильина о том, что духовная рана современной культуры – утрата священного. Часть человечества пыталась «создать культуру без веры, без сердца, без созерцания, без совести, и ныне она переживает своё крушение и бессилие». Путь к священным истокам требует духовного мужества.

«Нерукотворную Россию свидетельствую, братья, Вам», – писал Николай Клюев. Нерукотворную – значит святую. Поэт говорил: «Узнал я, что существует тайная, скрытая от гордых взоров иерархия, церковь невидимая, Святая Русь... Есть души, связанные между собой клятвой спасения мира, клятвой участия в плане Бога, раскрытия красоты лика Божьего».

Неслучайно Николай Гумилёв сказал о Клюеве: «Славянское ощущение светлого равенства всех людей и византийское сознание золотой иерархичности при мысли о Боге».

А Клюев как будто писал для нас, сегодняшних:

Сгинь, Запад, – змея и блудница.
Наш суженый – отрок Восток...

Не зовите нас в Вашингтоны,
В смертоносный железный край!

Слепцы, различаете небо восточное...?

Постижение Божьей правды

Слов «Святая Русь» почти не встретишь у вологодских поэтов, вместе с тем они относятся к Отечеству как к святыне, – отмечает автор исследования.

Белый храм как священный образ России мы встречаем у дореволюционного писателя Никона Рождественского, епископа Вологодского, у поэтов Виктора Коротаева и Николая Рубцова. Вот как говорил о Ферапонтове Николай Рубцов: *«И казалась мне эта деревня чем-то самым святым на земле»*. А вот его поэтические строки о святыне Вологды:

Красотою древнерусской
Обновился городок.
Снег летит на храм Софии,
На детей, а их не счесть.
Снег летит по всей России,
Словно радостная весть.

Лики святой Руси просвечивают в произведениях Василия Белова, Ольги Фокиной, Александра Романова, Алексея Шадринова, Александра Цыганова.

Постигать Божью правду – тяжелейший духовный труд. Автор книги сравнивает двух авторов, написавших о Соловецком лагере, Бориса Ширяева и Захара Прилепина. Борис Ширяев полученный в лагере духовный опыт выразил в книге «Неугасимая лампада». Уже после окончания Великой Отечественной войны, всмотревшись в прошлое, написал: «Дивная, несказанная прелесть преображённого Китежа засияла из-за рассеянной пелены прошлого, смрадного тумана. Обновлёнными золотыми ризами оделись обгорелые купола Соловецкого Преображенского собора, вознеслись в безмерную высь и запели повергнутые на землю колокола. Неземным светом вечного духа засияла поруганная, испепелённая, кровью и слезами омытая пустынь русских святителей, обитель веры и любви. Стоны рождали звоны. Страдание – подвиг, временное сменилось вечным». Писатель-творец научался правде у Бога-Творца.

Когда этого не происходит, у писателя возникает ложный образ мира, как это произошло у Прилепина в романе «Обитель». Главный герой его – не политический заключённый, а столичный молодой человек, убивший отца. Это уголовный преступник. Основное внимание Прилепина уделено его любовным похождениям, а не безвинным узникам, сохранившим в духовном борении чистоту души. Фальшивый сюжет: у Прилепина происходит подмена истинных духовных трагедий мучеников описанием физиологического страдания плоти грешного человека. А книга Бориса Ширяева – постижение Божьей правды. В русском национальном сознании Соловки – святыня,

духовный оплот Отечества, непобедимый, преображённый Китеж, потому что там, на протяжении веков, не прекращалась молитва. Там в разные времена страдали жертвы безбожного произвола. В поэме «Соловки» Николай Клюев вспоминает святых Соловецких: преподобных Изосима и Савватия, пономаря Авиву, строителя пустыни Феодора, рассечённого саблей отца Парфения, отрока Ивана на колу. И сам автор через несколько лет после написания этой поэмы был арестован и расстрелян.

А недавнее награждение Захара Прилепина за героя-преступника говорит только об одном: не читали «восторженные поклонники» поэмы Николая Клюева, не знакомы они с наследием русского философа Павла Флоренского, писателей Бориса Ширяева и Олега Волкова. И необъяснимо, почему критик Владимир Бондаренко вознёс Прилепина, зная творчество выше-названных писателей, которые поняли, что «если физические законы по крепости железные, то духовные законы – алмазные» (отец Павел Флоренский).

Жанр молитвы

В русской поэзии этот жанр довольно распространён. К нему обращались Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Вяземский, отец Иоанн Шаховской, С.С. Бехтеев, Н.А. Клюев. Поэтическое созерцание сродни религиозному. О духовном свете не вечернем писали многие русские писатели, начиная с А.С. Хомякова. Помню, как впервые я переступила порог храма на поле Куликовом, когда весенний мартовский день клонился к закату, в сумерках зажегся свет в храме. И вспоминались мне строчки Ивана Бунина:

Любил я в детстве сумрак в храме,
Любил вечернею порой
Его, сияющий огнями,
Перед молящейся толпой;
Любил я Всенощное бденье,
Когда в напевах и словах
Звучит покорное смирение

И покаяние в грехах.
Безмолвно, где-нибудь в притворе,
Я становился за толпой;
Я приносил туда с собой
В душе и радости, и горе.
И в час, когда хор тихо пел
О «Свете тихом», – в умиление
Я забывал свои волненья
Я сердцем радостно светлел...

«Вечер и утро особенно благодатны, – писал Павел Флоренский своему другу Василию Розанову, – для молитвы, для созерцания». Вот как описывает Флоренский всенощную службу в Троице-Сергиевой Лавре: «Вечерело. Золотые лучи ликовали. И торжественным гимном Эдему звучало солнце. «Свете тихий» совпадало с закатом. Пышно нисходило умирающее солнце. Сплетались и расплетались древние как мир напевы. Ритмически пульсировало чтение канона. И грусть потери таинственно зажигалась радостью возврата. Слава Тебе, показавшему нам Свет! И звезда Вечерняя стала тогда в алтарное окно. А в сердце всходила неувядаемая радость».

Людмила Григорьевна в своей книге дарит эту неувядаемую радость, напоминая вечные слова русской литературы: стихотворения Константина Бальмонта «Свете тихий», Александра Блока «Вечерняя», Марины Цветаевой, вдохновлённой «Вечерней» Блока: «Божий праведник мой прекрасный, свете тихий моей души».

Постигая эту «неувядаемую радость», мы подобно поэту, «забываем свои волнения», они уходят в осознание Божественной тайны мира, как в стихах Николая Рубцова:

...и над Родиной, полной покоя,
Так светлы по ночам небеса!

Эти стихи, рождённые в прикосновении души поэта к тайне мира, перекликаются со словами Игнатия Брянчанинова: «Всё существо человека погружается в духовное утешительное наслаждение священным миром Христовым...»

У Рубцова в стихотворении «После грозы»:

Как это странно
И всё-таки и мудро:
Гром роковой перенести,
Чтоб удивительно
Светлое утро
Встретить, как светлую весть.

Как это созвучно с библейским «Свет во тьме светит, и тьма не объяла его».

По словам Игнатия Брянчанинова, вера является «причиной сердечного спокойствия, сердечного благодатного мира» – этих драгоценных свойств христианской души.

«Любовь на вечный срок»

Христианский идеал любви в книге «Православное слово...» рассматривается в творчестве таких вологодских поэтов, как Николай Рубцов, Михаил Карачёв, Нина Иванова-Романова. Строки Николая Рубцова о «неувядаемом цветке, неувядаемой ниве» перекликаются с библейской и святоотеческой традицией понимания любви. Земная жизнь конечна, как полевые цветы, а душу человека наполняет «любовь на вечный срок». Сквозь неё прозревает поэт Святую Русь в стихотворении «Жар-птица». Лирический герой, познав суету земной жизни, возвратился домой для того, чтобы узнать святую истину любви. В стихотворении «Старая дорога» он признаётся в любви к «древним дорогам» родины, видит над ней «голубые вечности глаза»:

Здесь русский дух в веках произошёл...
И ничего на ней не происходит,
Но этот дух пойдёт через века!

К голосу души прислушивается Михаил Карачёв. «Все дарования без любви ничто», – этими апостольскими словами

можно определить духовное и художественное мерило русской поэзии. Чувство поэта сродни молитве, творческое восхищение души – сила, побеждающая смерть.

О жизни и поэзии Нины Ивановой–Романовой, судьба которой сложилась трагически, Людмила Яцкевич пишет как о судьбе поколения, представителями которого стала поэтесса и её Герой – Александр Афанасьев. Её стихи и роман «Книга жизни» оставили нам живые чувства: любовь и горечь вечной разлуки, мужественную победу над обстоятельствами. В стихотворении «Мысли без оглядки», посвящённом Анне Ахматовой, с которой Нина Михайловна была знакома, она писала:

Как ты ошибся, человек!
Ты торопил себя безмерно
Не в этот ли двадцатый век,
Кровавый, грубый, лицемерный?

Автор книги хотела бы создать портрет Нины Ивановой–Романовой, с которой она была знакома в молодости в 60–80-е годы. Людмила Яцкевич пишет: «Стихи и роман потрясли меня глубиной чувств, суровой судьбой героев, красотой романтического, необыденного восприятия жизни».

Редко-редко, меж дождём и градом,
спазмой горла, горьким жестом рук –
И ко мне заглядывает Радость,
Словно лето за полярный круг.

Эта светлая радость верной любви – духовная сила, которая преодолевает мировые катастрофы.

«Священный дар красоты»

В главе «Красота» Людмила Яцкевич размышляет о рассказе Николая Устюжанина «Вечная девушка». В храме молодой человек увидел на клиросе среди поющих необыкновенную девушку, он ощутил в крови «неутихающую нежность». Однако

образ целомудренной, божественной красоты был ограждён от земных проявлений любви: девушка оказалась горбуньей. «Слёзы разбитого счастья» ощущал на лице герой рассказа, обращаясь к Богу в молитве, чтобы Он «открыл тайну произошедшего». И вот «восторги утихли», «сменились ровным ходом отрезвлённого сердца». Описывая духовное возрастание молодого человека, писатель в своём рассказе сплетает в единый узор земное и небесное.

Гёте говорил: «Красота – в глазах смотрящего». Такой вывод делает и Л.Г. Яцкевич, размышляя над рассказом А.А. Цыганова «Садовник». Писатель реалистично изобразил внешний облик главного героя, неудачливого, униженного и бедного человека, и по контрасту показал прозорливо его сокровенную душу, красоту которой люди не замечают. По своему терпению, любви к ближнему и милосердию его душа уподобилась Христу, которого в Евангелии называют «Господином виноградаря».

«Свете тихий от народного лика»

Духовная радость и чистота живут на страницах книги Людмилы Григорьевны. Обращаясь к творчеству вологодских писателей, она напоминает нам о «вековом родстве», не раз выручавшим и спасавшим народ в годину горя, беды. Она выполняет свой главный творческий долг – напомнить об исконном соборном единстве православных людей и о его сохранении:

И поныне те злодеи
Рвутся к власти неспроста.
Что ж мы в горе холодеем?
Встанем,
Встанем в круг родства!

(А.А. Романов)

Русский народ издавна соборность жизненного уклада определял словом «лад». Книга с этим названием Василия Белова напоминает о соборном сознании, включающем веру, главную

хранительницу русской земли, труд и русскую природу. А как потрясающе напоминает книга Людмилы Яцкевич об исконно русском, древнейшем слове **хор**. Хоровое пение было распространено на Руси в церкви и в быту, было выражением соборного сознания народа. Отмечаемое митрополитом Иоанном Сычёвым хоровое пение – это «свидетельство богатства соборного опыта, поднимавшегося в иные мгновения до вершин истинно святоотеческой чистоты и ясности».

«Невыразимы смертными словами» величие духа русского народа, его судьба, здесь нужны «вечные слова», которые и находит автор книги, созидая её как молитву под благодатным покровом умиления, полноты сердечного чувства. Прочитав книгу, ты прошёл тем путём, который объединяя с ушедшими и грядущими поколениями, подобен нашей жизни, нашему земному пути среди родных просторов и сквозь историческое время Отечества.

А вологодские писатели подобны «вещим Бояновым сынам» (Н. Клюев), которые своим православным словом несут благую весть – твёрдое желание соборного единения народа и созидания нетленной России.

Людмила Григорьевна Яцкевич (Калачёва) родилась в г. Череповце Вологодской области. Доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России. Работала в Гомельском университете в Белоруссии, затем в Вологодском университете. Автор научных публикаций по языкознанию и вологодскому краеведению, в том числе пятнадцати книг: «Структура поэтического текста», «Поэтическое слово Николая Клюева», «На золотом пороге немеркнущих времён: Имена собственные в поэзии Н.А. Клюева», «Народное слово в произведениях В.И. Белова», «Слово о родной деревне», «Квасюнинская поговорочка: язык малых жанров фольклора», «Православное слово в творчестве вологодских писателей» и др. Участвовала в составлении «Словаря вологодских говоров», «Поэтического словаря Николая Клюева». Автор сборника рассказов «Вологодская нива», на который В.И. Белов откликнулся рецензией «Книга с вологодским характером».

«ДНЕВНИК»

и «НАШЕ НЕБЕСНОЕ ОТЕЧЕСТВО»

О книгах Валентина Курбатова

Изборск, начало 2020 года, канун Православного Рождества, канун встречи со ставшим родным для меня писателем, заново открывшим для меня «Наше небесное Отечество» и Пушкина, и Россию.

Я с волнением думаю о предстоящей встрече, медлю в Изборске перед тем, как поехать в Псков, по которому в новогодние каникулы движется множество людей, много школьников, студентов, семей с детьми, которые с сияющими глазами поднимают головы к куполам древних храмов. Толстые кирпичные и каменные башни, открывающиеся просторы земли с высоты крепости, река Великая. Но сначала надо поклониться Словенским ключам, куда, несмотря на накрапывающий дождь, людские реки текут, замерзая мокрым лицом и согреваясь изборским сбитнем на травах, который продаётся по пути по простой просёлочной дороге к Ключам – 12 источникам, как 12 апостолам, сливающимся в один поток, устремляющийся в Городищенское озеро. Неслучайно Николай Рерих написал здесь картину «Дозор», а общее впечатление от этих таинственных, священных мест можно было бы выразить словами философа Владимира Соловьёва:

Милый друг, иль ты не чуешь,
Что одно на целом свете –
Только то, что сердце сердцу
Говорит в немом привете?

«Дневник»

Валентин Яковлевич – один из самых известных современников, член редакционного совета журнала «Берега», литературный критик и публицист, академик Академии российской словесности, лауреат Патриаршей премии говорит: «Кажется, что жизнь случайна от начала и до конца. Но вдруг наступает период, когда ты понимаешь, что все случайное будто было срежиссировано кем-то очень талантливым, и все начала и концы начинают соединяться в твоей памяти. И всё вместе складывается в дивный роман под названием «Жизнь».

В письме Валентин Яковлевич со свойственным ему светлым юмором написал, что будет выходить на дороги Пскова и ждать моего появления. Вышел он на площади у памятника Александру Сергеевичу Пушкину с няней Ариной Родионовной скульптора Олега Комова, где мы встретились и обнялись, сфотографировались у памятника поэту и няне, любившей его безоговорочно, преданно, всем сердцем.

Валентин Яковлевич сделал мне одухотворяющий подарок – свою новую книгу «Дневник», вышедшую совсем недавно. Я знала об этом нашем духовном родстве, а «Дневник» сблизил. Ещё и ещё нахожу отзывающиеся в сердце и уме мысли о том, что если взялся за сочинительство, то надо идти до конца: «Увы, я уже никогда не буду идти до конца. Не выучился ценить себя. Всё время бегал за «умными», стыдился своего деревенского». И я, всегда с огромной любовью и восторгом смотревшая на поэтов и философов, забывая себя, это понимаю. Как няня для Пушкина, так для многих, взявшихся за сочинительство, была литература и философия предшествующих веков, потому что писать, особенно в России, – это значит искать, а также спасать, и «мы ищем, ищем, Господи, что спасёт нашу страну? Но даже во сне и в молитве не слышим ответа, не умеем прочесть в любящей тишине взгляда. А оно, Слово, – в Победе, первом спутнике, Гагарине, когда мы были одно сердце».

Вспоминая набоковского Себастьяна, которого друг застал лежащим на полу и услышал: «Я ещё не умер. Я завершил со-

творение мира!», Валентин Яковлевич пишет, что «не сотворил мира, и чем совершеннее набоковский текст, тем нестерпимее чувство тщетности и пустоты моего бытия, потому что если жизнь не названа, не облечена в слово – то её нет, ты давно умер, и сквозь тебя уходят люди, не замечая твоей материальности. Ещё мог держаться в плоти писем, а когда они ушли в E-mail, жизнь потеряла последний ослепительный остаток. У клавиши нет почерка. Индивидуальность неотрывна от почерка».

Но всё же и в электронных письмах он неотразим и как раз индивидуален, и каждый раз, читая Курбатова, ты ловишь себя на мысли, что ты читаешь о себе: «Простите, что “объявляюсь” редко. Провёл распутинские вечера памяти в разные дни в Петербурге – в Капелле, в Александро-Невской Лавре, в Президентской библиотеке. В Пскове провёл, в Михайловском. А позавчера вот ещё и в Москве, в Толстовском музее. Разговоры везде были болезненны, потому что, к печали, не делаемся мы умнее и памятливей. Теперь выучились “ссылать в великие”, как ссылали на Кавказ, чтобы меньше говорить о горьких проблемах. Назвали “великим”, сделали выставки книг, показали кино на “Культуре” – чего вам ещё?

Чего больные-то вопросы ворошить, дайте пожить в своё удовольствие. А ведь сегодня никакое воображение не представит живыми ни Шукшина, ни Распутину...

Но при всей горечи разговоры были нужны, и видно было, что совесть наша не вовсе ещё умолкла, и когда заговариваешь о живой боли, сердце ещё вспоминает себя, и потом трудно разойтись, хочется побыть вместе...

С благодарностью

Ваш В. Курбатов».

Или поздравление со светлым Христовым Воскресением (15.04. 2017): «Ещё “молчит всяка плоть человека”, но “ангели уже поют на небеси”, призывая нас к чистоте сердца, и по двору Дивеева, по канавке Богородицы идёт с батожком, сам похожий на батожок, светлый Серафим и улыбается: “Христос Воскресе, радость моя!”, потому что для него камень-то отвален от гроба ещё тогда и навсегда. И навсегда “Его нет здесь, Он воскрес!”

Ах, если бы мы, бедное человечество, однажды поверили так, то камня-то и не было бы, и мы бы светили лицами, и никогда бы из Дивеева не делали “Арзамаса-16”. И на наши лопатки вернулись бы отпавшие крылья, и мы бы только успевали обниматься и благодарить жизнь. Но, слава Богу, бескрылые, ещё можем похристосоваться и опять на минуту поверить в бессмертие. Новости лучше не глядеть ... Христос Воскресе, дорогая Лидия Владимировна!»

«Дневник» – это отражённое в слове время, начиная с 1970-х годов до наших дней: «Минувший век всё ещё был временем дневников. Человек ещё был интересен себе, потому что ещё не был «завален» другими людьми, всеобщим нынешним растворением в уличном, телевизионном, интернетовском хаосе. Вглядываясь в себя, как в чужого, понимаешь, что этот другой – это счастье и чудо». «Дневник» отражает не только твою жизнь и твоё время, но и ту мысль, что все вместе мы были «частью общественной истории, где нет чужого». Это и исповедь, и свидетельство, и мировоззрение, и нравственные оттенки, отражение «небесной всеобщности», «эхо нашей всеобщей разговорчивости, старая тень Достоевских «трактирных мудрецов», которые через две минуты после встречи уже решают вопросы мира», хотя начиналось с простого: «жалко провожать день, не оглянувшись». И сегодня, когда по мысли Валентина Яковлевича, нет великих людей, а есть «раскрученные», всё же «Дневник» его – это зеркало нашего русского духовного строения общества, «где всё соединено – живая простота повседневного человека, прорывы ищущих и небесный синтез великих умов, которые собирают мир и на которые мир смотрит с благодарностью»...

Со школьной поры, с поры флотской юности, когда мысли связаны были с жадным чтением и удивлением богатством мира, что потом обнимется словом «шестидесятники», заглядывающие друг другу через плечо, обещанием самому себе – быть чем-то и что потом, слава Богу! – вытерлось и истлело, «как сукнецо на шинели Акакия Акакиевича». Но есть нечто-то в мире непреходящее, вопреки Соломону, не раз утверждён-

ное в отечественной религиозной философии и нашедшее своё определение у Валентина Курбатова: «Время ухватывается за нас, и ему хочется увидеть себя со стороны, отразиться в Слове – единственном организме, неподвластном смерти».

«Наше небесное Отечество»

Есть книги в твоей личной библиотеке, которые похожи на «спасительное Божье милосердие», к которым отношу книгу Валентина Яковлевича «Наше небесное Отечество». Она у меня уже двенадцать лет: распечатанная на принтере и в электронном виде. На какой странице ни открою, везде нахожу мысль, наполняющую душу и обогащающую, удивляющую, например: «Величие и величина – это не только не совпадающие, но и часто противоположные понятия».

Читаю и перечитываю: моя книга, мой писатель... Наслаждение и стилем, и слогом. И никого не могу поставить рядом с Курбатовым, кто так бы впитал в себя национальную культуру и так гениально выразил её духовные корни, слился с нашей верой.

Писатель делится своими впечатлениями от поездки в наше небесное Отечество: в Византию, в Константинополь, в начало нашей Православной веры, к святым отцам: «Чудесно белеющие колонны смотрели в небеса, на них партизанские кресты первых христиан, начертанные неуступчивой рукой. Во времена Константина построили рядом византийскую церковь самого русского вида и объёма, и это чудесное соседство уже не страшило и не унижало их, а давало почувствовать счастье и победу Христовой бедности над самоуверенной гордостью земного владычества».

«И здесь чувствуешь домашний отзвук родного приветов подлинной Православной Церкви. И в Апокалипсисе находим Сардисе: «есть несколько человек, которые не осквернили одежд своих и будут ходить со мной в белых одеждах, ибо они достойны...»

А вокруг «безумные тюрьмы и замки Пиранези с их кирпичной агрессивной циклопической мощью, даже в руинах норважской раздавить землю своей тяжестью».

«Мечети легко используют остатки римских и византийских мраморов, куда вставлены краны, чтобы мыть ноги перед входом в мечеть».

«Куда канула великая слава и могущественное Слово, которое вековечнее камня и железа? Ведь здесь родилась церковь, обнимающая полмира?»

«В Никее вздрагивает сердце при виде такой же по-русски родной Софии, где на Первом Соборе начинал складываться Символ веры.

С удивлением видишь – вот какое Православие мы принимали! Эту строгую мерность, эту возвышенную ясность и чистоту, эту царственную гармонию, которые так слышны ещё в древних храмах Новгорода и Владимира».

Нет-нет, да мысли вернутся в сегодняшнюю Россию: «Душа и глаз просят церкви на одном из холмов – белой свечи, которая тотчас собрала бы день и даль, а чаша озера при первом звоне ответила бы чаше неба. Но далеко разошлись друг от друга русские деревни, все меньше изб выбегают посмотреть на своё отражение, и красота отзывается болью, как если бы весь этот ненаглядный день в облаках, птицах и водах о чем-то молил твоё сердце, заранее зная, что не удержит тебя».

После изгнания в России Православия почти на 70 лет мы выбрали его заново, многие крестились во «всей полноте и ответственности», и вот благодаря Валентину Яковлевичу, причастились к колыбели земли христианства, «плоти земли, из которой выросли спасительные плоды нашей веры». Челночная репутация Турции не должна заслонять торжествующую там Византию, Миры Ликийские, где явился «самый русский» образ веры – Николай Чудотворец; Эфес, где жили после распятия Христа апостол Иоанн и Дева Мария и где апостол Лука писал первые образы Богородицы.

Современная Турция – место, где родился апостол Павел, где проповедовали апостолы Пётр и Андрей Первозванный, слави-

ли Спасителя святые Фёкла и Параскева Пятница. Поэтому так искренне я разделяю радость открытия и чудо «живого и остро ощутимого свидетельства молодости и силы христианства» Валентина Яковлевича, благодаря которому росло и прибавлялось новое знание, ведущее к небесному Отчеству и преображённому земному, а книга его стала непрерывной молитвой, исполненной света и живого тепла: «Какой же великое Православие мы приняли! Какой осанки и мощи!»

Мысли к 80-летнему юбилею

Ответ Валентина Курбатова возрасту: «Чем благословенна старость – я всем говорю, ребята, скорее старейте, вы узнаете очарования этого возраста, вам будет стыдно вспоминать свои 20 и 25, когда вы будете видеть, как созревает всё, что в вас господь закладывает, и вы, как дерево, произрастаете, ветви всё шире и могущественнее.

Ты впервые понимаешь значение слова молодость, вдруг оно открывается в громадном объёме и в красоте, какой-то летучей юности своей, ты глядишь на молодое поколение чуть снисходительнее, как на безнадежно старых, унылых и потерявших самое дорогое качество.

Каждое мгновение прекрасно, встаёшь каждое утро – восторг, солнышко светит – прекрасно, дождик – ещё лучше, тучки нашли – превосходно, и вот когда тебя окружают самые дорогие люди и когда съезжаются друзья, ты чувствуешь как плодоносна жизнь, ты думаешь, неужели, мне будет 80 – и какое счастье!»

О журнале «Берега»:

Господи, благослови! Всякий раз, выглядывая в телевизионное окошко и видя, как скоро мир теряет рассудок, поневоле боишься, что благие замыслы могут погибнуть по дороге. Но – никто, как Бог. Мир однажды проснётся, оглянется и ахнет – опять, значит, мы дорожку миру топчем, из безумия его выта-

скиваем. И опять русским Словом, потому что оно не забывает своего евангельского истока. Номера «Берегов» так хороши, что с испугом думаешь перед новым, что это последний хороший номер, что дальше уже просто не из чего будет собрать. А вот проходит месяц-другой, и оказывается, что мы не просто неисчерпаемы, а час от часу богаче. Я в этом году заметил (по “Ясной Поляне”), что мир только-только начинает собираться, и что наш журнал – только первая ласточка. Давайте себя так и вести – первой ласточкой: глядите, де, ребята, как это делается, и давайте дальше делать это вместе.

О современниках:

А “нового” человека не умел принять Валентин Григорьевич Распутин, понимая, что для этого “нового” надобен уже другой язык, а это уже значило бы переломить себя. Валентин Григорьевич замолчал в последние годы так тревожно, что общество могло спохватиться – что оно сделало с собой, что лучший художник не умеет найти для него слова, но кто же сегодня будет оглядываться на слово. Это вчера литература ещё была властной силой, и её можно было опасаться, а художника преследовать за жёсткое слово правды, а сегодня ты волен говорить, что хочешь, а мир не обернётся. Это грустно, но это же накладывает на нынешнего художника ещё большую ответственность. Теперь уж за слово надо будет отвечать на Страшном суде, а там спрашивают посерьёзнее земных властей. И лучшие (наши авторы) всё вернее слышат это и ищут не “хлябающего” слова, чтобы держать реальность в ясности и умном свете.

Когда же мы из населения станем народом? Вот и в литературе одни ещё договаривают старые живые правды, а другие уже и жанры определяют, как «фэнтези», «хорроры», «палп-фикшны», «стендап-комиксы» или «роман нуары» (наши, наши определяют!) и брезгуют реализмом, конфузясь перед Европой, – не буду называть фамилий – авось, ребята ещё вернутся «домой». И читателю надо почувствовать, что он не один в непонимании происходящего и что ему ещё есть за что ухватить-

ся. Да и слово по слову, глядишь, и окрепнем для настоящего сопротивления безумию времени.

Из письма от 15.1.2018:

“Порода” уходит, достоинство. Сами мы разбеганием своим и повредили прежнему высокому значению слова “писатель”. Никто уж нас всерьёз, как в доброе старое время, не берёт. Я, “простой советский человек”, проживший жизнь со своим народом, как прожили его другие “простые советские люди” с войной, голодом, надеждой на разумность истории, которая шла так, как шла. Я по-деревенски думаю, что если история совершилась, то, значит, она и была неизбежна – Божьей ли волей, Божьим ли попусшением. Задним числом в ней ничего не исправишь. И перестановки акцентов правоты неизбежно делают неправыми других людей. В данном случае этой “неправой стороной” окажется весь советский народ с его чаянием равенства и единства, и мы совершим окончательное предательство своего народа, которое совершаем сегодня ежедневно, сослав народ в пассивное неразумное большинство, управляемое сотней умных подлецов. Вообще, перечитывать русскую историю из-за границы, значит, неизбежно делать её литературой. Такие книги неизбежны и естественны, но действенны они могут быть только тогда, когда будут только свидетельством, а не судом. Можно сетовать на “неразумие истории”, но нельзя её отменить и, следовательно, единственно разумное – найти объяснение, почему она пошла именно так, и понять Божий замысел о России. Я тут на стороне философа В. Соловьёва, говорившего, что “национальная идея” не то, что люди думают о себе в истории, а то, что Бог думает о России в вечности»...

«НА НОВОМ КРУГЕ УЦЕЛЕЕМ»

Поэзия и философия Эляны Суодене

И чувствую – правдива
Вселенной красота,
И золотится нива,
Как новая строка...

Эляна Суодене

Эляна Суодене – доктор гуманитарных наук, автор 16-ти поэтических сборников, а также ежегодных христианских календарей. Кроме ежегодного международного фестиваля поэзии: «Покрова» (Каунас), она также организовала фестиваль «Многоречивая Вилия» (Вильнюс), является автором идеи проведения Международного литературного фестиваля МАПП «Балтийский гамаюн» (Вильнюс) и Форума русской поэзии стран Балтийского региона «Поэтодень» (Каунас). Эляна руководит каунасской литературной студией «Поэтоград», создала Центр культуры им. Л. Карсавина в Каунасе, руководит проектом по изданию литературного альманаха «Oceanus sarmaticus». Награждена: «Золотое перо» Европейской академии искусств и литературы, «Золотой лауреат» Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» за вклад в развитие русской культуры в Литве (2017), правительством Литовской Республики награждена серебряным Знаком чести «За заслуги» (2018).

Фестиваль духовной поэзии «Покрова»

Мы познакомились на неповторимом, уникальном фестивале духовной поэзии «Покрова» в Каунасе. Сразу стало понятно при первой же встрече: мы с Эляной Суодене близки

по духу. Её деятельность многогранна. Инициатором, вдохновителем, организатором и ведущей фестиваля русской поэзии «Покрова» в Литве является Эяна. Блестящего организатора, учёного и поэта, Эяну Суодене, которая живёт в Каунасе, пишет на русском языке, хорошо знают за пределами Литвы как автора книг о поэтах и философах Серебряного века: «Метафизика вечной женственности», «Поэма о Марине Цветаевой», «Поэма о Карсавине или песнь Элените», «Поэма об Андрее Платонове», «Поэма об Анне Ахматовой» и других книг и статей.

Всечеловечность – девиз её фестивалей, всеединство, пассионарность, соборность. Ведь если следовать А.А. Лапшину, «конечная цель творения – во всеединстве, в стремлении к единству, независимо от национальной принадлежности». Когда звучит на «Покровах» поэзия из Литвы, Латвии, России, Беларуси, мы понимаем, что центром притяжения авторов является общество культуры имени Льва Карсавина при Каунасской Благовещенской церкви (настоятель – отец Николай Мурашов) и Каунасский клуб «Надежда» Русского собрания Литвы, но главное – ощущаем Покрова Пресвятой Богородицы, для многих любимый и сокровенный праздник. Такие встречи необходимы для гармонизации сознания, как говорит Эяна Суодене: «создавая лад строфы, художник слова возвращает миру утраченную модель гармоничной целостности Мироздания». Поддерживает это стремление и отец Николай, который считает, что творчество художника состоятельно тогда, когда оно соотносится с «постижением высших божественных смыслов», а поэт прислушивается к голосу совести.

Валерий Иванов, философ, поэт, автор известной социальной-философской монографии «Нравственный крест», руководитель общественного движения РАРОГ, отметил, что фестиваль «Покрова» воспринимается через нравственный акцент. Художники и поэты – часть культуры, в которой есть место Благовещению, Любви, внутреннему свету. Здесь живут все-ленский разум и истина, человек как носитель добра на святой земле.

Эльвире Поздней, поэту и главному редактору альманаха «Ступени» (Вильнюс), видятся «Покрова» как возможность найти себе единомышленников: «Каждый из нас мечтает, чтобы нас кто-то нашёл...», это возможность «с другими делиться добротой».

«Поэма об Анне Ахматовой»

Поэма издана в 2019 году в Каунасе. Эпиграфом к ней Эляна Суодене взяла слова Анны Ахматовой: «В то время я гостила на земле».

Так и воспринимается поэт Анна Ахматова – гостьей на земле, «грешной и святой»:

– Откуда в гости к нам нагрянула, с каких высот, с каких низин?

По словам Эляны, Анна Ахматова «вечной женственности муку сумела в свет преобразить», потому что пристальное внимание одной женщины и поэта направлено к другой женщине и поэту, и больше всего – именно к женской сути Анны Ахматовой.

Обращаясь к книге «Вечер», Эляна Суодене не могла пройти мимо ответа на вопрос: «С каких низин нагрянула к нам гости?» Низины – это когда:

Она писала об измене
Поэтизируя её...
И образ грешной откровенно
Стал центром пламенных стихов...

Но не укрывается от глаз исследовательницы то, что «она взирает на себя спокойно и безжалостно».

Но вот у Анны Ахматовой выходит книга «Чётки», и Эляна Суодене замечает уже в новой книге новый виток женской исповедальности, она пытается приоткрыть «всеединства тайну». По-прежнему волнует Анну Ахматову суть женственности, невозможность личного счастья, постижение тайн печали, чем

должен быть проявлен адамизм и акмеизм, объявленные Николаем Гумилёвым. О нём Ахматова написала: «Всё обещало мне его». Будто музыка зазвучала в её стихах.

Но пошли исторические катаклизмы России: Первая мировая война, революции, гражданская война. И так как Эяна и мы, её современники, оказались в «эпохе перемен», перестройки, войн, отделения союзных республик и распада СССР, пережили или ещё не совсем пережили последствия этих исторических катаклизмов, то Эяна Суодене, вчитываясь в стихи Анны Ахматовой, находит полные аналогии с нашим временем.

Анна Ахматова: «Думали, нищие мы, нет у нас ничего... А как стали терять, вспомнили о бесконечном милосердии Божьем».

Эяна Суодене: «О как могла предугадать?» «Теперь понятно нам, насколько были мы богаты, о, как хотели мы потерь, громили зыбкие устои...»

А в стихотворении «Петроград» Ахматовой Эяна Суодене видит аналогию с днями, когда распался СССР:

«Никто нам не хотел помочь
За то, что мы остались дома...»
О нас это точь в точь.
О, сладость хлебных корок
Отчизны», которые милей «заморского изюма»...

Никто не хотел выслушать и помочь русским, оставшимся в своих домах, но с «Беловежской тризной».

Оглядываясь на 90-е годы, сравнивая с теми послевоенными и послереволюционными годами Ахматовой, Эяна Суодене приходит к выводу:

Опять, столетие спустя,
На новом круге уцелеем...
И снова тянется народ
На Запад, Родину покинув,
И только горстка не уйдёт,
Пытаясь сдерживать стихию...

Стихи, написанные Ахматовой в 1921 году, актуальны по-прежнему: «всё расхищено, предано, продано».

И наша современница Эляна Суодене не снимает нашей вины: «Над собою верша беззаконие, мы лишились огромной страны».

И, может быть, лишившись её, мы ещё больше любим её и жалеем, и эта любовь к Отчизне – наше духовное укрепление, как стезя, ведущая к спасительному свету.

Что такое Божественное «избранничество»? Может быть, тяжкий рок – это Господь даёт ношу по силам? Вера, столетие спустя, на новом круге даёт возможность уцелеть, удержаться, утверждать величие человека в противовес объявленным «конкуренции», «индивидуализму» и другим сомнительным ценностям.

Эляна, обращаясь к стихотворению Ахматовой «Подвал памяти», размышляет: и мы спускались не раз в подвалы памяти и погреба, особенно в 90-е годы, когда разрушилась страна, и всё переживалось остро: «что же будет с нами?» Затем грянул 2014-й год, сырые тёмные подвалы гибридной войны. И намёк на дно Китежа. Да, нам тоже «мужество» необходимо.

«Путём всея земли» – так движется в стихах Ахматова, а рядом – Эляна, чтобы в поэзии стать словами «одной божественной молитвы».

Мы встали в ряды тех, чьё «сердце мужественно бьётся, И слово подвигу сродни».

Ахматова принадлежит к тем, избранным, «от кодов многомерных», кому был дан ключ «от шифров кодовых строк», прозревая планетарность, избранность судеб России. Стремясь любимых лица от тлена уберечь, или оправдаться, готовясь к Страшному суду, в своих поэтических строчках Ахматова видела, что Россия идёт не на Запад, а на Восток, среди пространств и эпох. Настало время метаморфоз, ощущается зыбкость этических устоев, когда ужасное и прекрасное трудно различимы. В пору фантазмагорий у человека возникает страх – быть собой... Короли, массово голые, не видят этого, «чужое выплясав либретто».

И Эляна восклицает:

О, как она могла предвидеть
Всё, что мы чувствуем сейчас?

Она обращается к строчкам Ахматовой от 1959 года: «Запад клеветал и сам же верил...»

Эляна:

Изгнанники родной земли,
Мы расселяемся по миру,
Чтоб слово русское нести,
А потому земля не сгинет.

Надо отдать должное поэту Эляне Суодене, что она глубоко проникла в мир Анны Ахматовой, идя след в след за её поэтическими интонациями, заворачивая своими ассоциациями, поэтическими комментариями, поражая невероятной чуткостью к ахматовскому слову. На него вдохновляет русский язык и бессонная, слышащая, видящая жизнь духа. Строки высокого звучания даются нашей современнице, выбравшей прочтение в стихах стихов Анны Ахматовой как своё предназначение и свой долг.

Подобно Осипу Мандельштаму, Эляна могла бы сказать о себе: «Поэзия есть сознание собственной правоты», которую и мы, читатели, признаём за ней.

«Поэма об Анне Ахматовой» Эляны Суодене – это и способ запечатления исторической памяти, способ стать связующим звеном для того, чтобы сблизить разновременные пласты культуры и обнаружить их непреходящесть.

Обе поэтессы делают свой жизнеполагающий, внутренний выбор: русское слово и несение русской идеи как Креста Господнего, что и делает их поэзию всеобщим достоянием, духовной правотой в непростом времени.

БЛАГОДАТНЫЙ СВЕТ

в книге Геннадия Сазонова «Сияние слова Василия Белова. Встречи, беседы, воспоминания». – Вологда, 2019

Книга Геннадия Сазонова, посвящённая классику современной литературы Василию Ивановичу Белову (1932–2012), поэту и прозаику, публицисту, драматургу, общественному деятелю, обращена к судьбе неординарной личности и к яркому, иногда противоречивому характеру выдающегося человека, внутреннему миру известного художника слова.

Пять тетрадей

Немало добрых слов сказано о творчестве Василия Белова, вот, например, прекрасное высказывание человека высокого духа, прозаика Владимира Кroupина: «Ощущение, что Господь Бог водил его рукой, несомненно... Его свет даёт силы жить дальше. Он сгорел на костре любви к России, любил её до боли сердечной...»

Геннадий Сазонов помогает нам узнать в Белове «своего писателя», близкого и интересного нам, из книг которого льётся благодатный свет, и обращается к пяти малоизвестным или неизвестным страницам жизни и творчества, которые соединил в пяти «Тетрадах...» в хронологическом порядке: Грязовецкая, Вологодская, Харовская, Петербургская, Зарубежная.

С первой поэтической книги «Деревенька моя лесная» Белов предстаёт читателю как «печальник земли русской» и как необыкновенно деятельный человек, хорошо известный не только в Вологодской области, но и в России. А журнал «Вологодский лад», который получил своё имя от книги Белова «Лад»,

продолжает публикацию произведений Белова и статей о нём. Среди авторов журнала и Геннадий Сазонов, который тщательно нащупывает путь во Вселенную Белова, а мы, идя по его дорогам, чувствуем своё узнавание и любовь, доверяя Геннадию Сазонову, ведь он дружил с Василием Беловым почти четверть века, не раз писал о Белове, беседовал с ним, брал интервью, писал рецензии на книги. Геннадий Сазонов протестует против того, чтобы Белова называли «деревенщиком». Я разделяю это мнение. Термин литературоведов не может вместить море мыслей в творчестве Белова. Его книги как течение могучей реки. Уникальны «Привычное дело», трилогия «Час шестой».

«Дорога на Валаам»

Очерк В. Белова «Дорога на Валаам» – это царство верности правде жизни, правде творчества, духовной правде. Белов пишет о себе, о привычках, характере, слабостях и пристрастиях. И читателя эта открытость приводит к мысли о смысле собственного существования, христианин ли я? Белов мучительно думает о России под водительством Ельцина как о Доме разделённом. Он понимает, как страшен раскол в семье, раскол в Отечестве ещё страшнее. Белов покупает на вокзале газеты, чтобы узнать, что делается в Москве: «А там всё то же. Деньги, рынок, челноки. Челночная жизнь. Бандитская. Жулика и бандита демократы называли рэкитёром, гулящую девку – жрицей любви. Причём здесь любовь, когда речь идёт о пороке.

Друзья, сыновья вчерашних крестьян! Вы гоните газ австрийцам и немцам, а Ваши родные бабки клянчат в колхозе трактор, чтобы привезти дров. Последние рубли отдают, чтобы не замёрзнуть в старой избе в крещенский холод. Да ведь и замерзают старушки, одна за другой. Проголосуют и умрут. Безропотно, как некрасовская Арина».

«Христиане ли мы?» – снова спрашивает Белов. Вот картина смерти старушки Марьи, которая скончалась в хлеву под коровой, поминутно трубившей о смерти хозяйки. Христиане ли

мы, если терпим бездушие и бесчеловечность, если смирились с теми, кто нагло и беззастенчиво грабит Россию, обрекая народ на деградацию?

Так называемая элита, образовавшаяся криминальным путём и сросшаяся с властью, совершенно чужда русскому духу, поправ традиции Святой Руси. Безнравственность и стяжательство, воровство в основе невиданной роскоши.

Писатель вспоминает о своей работе в Грязевецком районе, где нашёл икону в одной из деревень, как она помогала восстановить Никольский храм в Сохте рядом с Тимонихой.

Белов поделился, как на исповеди: он победил пагубную привычку к курению, рассказал, как к нему, «как только появляется желание труда и действия, подсказывают бесы раздражения, нетерпения, торопливости».

Но куда же движется наше бедное человечество? То самое, которое стремится к научно-техническому прогрессу? То, которое с такой напористой мощью строит заводы и всякие железные и бетонные штуки, вроде черныбыльского саркофага, не замечая мерзости городских свалок?

Эти вопросы через двадцать один год после написания очерка не утратили актуальности.

Валаам! Судьба России... Пятьдесят островов, заливы, протоки, бухточки, леса и молы. Множество скитов, церквей, монашеских келий среди скал. Говорят, что здесь ступала нога апостола Андрея. И до сих пор не стихает борьба духа с лукавством мира, тяжба пламенной веры с афеизмом, как называл Пушкин холодную рассудочную мысль.

В разные годы на Валаам устремлялись писатели, художники, деятели науки и культуры: Дмитрий Менделеев, Фёдор Тютчев, Пётр Чайковский, философ Владимир Соловьёв, художники Фёдор Васильев и Иван Шишкин, бывали в монастыре Лесков, Шмелёв, Зайцев.

И как его великих предшественников, мучит писателя вопрос о том, как совместить христианское смирение с необходимостью активного, иногда вооружённого противостояния бесовщине. И вот два столпа русского православия: Святитель

Игнатий и митрополит Иоанн, – соединились в душе писателя во время его валаамского путешествия.

Возрождение храма в Сохте

Василий Белов восстановил Никольский храм в Сохте рядом с кладбищем, на красивом берегу Сохтского озера. Церковь Святого Николая Чудотворца вернулась к изначальному назначению. Сооружена она была сначала в дереве в 1691 году, оделась в камень в 1842 году. Главные её святыни: икона Божьей Матери Казанская и икона Успения Пресвятой Богородицы.

Василий Белов возродил храм, чтобы возродилось что-то в его собственной душе и в душах прихожан, и в Отечестве. Довелось и мне с современными русскими писателями помолиться в этом храме в 2017 году. Чувство духовного единения, восторг и радость от того, что люди ищут веры и тянутся к ней.

В 1920-е годы в церкви разрушили колокольню, а в летней части здания устроили школу. Василий Белов первые классы в этой школе учился, пел «Интернационал». Колхозы создавались параллельно с разрушением храмов. Но теперь выяснилось, что иконы не погибли. Белов в храм принёс икону, сохранившуюся в его доме, прихожане принесли.

Василий Белов вспоминал, что в классе было 46 человек, и почти все погибли не только в войну, но погибли от вина.

Коровники строили, а дома – нет. Укрупняли колхозы, разрушали сложившуюся структуру, и колхозы гибли, люди уезжали в города. Из 26 домов в Тимонихе осталось пять, где живут пенсионеры. И так во всех окружающих деревнях, также по всей России.

На глазах у Геннадий Сазонова, а значит, и нас, читателей, Василий Белов то играет на гармонии, то получает письмо от Юрия Бондарева, то сидит с гостями на деревянных скамьях, сделанных самим хозяином, в своём доме.

Об игре на гармонии мы читаем: «Играл бесподобно, зазывно, ноги сами просились в пляс. Потом он менял настроение и заводил какую-нибудь лирическую мелодию».

И мы как будто слышим в ольховом краю, как звучат в писательском исполнении русские песни, а потом задорные, остроумные частушки, прибаутки плотника Самсонова.

Берега Сохтского озера родили любимых Беловым героев его произведений, они питались от этой земли, «грешной и любимой ими».

«Плотницкие рассказы»

Геннадий Сазонов видит в рассказах Белова Дом – с большой буквы, Дом как семейная Вселенная. Это всегда краски, звуки, запахи детства, счастливой поры земного пути.

Дом – это творчество хозяина, проявляющееся в наличниках на окнах, в форме крыши, в украшениях крыльца.

Дом – хранитель устоев и традиций. Ими дорожат и хранят ещё многие люди.

Неслучайно Николай Клюев написал: «Изба – святилище Земли», а через неё мысленному взору предстаёт «крестьянская Вселенная».

Дом в творчестве Василия Белова занимает особое место, влияет на его героев, на их настроение. Мы чувствуем в его «Плотницких рассказах», как испытывают облегчение стропила крыши при освобождении от глыбы снега. И так же освобождается человеческая душа, когда сползают с неё глыбы прошлого.

Вместе с автором книги мы отправляемся в Тимонику и по дороге, любуясь осенним нарядом лесов, вспоминаем Харовских авторов: Людмилу Славлюбову, Юрия Леднёва, деревню Сиблу, где был домик у Виктора Астафьева, деревню Сибисовскую, где жила поэт Нина Груздева.

Вспоминается рассказ Евгения Носова «Слово о моем друге», посвящённый Василию Белову: «Подлинное искусство, как река, сначала родившаяся где-то из-под укромного бережка, течёт полноводно и открыто для всех, всяк имеет доступ испить из неё, и тщетны попытки иных хулителей замутить и осквернить глубину потока».

Харовская тетрадь

Отдельная глава в книге – открытие памятника Василию Белову в Харове, довелось побывать, участвовать и автору данной статьи, когда приехала на IV Всероссийские литературные чтения в честь 85-летия Василия Белова. Было много мероприятий: торжественный вечер в театре, чтение произведений Белова в его музее. «Белов. Вологда. Россия» – под таким девизом шло единение современной русской литературы. Приехали старейшины современной литературы: Виктор Лихоносов, Владимир Крупин.

Прибыл в Вологду Николай Фёдорович Иванов, тогда исполнявший обязанности Председателя Союза писателей России, поэт Геннадий Иванов и много других ярких литераторов из разных городов России.

И, конечно, среди многообразия участников не только из России, но и стран ближнего и дальнего зарубежья, шло обсуждение предстоящей поездки на автобусе в Тимонику, чтобы поклониться могиле величайшего писателя.

«Есть чувство правды в сердце человека, – говорит Николай Бурляев. – Белов жил с этим чувством». И с таким же чувством мы садились в автобус из Вологды с предощущением торжества правды и добра.

Мы приехали в Харовск, его библиотека получила имя Василия Белова. Рядом с библиотекой и было выбрано место для памятника Белову, его выполнил скульптор Александр Шебунин. Он мечтал о создании памятника Белову, и вот это свершилось 25 октября 2017 года. Право снять покрывало со скульптуры предоставлено вдове Василия Ивановича Ольге Сергеевне и дочери Анне Васильевне.

Все увидели бюст из бронзы, посмотрели в глаза писателя, устремлённые в дали России, в размышления о судьбах русского человека, его духовном пути.

На могиле писателя

Ещё долго, пока ехали в Сохту к могиле Белова, в душе царило ощущение свершившейся справедливости – памятника многогранному писателю России.

Никогда ещё не было так волнительно, как на могиле писателя, похороненного рядом с матерью. Чтобы добраться до Сохты, вышли из большого автобуса, пересели в небольшие микроавтобусы, но и они не могли подвезти близко к кладбищу, боясь забуксовать. Мы тихо шли по молодой аллее деревьев, посаженных почитателями творчества Белова. И как верно заметил Геннадий Сазонов: «Осеньет дорогу возрождённая Василием Ивановичем кладбищенская церковь. Не пропало его слово».

Это литературное паломничество ярко запечатлел Геннадий Сазонов в стихах «По дороге в Тимонику»:

По дороге в Тимонику память возносится птицей.
Гаснет дух суеты, и так ясно светлеет душа...

Петербургская тетрадь

Глава «В кругу друзей» повествует о петербургском фотомастере Анатолии Пантелееве и о «Комнате Белова». Потрясла меня искренняя, откровенная беседа, которую не доводилось раньше читать, Василия Ивановича с Р. Нелепиным о Солженицыне, о расстреле Белого Дома, об истории русского казачества, о том, как Татьяна Доронина сняла пьесу Василия Белова с постановки.

Всего Василий Белов создал пять пьес, во многом под влиянием Василия Шукшина: «Над светлой водой», «Сцены из районной жизни», «Бессмертный Кощей», «Александр Невский», «Семейные праздники». Каждая постановка имеет свою историю: в Вологде, в Череповце, в Москве и Петербурге. Тесное сотрудничество с Академическим театром драмы имени

А. С. Пушкина возникло после встречи с главным режиссёром И. О. Горбачёвым. В результате спектакли получили признание у зрителей: «Над светлой водой» и «Александр Невский».

Почвенные традиции

В заключительной главе книги «От Франции до Японии» мы узнаём о встрече Василия Белова с переводчиком «Привычного дела» – с Жаном Каталя во Франции, о выступлении в Сорбонне в полном зале, о посещении музея современного искусства, выйдя из которого Белов произнёс, что искусство заканчивается там, где кончается традиция. Это был 1976 год, и неприятно поразила порнография в книжных магазинах, такие же фильмы, картинки в магазине мужской одежды на ту же тему, когда вспомнились слова Нины Железняк: «Французы – очень развращённая нация».

А в Японии у Василия Белова был друг Ясуи Рёхэй, который высоко ценил книгу «Лад», говоря: «Благодаря «Ладу» я получил бесценный ключ к пониманию России». Этот японский русист посетил в 1991 году Белова в Тимонихе, вместе со своей тоже немолодой женой после 60, а позже ещё пять раз приезжал в отчий край Белова, записав такие впечатления: «...в последние годы Белов-сан постепенно пришёл к православной вере. Он сосредоточился на изучении Достоевского, Леонтьева, Ильина... В нём обрели полную силу охранительные почвенные традиции, отвергающие евро-американский мир, прогресс...» Не сразу удалось Белову нанести ответный визит в Японию. Выяснилось, что Горбачёву вздумалось прихватить Белова в Хельсинки для сопровождения Раисы Максимовны. Писатель попытался предложить Горбачёву прочесть книги философов: Ильина, Леонтьева, но генсек эти книги даже не открыл, он «был очень далёк от традиционного Русского мира и вожделенно обожал Запад».

И всё же Белов провёл у своего японского друга 10 прекрасных дней.

Писатель собирался написать очерк о своих «ошеломляющих впечатлениях», но опубликовал лишь заметки в вологодской газете. Геннадий Сазонов сформулировал их в трёх пунктах:

Технический прогресс, коим обуяно человечество, рано или поздно погубит нашу планету.

Этот «технический прогресс» не торопится стать союзником религии.

Экономика любой страны всегда и прежде всего национальна.

Особенно остро укололо, открылось Белову, что мы в России ничего не знаем о своём восточном соседе, как и там ничего не знают о России. Народы обречены на «информационный дефицит», а «свобода слова» закуплена банками.

В заключение

Книга Геннадия Сазонова завершается отзывом Ольги Беловой. Нельзя с ней не согласиться, что книга Геннадия Сазонова о Василии Белове написана с большой любовью, что она удивляет своей новизной, ощущением постоянного присутствия рядом с читателем самого Василия Ивановича, что она открывает страницы его жизни и творчества, которые приобрели в книге целостность и органическое единение.

«СТАРОДУБСКАЯ ПРОРОЧИЦА»

О поэме Владимира Подлuzского
«Берега», № 3(39)-2020

О поэме как жанре

Новейшее время среди поэтов и критиков породило, я бы сказала, преследование поэмы как жанра. Некоторые литературные журналы заявили о том, что они поэм не публикуют. Истоки этого, я думаю, идут от того, что не каждому поэту создание поэмы по плечу. Не могущие и воинствуют, как всегда.

Однажды довелось мне беседовать с польским консулом по культуре в Калининграде. Речь зашла об обучении иностранцев в Польше. Тогда я и узнала, что обучение платное для иностранцев на всех факультетах, кроме физики и математики. Он говорил: «Ну, нет у нас в Польше таких умов, чтобы тянули физику и математику, пытаемся привлечь из других стран».

Я вспомнила, что и настоящую оперу, и балет не могут поставить в европейских странах, потому что нет мастеров пения и балета. Хорошо, если найдётся кто-то из русских эмигрантов, кто прошёл советскую школу и способен станцевать или спеть что-то посложнее, под него и создают репертуар, а своих талантов нет.

Но и в Россию пришли за последние тридцать лет вот эти подражания западным реалиям, где по нищете таланта ставится что-то простенькое, начали примитив навязывать и у нас, изгнав из театров специалистов высокого класса.

Нет в Европе уже давно и поэтов, могущих выстроить образный ряд в рифму и в ритм для создания большого поэтического полотна, и свободный от формы, да часто и от содержания верлибр начал занимать место поэзии. А уж поэму создать – это уже другие масштабы мысли.

Поэма в России

В России поэма всегда будоражила художественную мысль и продолжает жить как жанр вопреки выродишимся, но оседлавшим литературные сомнительные премии и пытающимся влиять на приземлённую литературу.

Поэтические повествования или историко-драматические произведения поднялись на невиданную высоту в творчестве Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Николая Некрасова, Владимира Маяковского, Сергея Есенина, Александра Твардовского, а 20-й век дал русской и мировой поэзии женщин-гигантов: поэмы Марины Цветаевой, Анны Ахматовой, а затем Юлии Друниной, Беллы Ахмадулиной, Сэды Вермишевой – это поэтический альпинизм, снискавший признание читателей планеты.

Поэтические повести в современной поэзии по плечу сегодня немногим, и хочу отдать должное Владимиру Подлuzскому, которому в крупных формах стихосложения свойственны внутренняя напряжённость, острая конфликтность содержания, погружение в прошлое ради будущего.

Владимир Подлuzский в 2012 году выпустил роман в стихах «Тарас и Прасковья», посвящённый актуальной теме взаимоотношений Украины и России, теме славянства и особенно восхитительному образу славянки. В текущем году он порадовал читателей двумя поэмами: «Русская труба» и «Стародубская пророчица».

Поэма «Русская труба»

В поэме Владимира Подлuzского «Русская труба» https://ruskline.ru/analitika/2020/05/15/russkaya_truba? вновь русский поэт современности делится своими масштабными размышлениями о судьбах и путях народов СССР и России. Столько любви и боли за свой народ! Труба-нефтепровод, прошедшая через не одну деревню, через поколения, принесла правительству нефте-доллары, не дошедшие

до конкретной деревни, где поселилась бедность, безответственность, разгильдяйство, произошло размывание нравственных ценностей. Но не только деревни, а целая страна попала в круговорот великого блуждания народов. «По избам зашатался самогон», «труба ордой тащилась среди нас», «в войну того не потеряла Русь, чего лишилась в трубных переходах».

Деревни заброшены. Сменяют друг друга невзгоды: «точил картошку колорадский жук», «валил стада откормленные ящур». «В трубу летела наша высота, и глубина, и громкая Победа». В нравственном смысле труба подтачивала дух там, «где вирусом плодился доллар».

Позор несла нам нефтяная труба. И многострадальный народ, словно услышав другой трубный глас архангелов, собрав буквально по копейке средства, построил храм, чтобы возродить нравственность, чистоту, уважение к земле, к честному труду.

Дух поэмы вызывает к нам, к осознанному пути, зовёт разделить боль и любовь, трепетную, выстраданную, чтобы возродить духовное величие и высоту нас всех по отдельности и народ в целом. Поэма, появившаяся на свет в период, когда над миром нависла угроза электронного концлагеря, когда сатанисты мира по сути дела поставили вопрос о конце истории человечества, более чем актуальна, напоминает о необходимости всех людей, стоящих на платформе трезвости и благоразумия, выйти на поле нравственных ценностей, тогда сдвинутся с места буксующие реформы, у детей появится будущее – жить на планете благородства, придёт понимание того, что мы можем сберечь планету и Человека на ней.

Поэма «Стародубская пророчица»

В старинном русском городке Стародубе Брянской области, в который направляется лирический герой поэмы – Поэт, знающий волшебную силу Слова, живёт его сестра (ОБОБЩЁННЫЙ ОБРАЗ), обладающая даром целительства, высоким уровнем интуиции и исторического прозрения.

Город Стародуб стоит на перекрёстке культурных и торговых путей славянских государств: России, Украины и Беларуси, на метафизическом перекрёстке дорог между Западом и Востоком. Здесь проходили два раза в год ярмарки, на которые съезжалось богатое купечество, привозя на продажу лён и холсты, скот и продовольствие. Богатые хлебом места, которые часто в результате пожаров и захватнических войн превращались в руины и возрождались вновь, когда мир воцарялся вокруг:

Сиянье церквей и пророков,
Чья неоспоримая власть,
От самых корней и истоков
До крон голубых разлилась.

Жители Стародуба к концу 19 века возвели здесь 18 храмов, часто даже иудеи принимали Православие, и несмотря на торжество православной веры, глубинная народная память переносила через тысячелетия тайны волхвов, старинный лад в ведении хозяйства, в строительстве домов, разведении скота, принимая в расчёт языческих покровителей, богов земли, солнца и воды, глубинные тысячелетние знания о душе, теле и духе, о том, где есть вода, чтобы вырыть колодец, об энергиях, снижающих усталость, дающих исцеление.

Неизреченная реальность, ведомая Поэту, осторожно намекающему на незримое Присутствие, Божественное провидение, проявилась в судьбах Поэта и его сестры – стародубской пророчицы, известной далеко за пределами края, смиренно несущей Дар людям и беспомощной помочь себе и своим близким.

Неизречённое таинство – имплицитный сюжет поэмы, многоуровневое и синтезированное содержание мысли Владимира Подлузского стало основой его неизречённого реализма:

Уж можно потайное время
Сказаний пролить через дождь.
Пускай напоятся грибницы
И тайны свои отдадут...

Своеобразие поэтического самовыражения и образного строя позволяет говорить о «неизреченном реализме», Божественном Присутствии и мистическом прозрении.

Вопросы стиля, богатого экспериментами и образными находками, понимание его читателями мало волнуют поэта, ему, возможно, и самому до конца не ясен этот таинственный генетический код русского человека, широта которого изумляла Фёдора Достоевского, говорившего о том, что «его бы сузить», но вряд ли это возможно, это Божественное предопределение. Сам же автор пояснил: «Хотелось бы кое-что сказать о неких тайных знаках, которые пытался расставить в поэме. Они заключены в особое сюжетное кольцо. Первая же строка говорит о небесном свете, солнце, а последняя о возжѣнном им земном огне:

Русь точно сильнее Тибета
С печатью богов на устах.

Космос даёт жизненную энергию России, а та растит хлеба. Это Хлеб церковный – символ тела Христова. Но и русский народ в этом контексте – тоже хлеб Божий. В произведении у границы ложатся целые пшеничные валки. Одни уходят в небесные закрома. Другие только зарождаются, замешанные в великой деже. А авторское перо лишь прикасается к святой русской силе, показывая её возможности, простирающиеся в двух, а может, и более параллельных измерениях. И стародубская пророчица хорошо видит всё, с помощью Святой Матроны и Николая Угодника черпает свои прозрения, помогает страждущим».

Взор Владимира Подлузского обращѣн ввысь, его духовный опыт опирается на пушкинский фундамент, и таинство пронизывает все уровни поэмы. Мистическое видение пророчицы не равно постижению Поэта, на вопрос о будущем Украины и России, стародубская пророчица говорит загадками, сквозь которые прочитывается оптимистическое начало нового единства народов без указания сроков, где временное – часть вечного. Наблюдательность Поэта подсказывает ему, как пояснил

Владимир Всеволодович: «Хлеб, в данном случае Дух, как одна из ипостасей Божьих, соединяет братские славянские народы. Фуры везут зерно в Белоруссию, что соответствует в иные годы, как, например, в 2019-м, исторической правде».

В образном ряду поэмы появляется мистический «самогон» – то самое библейское вино, философский «первак» из всех главных смыслов поэмы. Вся она пропитана ожиданием Второго Пришествия. Расширяется дорога на Запад, потерявший в Своем материальном довольстве вкус и чувство. И Бог спасает его русским зерном, чтобы тот вкусил русского хлеба и вернулся в истинное христианство – на столбовую дорогу человечества. В данном случае, к его главным истокам – Православию»:

Распробуют хлеб пусть наш русский,
Такой же святой до сих пор.

В поэме все эпохи, города и веси соединяет образ горлицы – христианский символ Любви и Согласия. Она сидит прямо у дороги. А рядом, конечно, Перунова языческая белка. Бинарность русского мировоззрения включает культурный пласт земли, вбирая духовный опыт, проживание событий, отличая Божественное от человеческого.

Мы все накануне рожденья
Второго на той полосе.
Святой, пограничной и спорной,
Поющей и плачущей вдрызг
На этой моей лукоморной
Частице молитвенных риз.

Ткань поэтического повествования соткана таким образом, что отражает, как вода – небо, многомерность, масштабность, полифонию мировоззрения истинного русского человека, живущего во всех смыслах в Пограничье, в местах сложнейшего соединения и одновременно разделения трёх восточно-славянских государств.

Актуальности поэмы в её духовной национальной основе. В каждом стародубском доме есть иконы, крепкая вера. Она

и подвигла к строительству многих церквей Стародуба. Возможно, именно этот старинный городок впоследствии станет одним из эпицентров примирения двух славянских народов:

Пророчества тянут поводья
И русского шпорят коня.
Россия – с времён Беловодья
Столица земного огня.

Мистическое – антипод пессимистического

Владимира Подлuzского вы не встретите ни на одном телевизионном канале, потому что он противник дурновкусия, потому что его творчество национально спасительно, потому что он подлинно русский интеллигент, который противостоит оплевыванию великой русской литературы и живых проявлений человечности. Мистическое (Божественное, неизречённое) русский религиозный философ Н. С. Арсеньев противопоставлял пессимистическому. И в этом плане степень духовного влияния в современной литературе Владимира Подлuzского нелегко уловить и понять, потому что нет таких счётчиков. Но несомненно то, что благодаря таким национально-мыслящим поэтам происходит выражение в художественной форме целостности русской духовной почвы, разоблачение абсурда постмодернистских проектов, так как поэты уровня Владимира Подлuzского выражают лучшие стороны своего самобытного народа, крепят его духовные фундаментальные основы, чтут традиционные ценности.

ЗАВЕТЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

Амира Пахлевана

Многогранность личности Амира Пахлевана позволяет ему охватывать далёкие горизонты человеческой и общественной жизни на территории этики человечества. Память и ответственность, любовь и милость, думы о совестливом мире привлекают к той вечно новой старой истине о Бытии, с которой нужно знакомить каждое новое поколение, часто уткнувшееся в гаджет, лишаясь драгоценного дара – живого общения.

Особой миссией в мире автор наделяет Поэта, которого он ставит выше «любого адвоката и депутата», потому что подлинная поэзия – это «голос народа», именно Поэт «высказывает все его думы и чаяния», служит своему народу, презирая корыстолюбие: «порою эта миссия так тяжела, что хочется её сбросить со своих плеч, но этого он не может совершить, так как он есть совесть народа и не вправе обмануть его».

Поэт, писатель, художник, музыкант, если они являются выразителями духовной сущности своего народа, они несут ему в своих произведениях слова доброты, красоты, искренности, простоты, отзывчивости, что подпитывает внутренний ресурс человека, расширяет палитру мира множеством оттенков позитивных чувств и действий, делая человека более устойчивым психологически, помогая делать правильные поступки.

В сборнике Амира осуждение зла, войн, людей, погрязших в потребительстве и стяжательстве, посягнувших на уничтожение природы, разрушающих семейные традиции, осевших в оффшорных зонах. Поэт осуждает СМИ, которые из людских судеб и трагедий делают развлекательные шоу, что позволяет отнести его книгу к тем, в которых читатели очень нуждаются, чтобы духовно расти.

Поэт и философ, он знакомит нас с восточными притчами и мудрыми размышлениями, выражая их образными обобщениями в поэтической метафоре:

А когда наш древний мир
был новым,
Ничего этого
в нём не было –
Было слово.
Мы слушали не ушами,
Говорили не языками,
А говорили ветрами,
Говорили лесами.

Художественный облик Пахлевана близок не только азербайджанцу, но и всему земному миру, не обходящемуся без Божьего человека.

Язык мой – Вселенная,
Весна, лето, осень, зима.
Язык мой – нежный мугам,
Зов предков, клад потомкам.

(Мугам – азербайджанская традиционная музыка, много-частное вокально-инструментальное произведение).

Язык мой –
Вселенная целая,
Звонкий мой колокольчик,
Новруза роза алая!
Язык мой,
Истории друг и попутчик!

(Новруз – древний праздник нового года, который приходится в день весеннего равноденствия).

Поэт Амир Пахлевани призывает людей на планете взяться за руки во имя противостояния злу, ведь «все мы здесь квартиранты, и одна у нас планета».

Встанем все мы стеной, как один,
Вспомним прошлые дни, поглядим,
День за днём мы возвысимся вновь,
Мир не может остаться таким!

В стихотворении «Дорога» выражена жажда справедливости, мечта, чтобы политики замолчали, и мы, наконец, услышали пение птиц:

Хочу я справедливости –
Ужасен мир, когда
Птицы молчат,
Говорят политики: «Спаси меня, мама!»

Автор осуждает такое страшное явление на планете, как торговля детьми, и рассказывает о силе молитвы. Его не смущает, что кто-то его «считает наивным человеком», кто-то «пользуется добротой». Мы достигли такой степени расчеловечивания, что все, кто против этого явления, должны что-то делать, чтобы «красота и доброта спасали мир». Писатель делится заветами своей матери: «Всегда протягивай руку тому, кому плохо, и умей прощать того, кто сделал тебе больно по неведению. Самое великое качество – это уметь прощать своих врагов. Пусть Господь исправляет их, направляя на путь истины».

Ставя вопросы, кто я, кем я могу стать, человек может найти для себя примеры для подражания, моральные ориентиры. Поэт напоминает нам о чудесных, бесценных качествах человека: умение дружить, верность и преданность, «высокая любовь», бережное отношение к языку, мудрость и величавость:

...Эту песню сердце поёт,
Высокая любовь поёт.
Испытанный веками,
Верный мне язык поёт.
Журчание родников –
Язык мой!
Величавость высоких гор –
Язык мой!

С мудрым племенем тюрков
Уходит вглубь веков
Язык мой!

С художественной убедительностью рассказывает поэт о Нико Пиросмани (Пиросманишвили Николай Асланович), который родился в 1862 году в селе Гахингилой Гахского района. Позже он переехал в Тбилиси. Сюжет знаменитой песни «Миллион алых роз» (слова Андрея Вознесенского, композитор Раймонд Паулс) – это подлинная история из жизни реального художника, способного на великие поступки:

Ночью он рассыпал
Эти цветы на площадь
Перед её окном.
...Пожалейте того, кто возвысил опять
Из руин замок вечной любви («Пожалейте»).

Рискуя жизнью, постоянно подвергая себя опасности за голос истины, Поэт остаётся верен себе:

И совесть чистую, и имя пред народом
За миллионы я не покупаю («Некто – покровитель неких»).

Краеугольным камнем человечества является его доброта, человечность, благородство, величие, но их нужно защищать и отстаивать:

Бесправья здесь закон
Всё ложью спрессовал.

Лирический герой Амира Пахлевана уверен, что судьба мира предрешена, он «исчезнет в миг один», если не услышит планета Поэта.

«ПРОГУЛКИ В ЗАКОУЛКИ»

**О книге Валентина Баюканского в 2-х томах,
Липецк, 2013–2014**

Есть люди, видящие то, что дано лицезреть не каждому. Это герои повествования неординарного писателя Валентина Баюканского. Он написал о тех, кто его вдохновляет, о встречах с необычными людьми, которых иногда называют «вестниками из Зазеркалья». Чаще всего это люди, одарённые мистически, они частично не из мира сего, чем-то заслужили они возможность заглядывать туда, куда другим не дано, и это проявляется в их творчестве. Это люди, о которых также говорил Далай-Лама 14-й, прекрасные слова которого поставлены в эпиграф книги, это пламенное обращение к людям, о том, что планета «отчаянно нуждается в миротворцах, целителях, реставраторах, рассказчиках и любящих всех видов. Она нуждается в людях, рядом с которыми хорошо жить. Планета нуждается в людях с моралью, которые готовы включиться в борьбу, чтобы сделать мир живым и гуманным».

Секретные файлы пространства и времени открываются избранным в виде какого-то кода: определённого сочетания слов, звуков, цветов, запахов. Иноходцы и вестники – так называет этих людей писатель Баюканский. Это мыслители, а не подражатели, их не более 2-х процентов в мире, но они двигатели прогресса. Это не только Леонардо да Винчи или Никола Тесла, подобных людей писатель находит и среди современников. Валентин Баюканский называет математика Григория Перельмана, отказавшегося от премии в миллион долларов в знак несогласия с организованным математическим сообществом. Наличие таких людей на планете побуждает новых смельчаков проникать в неизведанное. Им поручена великая

миссия Преображения мира. Они наделены особыми знаниями, которые несут землянам. Среди этих гениев и вестников неизведанного и ещё не понятого людьми Алексей Акиндинов из Рязани. Это художник, родоначальник особого направления в живописи – орнаментализма. Мир для Алексея озарён мерцающими импульсами всех цветовых и звуковых оттенков. Вселенная полна знаков и символов, меняющих своё расположение, создавая непостижимый узор в гигантском калейдоскопе Бытия.

Валентин Баюканский вспоминает слова своего отца о том, чтобы стремиться к вершинам. Даже если не достигнешь, всё равно поднимешься выше. А если этого не делать, останешься внизу, потому что мечты – это не уход от действительности, а средство к ней приблизиться. Любить этот «ускользающий мир» не так просто, но в основе любви, с которой человек стремится к своей мечте, лежит потрясающий смысл. «Любить жертвенно – значит, совершенно», – говорил Максим Исповедник.

«Как моют окна весной, и всё в результате становится светлым и прозрачным, так у меня в душе после прочтения Александра Грина», – почти вторя своему любимому писателю, пишет автор «Прогулок...» по «закоулкам» Вселенной и человеческого сознания. Грин порицал технический прогресс, его влекла красота духа: «Пять сестёр есть цель: любовь, свобода, природа, правда и красота». А Никола Тесла жил в мире, где воздают хвалу миру изобретательства, мощи разума. Но оба мыслителя жили на земле, прислушиваясь к интуиции.

Мир многопланов, хотя мы часто воспринимаем его фрагментарно. И писатели часто улавливают из Зазеркалья энергии и информацию, которая скрыта от других. Запахи земли. В настоящее время преобладает запах выхлопных газов автомобилей, что позволяет говорить о дисгармоничном существовании во вселенском ритме бытия. Человеческое сознание затуманивается искусственной или техногенной реальностью, и визуальная информация довлеет над знаниями, к которым и стремятся подлинные учёные и художники. Творцы слова,

звука, цвета знают, что звуки светят, а краски поют. Возьмём композитора Александра Скрябина, мечтавшего соединить разные искусства, устроить представление, где будут присутствовать все народы, звери и птицы, и их призовут колокола, подвешенные к небу, во имя спасения Вселенной, тогда она станет совершенной.

Кто-то скажет: «Возомнил себя творцом Вселенной». А многие воспринимали Скрябина Божеством (Борис Пастернак: «О, куда мне бежать от шагов моего божества!»), гением-охранителем России. Он писал о себе, как трудно ему нести бремя мировой истории. Каждому открывается именно та идея, которая ему предназначена. Он мечтал о соборном творчестве, и он остался для многих образом сфинкса русской мистической музыки.

Особой любовью, особой личностью является для Валентина Баюканского известный и во многом не понятый при жизни актёр Олег Даль, который писал: «Обратиться внутрь – там моя сила». В его фамилии уже заложена бескрайность, Даль – человек-загадка. Ему важна была его собственная индивидуальность. «Жизнь людей, поцелованных Богом в темечко, – считает Валентин Баюканский, – наполнена символами и загадками». У актёра не было никаких званий, ведь он принадлежал к тем, кто «не боялся новых мыслей», для кого честь – краеугольный камень мировоззрения. Он не мог доверять тем авторитетам, вроде Ефремова и иже с ним, кто кроме корысти, ничего не искали в искусстве. И ломали Олега Далья, терзали, «ставили на место». А он был блистательным гением. Вскоре после его ухода в иной мир развалилось государство, пришли люди, для которых основной смысл жизни – коммерческий и финансовый успех.

Но дело даже не в том, социализм ли это или дикий капитализм, так называемая демократия (тоталитаризм большинства над меньшинством), не то, в какой системе и в каком государстве ты живёшь, дело в другом: ощущаешь ли ты великие вибрации, допущен ли ты к секретным файлам пространства и времени, а значит, принадлежишь ли ты к творцам ми-

ров, каким был, например, Микалоюс Чюрленис – литовский художник и композитор.

Он интересен автору книги «Прогулки в закоулки» его неведомой энергетикой, звучанием мелодий бескрайних космических глубин, связью цвета и звука. Чюрлениса волновала грядущая судьба человечества. И в своих произведениях–космогониях, он путешествует по далёким мирам, уходя от печалей повседневности. «Я хочу полететь в далёкие миры вечной красоты и сказки, и чтобы ты это прочла в моих глазах», – это написал Чюрленис. Ему открывались страшные бездны, проявившиеся на земле войнами и революциями после его смерти. «Если бы можно было жить с постоянно раскрытыми глазами на всё, что прекрасно...»

Среди тех художников, кому открылась тайна вселенской гармонии, писатель выделяет Эль Греко (знаменитый художник Доменикос Теотокопулос. Эль Греко – это его псевдоним, который он взял себе после переезда в Испанию для простоты обращения), его застывшую динамику линий и красок. Валентин Баюканский называет его человеком «одной крови». И таких немало ходит рядом. Например, художник Николай Рогатнёв, «мастер воздушного металла», энтузиаст в искусстве, а энтузиазм, как известно, – это святое. Без него не создается ничто живое. Мастер Рогатнёв относится к тем творцам, которые стараются вложить по максимуму любви в свои произведения, потому что он знает библейское выражение: «Любовь покрывает все грехи». Главное, не бояться нравственной высоты, зажигать свечу памяти, свечу покаяния и свечу благодарности Богу.

Загадочен липецкий художник Дмитрий Дикарев, чьи картины как «особый кристалл, позволяющий коснуться трансцендентного». Баюканский также сравнивает его картины с таинственной Зоной из фильма «Сталкер», где перед нашими глазами возникает полуреальность, и законы стабильного бытия уступают место призрачным фантазиям.

Андрей Тарковский для автора – тоже человек одной с ним крови. Великий кинорежиссёр для писателя – личность кос-

мического масштаба, неподвластная Времени и Пространству, шедшая по своему предназначению, которое даётся гениям и талантам. Валентин Баюканский напоминает читателю, что художник-творец видит в своём творчестве смысл тогда, когда он создаёт новые миры, когда творчество – «золотая вязь на ковре судьбы».

«Персидские мотивы» Сергея Есенина привели его к поэтам Востока. Он открывает для себя и для читателей Саади, поэта-суфия, воспевавшего любовь и мудрость.

А затем его увлекают и другие мыслители-провидцы Востока: Джами, Низами, Омар Хайям, Рудаки, Руми, которые утверждали, что главное сокровище на земле – человек, его оценивают по вкладу в утверждение добра, справедливости, милосердия. Оценить их могут люди, свободные и духовно развитые.

Даром вещуний обладали поэты: Анна Ахматова, Зинаида Гиппиус, Марина Цветаева, которые «умели распознавать сигналы иного бытия». В этот же ряд попадает современница автора Виктория Кан.

Липецкий художник Владимир Давыденко предстаёт перед нами с благородной мыслью о том, что «всякое творчество есть молитва». Портрет Алексея Второго кисти Владимира Давыденко находится в музее храма Христа Спасителя. А его картины «Радости жизни» и «Наслаждение» – это раскрытие духовного принципа, как довольствоваться малым и находить радующее душу счастье, которое для многих «хозяев жизни» остаётся недостижимой мечтой.

Особые страницы «Прогулок в закоулки» – почитание мировых библиотек: это Ашшурбанапала, Александрийская, Ивана Грозного, Ватиканская апостольская библиотека. Библиотеки мира – ценнейший источник человеческого бытия. У каждого человека есть своя любимая книга, любимое произведение, которое предназначено человеку изначально.

Герои книги Баюканского: Гасан Алкадари, Александр Некрасов, Юрий Чепец, Юрий Гусев, герой Советского Союза Юрий Чурилов. Всё это талантливые люди, в которых мир

нуждается больше всего. Дом, хлеб и книга – что ещё нужно человеку?

Удивительны страницы, посвящённые братьям Кузовлёвым. Родившиеся в деревне Кузовлёво четверо братьев стали учёными, двое доктора наук, двое – кандидаты.

Тёплые страницы посвящены ушедшему уже из жизни художнику Сергею Шестопалову – певцу земной красоты. Валентин Баюканский пристально вглядывается в творчество его современницы Тамары Алексеевой.

Сам писатель Валентин Баюканский – тоже в глазах хорошо знающих его людей «чайный шаман», так как не только обладатель огромной коллекции чаёв со всего мира, но и волшебник, знающий толк в воздействии на настроение и внутреннее состояние человека определённых чаёв и их сочетаний.

Безжизненным пустыням бездуховности писатель Валентин Баюканский противопоставил мир его героев, посланников Вселенной, жаждущих человеческого счастья, бескрайне талантливых и очень нужных людям. К сожалению, тираж этих интересных книг мизерный, поэтому стоило рассказать о них читателям.

ПОЭТ О ПОЭТАХ

О книге Валентины Коростелёвой «Строки и судьбы». Повествование о творчестве 28 русских поэтов

Сборник статей о поэтах России второй половины 20 – начала 21 века – это укрепление духа и души читателя. Книга «Строки и судьбы» для тех, кто любит Россию и для тех, кому ещё предстоит постичь это великое чувство.

Валентина Коростелёва – поэт, и её публицистические рассказы о своих любимых авторах часто прерывается её собственными поэтическими строчками, что придаёт оригинальности сборнику, где талантливая и вдумчивая автор внимательно и бережно собирает смыслы творчества её избранников, и это даёт редкое наслаждение чтением книги.

Это происходит потому, что наряду с узнаванием, новым повторением любимых стихов, которые в суете жизни как-то подзабыты или отодвинуты, с искренним желанием подумать о них потом, которое так и не наступает. И вдруг пути Господни приводят к великой благодарности Валентине Коростелёвой за то, что она тоже обратила внимание на эти запавшие тебе в душу строчки и дала возможность новой встречи, часто нового прочтения, открытия новых глубин, нежности и любви к поэзии и Отчизне. Это очерки об Александре Блоке, об Иване Бунине, о любимом Николае Гумилёве, о Марине Цветаевой, потрясающе – о Юлии Друниной, пронзительно о Николае Рубцове и других выдающихся поэтах

Сергей Есенин писал, что надо быть самому гением, чтобы понять творчество Александра Пушкина. И вряд ли поэт Валентина Коростелёва задавалась такой целью – гениально понять каждого из поэтов, о ком она пишет, но получилось прекрасно.

Книга – Слово поэта, рождённое душой и волшебным русским языком, потому что, как пишет В. Коростелёва, «истинный поэт умеет так им распорядиться, что простые слова начинают светиться и пленять сердце человека, способного отозваться на этот счастливый свет...»

Примером могут служить слова автора сборника об Анне Ахматовой:

Пластинка кружится знакомо,
Ей всё равно, о чём звучать,
А из глубин – великий голос,
В котором мудрость и печаль.
Стихи на исповедь похожи,
В них сила гроз и свет зари, –
И пробегает дрожь по коже,
Как будто Вечность говорит.
Тут всё: с потомками свиданье,
Разлука, горечь забытья
И миг, где счастье и страданье
Равны на чашах бытия...

Валентина Коростелёва очень удачно назвала свою книгу. Она обращается к судьбам поэтов, многих – наших современников, и раскрывает нам суть их поэзии через их строчки, да какие! – в них душа, согревающая и поднимающая ввысь. А автор чутко улавливает «главную мелодию души, что сопутствует образу героя её документального рассказа». Она взяла на себя очень сложную задачу – рассказать о людях, чьи друзья, современники ещё живы, «и не дай Бог – ошибиться в каких-то фактах!»

И всё же у неё получилось – она поведала нам о главном в судьбе того или иного поэта, приоткрыла важнейшие страницы их произведений. Говоря словами Александра Твардовского, у которого всегда можно поучиться максимально правдивому общению с читателем и оптимизму:

Нелёгко путь. Но ветер века –
Он в наши дует паруса.

Да, нелёгок путь, но автор сборника статей, как опытный капитан, ведёт нас по океанам судеб и глубинных строчек, часто открывая неизвестные или малоизвестные чёрточки характера знаменитых поэтов.

Повествуя об Агнии Барто, Валентина Коростелёва обращает внимание на её весёлый нрав и чувство юмора: «Агния Львовна отвечала очередными розыгрышами, которые любила и делала с блеском. Вот случай с Ираклием Андрониковым, известным знатоком творчества Лермонтова. Однажды она, изменив голос, «обрадовала» тем, что нашла неизвестные письма поэта. Тот был вне себя от счастья. В конце разговора Барто сказала: «Запишите адрес! Лаврушинский переулок, семнадцать...» Тут Андроников вспомнил, что это писательский дом. И спросил: «Как Ваша фамилия?» Она ответила уже просто: «Барто». Ираклий Луарсабович от души расхохотался: «Как я попался! Нет, это грандиозно!»

Что касается Юлии Друниной, то она в конце 80-х – в начале 90-х годов прошлого века приняла как свою личную трагедию и своего народа трагедию открывшиеся страницы ужасающей реальности 1930-х годов, когда в лагерях сидели и уничтожались по большей части лучшие слои населения.

И вот строки из письма Юлии Друниной: «Теперь, узнав жестокую правду о второй – трагической, чудовищной, апокалипсической стороне жизни тридцатых годов, я (не примите это за красивые слова) порой искренне завидую тем сверстникам, кто не вернулся с войны, погиб за высокие идеалы, которые освещали наше отрочество, нашу юность и молодость...» В стихотворении *«И откуда вдруг берутся силы...»* незадолго до своего ухода из жизни Юлия Друнина напишет её приговор безвременью 90-х годов и даст свою оценку периоду войны:

Похоронки, / Раны, / Пепелища...
Память, / Душу мне / Войной не рви,
Только времени / Не знаю чище /
И острее /К Родине любви.

«...Не только строка, – продолжает автор сборника, – но и каждое слово обеспечено золотой валютой судьбы и сердца, остаётся только преклонить голову перед памятью о фронтовых поэтах».

И благодарны будут Валентине Коростелёвой те читатели, кто любит Николая Рубцова, о котором она пишет: «Встаю под недоумёнными взглядами, отхожу к окну, долго смотрю на заснеженный город, заставляя себя успокоиться. А в сознании уже звучат короткие скупые строки и просятся на бумагу...

Я обязательно приеду
Хорошим днём в твои края,
Отдам поклон зиме и лету,
Всю эту даль боготворя,
Всю эту быль и эту небыль,
Где наравне – талант и труд,
Где ты навек сроднился с небом
И где нашёл себе приют...

Но вернусь в Вологду... Зима, гостиница, отголоски юбилея. Память снова возвращается к могиле Поэта, где всё ещё горит пунцовыми ягодами куст шиповника... Будто сами собой вылились у меня на бумагу почти документальные строки:

Что ж, город, у тебя свои рассветы
И богатырский, скажем прямо, бег,
Но ты не спас, а мог спасти поэта!
И, как укор, ложится первый снег...
Могильный камень ничего не помнит,
Не разорвать сгустившуюся тьму, –
Но пламенеет всё-таки шиповник,
И звёзды откликаются ему!

И как не согласиться с автором книги: «Какое счастье, что всегда можно взять с полки томик Рубцова, открыть наугад – и никогда не ошибиться! Как постоять у иконы Иверской Богоматери, нашей общей берегини».

Размышляя о судьбе и поэзии Виктора Бокова, Валентина Коростелёва приводит его строчки: «И самое большое чудо – это не стихи, а строка, которая слетает с неба и садится на подоконник... Что за чудо наше ремесло! Слово – основа, а я с ним без дрожи общаюсь, на равных, ну, это всё равно, что с Господом Богом на дружеской ноге».

Идут годы, и можно с уверенностью сказать, что так любимая поэтами Россия отвечает самой искренней привязанностью к нежнейшим из своих сынов, отмеченных светлейшим Божиим даром.

Белла Ахмадулина раскрывается нам в строчках:

...я думала: не зря, о, нет,
а для таинственного дела
мы рождены на белый свет.

Валентине Коростелёвой удалось найти точный эпитет к её творчеству. «Именно «таинственное дело» – вся её поэзия»,

...И широк дивный выбор всевышних щедрот:
ямб, хорей, амфибрахий, анапест и дактиль.
(«Зимняя замкнутость»)

Автор сборника о русских поэтах даёт себе отчёт в том, что о больших художниках и судить надо совсем по иным, большим критериям, и справляется с этим, потому что поняла: «Россия не утратит своего слуха по отношению к Поэзии». Талантливые люди не прямолинейны, не однозначны в своём творчестве, «их палитра гораздо богаче вымученных рифмованных сентенций». Валентина Коростелёва возвращает нас к истинным ценностям нашей литературы. Ушли в тень «назначенные в классики», а живая вода поэзии искренна и притягательна для человеческой души, не разучившейся сопереживать и мыслить.

О каждом из 28 поэтов сборника «Судьбы и строчки» можно было бы сказать словами Бориса Примерова: «небесами коронованные», часто святые и в то же время – непонятые. Но им удалось сказать: «Незакатное, близкое, чистое...», а нам помогла услышать, почувствовать Валентина Коростелёва необъятные душевные силы, их «очарованные берега», свет их «милрой лиры».

«МОГУ СЧИТАТЬ СЕБЯ МОРСКИМ ПИСАТЕЛЕМ»

Валентин Пикуль и Балтийский флот

Мне всегда было близко творчество Валентина Пикуля. В год 90-летия со дня его рождения я побывала в Риге, встрети-лась с поклонниками его творчества, подружилась с журналом «Настоящее время». В номерах 3(49), 4(50) – 2018 года «Насто-ящее время» (главный редактор – талантливый поэт Татьяна Житкова) опубликовало к юбилею писателя историческую миниатюру Валентина Пикуля «Аввакум в пещи огненной». В ней речь идёт об уникальной личности протопопа Авваку-ма, без которого невозможно представить русскую литературу. Его «Житие» долгие годы читалось лишь в списках-копиях, но и эти копии не оставляли равнодушными ни Льва Толстого, ни Ивана Тургенева, ни Максима Горького. Алексей Толстой напи-сал о «Житии»: «в омертвелую словесность, как буря, ворвал-ся живой, полнокровный голос...» А Валентин Пикуль сказал: «Нельзя знать русской литературы, не зная Аввакума». Пикуль мечтал о том, что будет найден подлинник «Жития протопопа Аввакума». И он был найден латвийским старовером Иваном Никифоровичем Заволоко, который передал бесценную релик-вию в Институт русской литературы «Пушкинский Дом». Как рассказал Илларион Иванов, председатель Правления Старооб-рядческой общины Латвии, в 1992 году они участвовали в уста-новке памятного староверческого креста на месте сожжения протопопа Аввакума, а в 2012 году – в освящении часовни, воз-двигнутой как символ памяти о священномученике Аввакуме.

Журнал «Берега» № 3(27) – 2018 опубликовал к юбилею вы-дающегося русского писателя Валентина Пикуля диалог журна-

листа Ольги Соколовой с вдовой Пикуля Антониной Ильиничной «Тысяча жизней Валентина Пикуля». Антонина Ильинична очень беспокоится за судьбу кабинета Пикуля, его уникальную картотеку и коллекцию портретов исторических персонажей, библиотеку в 10 000 томов. Им написано 26 книг и 4 романа остались незаконченными. Любимая книга у Антонины Ильиничны «Три возраста Окини-сан», ведь она принимала активное участие в поиске материалов о жизни в Японии.

По книгам Пикуля созданы кинофильмы – «Юнга Северного флота», «Моонзунд», «Бульварный роман», сериалы – «Баязет», «Богатство», «Фаворит», «Пером и шпагой» и другие.

Антонина Ильинична много делает по увековечиванию памяти Валентина Пикуля. В канун юбилея вышла в свет её восьмая книга о жизни и творчестве писателя мариниста.

От себя скажу, что, читая книги Пикуля, можно превосходным образом узнать историю земли, которая называется сегодня Калининградской областью. Это период Семилетней войны, описанный в романе «Пером и шпагой», когда Восточная Пруссия на 4 года стала провинцией России. До сих пор под Черняховском сохранился памятник в честь сражения под деревней Гроссегерсдорф, сегодня – Междуречье. Немало побродила я по этим местам, воодушевлённая описанием Пикуля. Работая на телевидении в студии СТВ, в 1997 году по исторической миниатюре «Ничако, сеньор, ничако, сеньора» был снят видеофильм вместе с Евгением Бекишем и Владимиром Водян. Вдохновили экспонаты, которые хранятся в Музее Балтийского флота: памятная доска морякам Балтийского флота за помощь в спасении пострадавших от землетрясения в итальянском городе Мессине. Также в музее есть альбом фотографий «Мессина до и после землетрясения». Фильм так вдохновил жителей Балтийска, что было несколько историй уже после его выхода. Одна жительница принесла документы и тетрадь с воспоминаниями её деда, моряка, участвовавшего в спасении жителей Мессины, а также фильм был подарен экипажу итальянского корабля, пришедшего в Балтийск в честь 90-летия событий в Мессине и помощи моряков России в 1907 году.

Мне близок Пикуль и тем, что я тоже написала немало в своей жизни очерков и рассказов о людях, связанных с морем, в отдельных статьях и книгах: «Калининградский морской канал» (две книги), «Водные пути», «Балтийские судьбы», «Праздник мудрецов», «Храбрость и обаяние», «60 лет Гидрострою Калининградской области».

15 июля 2019 года в библиотеке Дома офицеров имени В. С. Пикуля в Балтийске прошёл замечательный литературный праздник, посвящённый 90-летию писателя. Коллектив Дома офицеров: Иван Васильевич Ларин, Федор Павлович Мунтян, заведующая библиотекой Людмила Александровна Невинная, библиотекарь Диана Старцева великолепно подготовились: это шикарные выставки книг В. С. Пикуля, подарки Антонины Ильиничны во время её неоднократных приездов в Балтийск, публикации в газетах и журналах.

Выступили поклонники творчества Пикуля, наиболее яркие представители интеллигенции Балтийска и Калининграда: вице-адмирал Виктор Иванович Литвинов, капитан второго ранга в отставке Вячеслав Кузьмич Николаев, лично знавший писателя, неоднократно с ним встречавшийся; ветеран, блокадник Владимир Васильевич Щукин, живущий на улице Пикуля в Балтийске, Бойченко Елена Ивановна, капитан первого ранга в отставке Владимир Алексеевич Мурзин, журналист «Красной звезды», член Союза писателей России Юрий Викторович Шевченко, член Союза писателей России Сергей Александрович Гуров, читал стихи и пел свои замечательные песни под гитару лауреат множества конкурсов бардовской песни Геннадий Бойченко.

На Балтийском флоте высоко ценятся труды Валентина Пикуля. Особенно добрые отношения сложились с вдовой писателя Антониной Ильиничной, которая практически ежегодно приезжает в Балтийск, встречается с читателями, дарит библиотеке книги Валентина Пикуля и свои: «Из первых уст», «Уважаемый Валентин Саввич!», «Живет страна Пикулия», «Я мерил жизнь томами книг». Антонина Ильинична подарила библиотеке также несколько фотоальбомов и полное собрание сочинений писателя.

Интерес к творчеству Пикуля не угасает, и он продолжает оставаться властелином душ различных поколений читателей. Пожилые приносят в библиотеку собранные с огромной любовью вырезки из газет и журналов, молодые матросы просят в передвижные библиотеки положить книги Пикуля.

Работники библиотеки отмечают, что всплеск интереса к книгам Пикуля наблюдается после показа по телевидению фильмов по его книгам: «Баязет», «Богатство», «Моонзунд».

Библиотека имени Пикуля – духовная сокровищница Балтийского флота. Она открылась 16 августа 1946 года. Основой её книжного фонда стали книги, переданные из морской библиотеки Кронштадта. Помимо военно-морской литературы сюда «переехали» старинные издания, газета «Красный флот», журнал «Морской сборник» за предвоенные и военные годы. В 90-е годы из стран Прибалтики поступило в библиотеку дополнительно 12 тысяч книг. Всего фонд библиотеки на сегодня составляет 58 тысяч книг и огромное число читателей, как военнослужащих, так и членов их семей. Постановлением Военного Совета дважды Краснознамённого Балтийского флота от 25 октября 1990 года за № 30 библиотеке Балтийского Дома офицеров флота присвоено имя В. С. Пикуля. В постановлении говорится: «Выдающийся писатель, сердцем и пером присягнувший флоту и Отечеству, Валентин Саввич Пикуль на протяжении всей своей жизни поддерживал тесную связь с моряками Балтики. Его многочисленные произведения воспевают славу флоту, русским и советским морякам, Родине, учат благородству, отваге, чести, любви к морю. Творчество писателя снискало искреннее уважение у воинов-балтийцев. За вклад в дело патриотического воспитания, пропаганду традиций флота и его истории Военный Совет постановляет: присвоить библиотеке Балтийского Дома офицеров имя В. С. Пикуля». И подписи: Председатель Военного Совета, командующий Балтийским флотом – адмирал В. Иванов. Секретарь Военного Совета – подполковник В. Коробцов.

Вице-адмирал В. И. Литвинов так вспоминает о торжественном мероприятии по случаю присвоения библиотеки имени писателя: «Можно ли забыть день 28 июля 1991 года, когда сразу после военно-морского парада, которым я имел честь

командовать, адмирал В. Иванов с командирами частей, соединений и вдовой В. Пикуля Антониной Ильиничной направились в сторону библиотеки. Здесь нас уже ждали жители города и флотская молодёжь. Прямо у входа на небольшой площади состоялся импровизированный митинг. Все подчёркивали, что решение Военного Совета флота они встретили с искренней радостью. И это действительно так. Талант писателя–мариниста, писателя–историка поражал и поражает тысячи читателей».

Дух писателя–мариниста поселился в стенах прекрасного здания на улице Ленина. Каждый, кто входит в библиотеку, останавливает свой взгляд на стендах, посвящённых Пикулю.

Библиотекари – постоянные гости на кораблях, в воинских коллективах. Интересные мероприятия, которые они тщательно продумывают и творчески организуют, надолго запоминаются жителям Балтийска. В их памяти и литературные четверги, и праздники книги, и презентации новых книг балтийских авторов.

К 55-летию библиотеки Антонина Пикуль прислала поздравительную телеграмму, в которой желала «сохранить и приумножить традиции библиотеки».

В год 70-летия Пикуля на флоте прошла теоретическая конференция офицеров флота, на которой поднималась проблема престижа современного офицера, взгляды трёх поколений флотских офицеров на основе книг Пикуля.

2003 год был объявлен годом Пикуля «Общероссийским движением в поддержку флота». 75-летие Валентина Савича библиотека отметила праздником книги «Певец русского патриотизма». Этот праздник проходил под открытым небом у здания библиотеки, пришли моряки и жители города, и остался праздник в памяти всех, кто принимал в нем участие.

Библиотеку имени Пикуля посещают адмиралы и матросы срочной службы, школьники и взрослые жители города Балтийска. Здесь открытый стол идей, за которым каждый находит свою духовную пищу. Мысль, вложенная в книгу, может изменить жизнь человека. А библиотекари – они не только любят людей, они ещё в тайне мечтают изменить к лучшему человечество – с помощью книги.

К 50-ЛЕТИЮ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО СЛУЖЕНИЯ КУЛЬТУРЕ РОССИИ

Н.Д. Лобанов–Ростовский – Меценат России

Мечты Господни многооки,
Рука Дающего щедра,
И есть ещё как он, пророки –
Святые рыцари добра.

Николай Гумилёв

Его благотворительная деятельность на благо культуры России не имеет себе равных в истории меценатства. Во всём, что делает Никита Дмитриевич, он мастер и повелитель сердец. Огромное число людей в мире отдают ему должное и почитают как успешного и в то же время благородного и великодушно-го человека. Его любят и восхищаются его проектами, готовы биться за них, поддерживать, возражать, спорить, лишь бы всё сложилось по справедливости, потому что у них одна цель – бережное отношение к каждому прекрасному проявлению многовековой культуры России.

Деятельность Лобанова–Ростовского стала ориентиром в современном мире – как строить жизнь, планы и их воплощать, поднимая самые актуальные темы в области культуры и истории России.

Первое дарение

Получив приглашение на литературно-музыкальный вечер в родовой дом Танеевых, в концертный зал «Танеевский» (Москва) в честь 50-летия благотворительной деятельности Н. Д. Лобанова-Ростовского, я написала князю в Лондон свой вопрос о первом дарении. Я получила перечисление дарений на две страницы. Первым в списке находится Российский государственный архив литературы и искусства, куда в 1970 году Н. Лобанов-Ростовский привёз чемодан документов: архив С. Судейкина, 12 тетрадей с текстами художника Александра Яковлева (\$6000), множество дополнительного литературного и фотоматериала, описанного на трёх страницах в публикации ЦГАЛИ под заголовком «Архив Лобанова-Ростовского» (\$5000). (См. Российский государственный архив литературы и искусства: Путеводитель. Вып. 7. Фонды, поступившие в РГАЛИ в 1984–1992 гг. М., 1998. С. 153–155).

Сергей Юрьевич Судейкин был главным оформителем в бакиевском кабаре «Летучая мышь», много работал в Метрополитен-опере. Н. Лобанов-Ростовский в Нью-Йорке познакомился с вдовой художника Джин-Палмер-Судейкиной и приобрёл у неё работы Судейкина и его архив. Ей пришлось много распродать, так как Судейкин создал кабаре «Подвал падших ангелов», где было очень красиво, но прекрасный художник был плохим коммерсантом. Все его вложения и также деньги Джин были потеряны.

Именно РГАЛИ и дарения ему князя привели меня к знакомству с Никитой Дмитриевичем, когда я в поисках материалов к книге о религиозном философе Н. С. Арсеньеве (Л. Довыденко. Кёнигсберг – Русское Зарубежье. Н. С. Арсеньев. – Калининград. 2008), нашла письма Н. С. Арсеньева из Си-Клифа Нине и Никите Лобановым-Ростовским, относящиеся к 70-м годам XX века. И я думаю, что множество исследователей литературы и истории Русского Зарубежья благодаря этим архивным данным смогли продвинуться в своих поисках.

Дарение Дому-музею М.И. Цветаевой

24 февраля 2005 года в Доме-музее М. И. Цветаевой проходил вечер, на котором директор Дома Э. С. Красовская вручила Никите Дмитриевичу медаль Цветаевой в благодарность за подарок – портрет подруги Марины Цветаевой Саломеи Николаевны Андрониковой.

Никита Дмитриевич хорошо знал Саломею Николаевну и считал личным долгом выполнить её последнюю волю – она завещала свой портрет работы Зинаиды Серебряковой Грузии. И это было сделано. Саломея Николаевна дружила с матерью князя, с его дядей Н. В. Вырубовым, а также, узнав об увлечении Никиты Лобанова-Ростовского театральной живописью, всячески поддерживала его в этом, делилась своими знаниями предмета и воспоминаниями, знакомствами с художниками, подарила эскиз костюма работы Шухаева. На аукционе «Сотбис» князь приобрёл в мае 2004 года портрет Андрониковой работы Александра Яковлева, выполненный в Париже в 1922 году. Анна Ахматова назвала Саломею Андроникову «красавицей тридцатого года». Она была центром всех литературных салонов, как в России, так и в Париже, в Лондоне, и много сделала для Марины Цветаевой, поэтому образ, созданный А. Яковлевым, так важен в Доме-музее Цветаевой.

Портрет императора Александра II в дар Посольству РФ в Париже

История этого дара очень живо изложена Никитой Дмитриевичем в его книге «Эпоха. Судьба. Коллекция». Посетив посольство РФ в 2006 году, он обратил внимание, что нет ни одного портрета императора, даже Александра II, по распоряжению которого был приобретён особняк под российское посольство.

Дядя Никиты Дмитриевича Н. В. Вырубов пожелал подарить посольству прижизненный портрет Петра Первого кисти Жан-Марка Натье, а позже на аукционе «Сотбис» в Лондоне

Никита Лобанов–Ростовский обнаружил красивый портрет Александра II кисти Ю. А. Ковако (1868). Ему удалось приобрести портрет и вручить его послу А. А. Авдееву с просьбой, чтобы «переданный мной портрет навсегда оставался в стенах Посольства и нашёл себе достойное место среди других картин». Церемония передачи портрета состоялась 6 октября 2007 года.

Известный коллекционер своим даром, – сообщило ИТАР–ТАСС, – хотел содействовать исторической справедливости. «В этом доме мы находимся, – подчеркнул посол России во Франции Александр Авдеев, – благодаря мудрой записи в кадастровой книге, сделанной по указу Александра II: «Собственность России». И в советское время никто и не помышлял переделывать эту запись 1864 года».

Через три года в резиденции посла России во Франции появился ещё один дар Н. Д. Лобанова–Ростовского – портрет императора Александра III кисти художника Николая Тимофеевича Богацкого (1887 год, масло, холст), который был приобретён на торгах старейшего аукционного дома «Стокхолмс аукционс-верк», а затем отреставрирован за счёт дарителя. Посол РФ во Франции Александр Орлов в благодарственном письме выразил искреннюю благодарность «за самоотверженный труд на благо России».

Дары ГМИИ имени А. С. Пушкина

15 февраля 2008 года СМИ активно обсуждали событие – действительно событие культурной жизни – передачу в дар Музею изобразительных искусств имени А. С. Пушкина двух редких произведений искусства от князя Никиты Дмитриевича Лобанова–Ростовского. Это акварель «Чёрный зигзаг» голландского мастера–супрематиста Тео ванн Дусберга, созданная в 1924 году и оценённая в 10 тысяч евро. Второе полотно – это картина маслом на картоне итальянского метафизика Джорджо де Кирико «Меланхолия поэта» (1916),

оценённая в 250 тысяч евро. Эти работы Лобанов–Ростовский приобрёл у барона Свена фон Падака в Цюрихе.

Церемония дарения в кабинете директора музея Ирины Антоновой и в присутствии министра культуры и массовых коммуникаций Александра Соколова была приурочена к памяtnому событию в истории музея. Ровно 20 лет назад открылась в ГМИИ имени Пушкина выставка «Русское театральное–декоративное искусство 1880–1930-х годов» из коллекции Никиты и Нины Лобановых–Ростовских, что было существенным расширением горизонтов в представлении москвичей и гостей столицы о художниках Серебряного века и мастерах авангарда. Никита Дмитриевич подчёркивал, что дар двух произведений он сделал в честь директора музея Ирины Александровны Антоновой, в знак благодарности и восхищения её организаторскими способностями и возможностью убедить чиновников в необходимости выставки 1988 года в ГМИИ им. Пушкина из 404 работ. И выставка была роскошно оформлена, что привело к составлению и публикации каталога–резоне всей коллекции Лобановых–Ростовских в издательстве «Искусство».

По договорённости с Николаем Бенуа, Лобанов–Ростовский купил в 1974 году у Большого театра в Москве все его эскизы (около 80 работ) к опере «Мазепа» и подарил их ГМИИ им. Пушкина (\$40000).

Музей личных коллекций

Будучи рьяным сторонником идеи И. С. Зильберштейна – создания Музея личных коллекций как филиала ГМИИ им. А. С. Пушкина, Никита Дмитриевич активно участвовал в создании Музея личных коллекций – в 1987 году передал в дар 80 произведений русской графики из своего собрания. Особое место среди них занимает известная серия Александры Экстер «Театральные декорации» (1930): 11 шелкографий театральных декораций на сумму \$22000.

Накануне открытия Музея личных коллекций в 1994 году передал музею дар фарфора первой трети XX века: 42 предмета фарфора революционного периода 1920-х гг. \$45000.

24 января 1994 состоялось официальное открытие Музея личных коллекций при ГМИИ и второе представление собрания театральной живописи произошло уже в Музее личных коллекций (3 ноября 1994).

Другие дарения России *(перечислены лишь главнейшие)*

1980. «Литературное наследство» (Зильберштейн): Портрет И. Бунина работы Л. Бакста. \$7000. Портрет С. Есенина работы А. Бенуа. \$10000.

1996. Международная ассоциация творческой интеллигенции, Москва. Для распространения в библиотеки по всей России 600 экземпляров книги «Художники русского театра», каждая весом в 2,5 кг. \$36000.

2006. Фонд «Русское зарубежье», Москва. Портрет И.А. Бунина. Масло. \$30000. В 2010 году – Библиотека книг по русскому искусству (3718 томов) и 10 гравюр–портретов русских художников общей стоимостью 107000 евро.

2008. Мэрия города Москва, 6 декабря. Старинная карта Москвы, изданная в Италии (1790), оценена в 5000 евро.

2010. Санкт–Петербургский музей театрального и музыкального искусства. 8 «силуэтов» Бакста стоимостью 26000 евро.

2013. Музей «Ростовский кремль», Ростов Великий, зал, посвящённый семье Лобановых–Ростовских. Более 10000 работ, оценённых в 3,4 миллиона евро, среди которых: 40 старинных гравюр дома Романовых с их генеалогической таблицей и портретов полководцев, служивших во славу Российской империи; 12 копий и оригиналов семейных портретов маслом, книги и реликвии, относящиеся к семье Лобановых; 20 гравюр с видами Москвы и Петербурга, старинные картины империи. Семейные портреты и документы, посвящённые Лобановым–Ростовским и их ближай-

шим родственникам; 90 обрамлённых старинных гравюр, копии 50 театральных работ и произведений художников 1920–х гг.

Дарения вне России

2012. Оксфордский университет, Великобритания. Основал факультет планетарной геологии. 1 млн фунтов.

2012. Фонд св. Кирилла и Мефодия, София, Болгария. Учредил ежегодную стипендию для изучения планетарной геологии в Оксфорде, 2000 евро.

2013. Крайст–Черч Колледж, Оксфордский университет, Великобритания. Профинансировал «навсегда» место для преподавателя органической химии. 250000 фунтов.

2013. Факультет геологии, Оксфордский университет, Великобритания. Портрет основателя геологии в Великобритании Чарльза Лайла. 2000 фунтов.

Меценатство сегодня

50-летний юбилей меценатства Лобанова–Ростовского – это повод поговорить на эту тему, о разных подходах к её решению в России и в странах Запада. «На следующий день после пожара в соборе Нотр–Дам в Париже, – рассказывает Никита Дмитриевич, – французский миллиардер Франсуа Пинот (владелец аукционного дома «Кристис») дарит 100 млн евро на реставрацию собора. Спустя полчаса Бернар Арно (владелец бренда «Луи Вuitтон / Эрмес»), пожертвовал 200 млн евро на эти же цели. Семья Беттенкур (владельцы фирмы «Лореаль») добавили в казну 200 млн евро, нефтяная компания «Тоталь» пообещала 100 млн евро».

Мысль Никиты Дмитриевича совершенно определённа: огромное накопление капитала у немногих частных лиц превышает возможности правительств ассигновать казённые деньги на культуру. В этом контексте меценат приводит не-

сколько данных: 50% всего имущества на планете принадлежит 1% населения. 90% финансовых средств в РФ принадлежат 3% населения. Сегодня в России, США и Китае возможности меценатов на поддержку культуры превышают возможности правительств.

В Соединённых Штатах в 2018 году дарение (меценатство) составило 400 млрд долларов, что составляет 5,5% валового дохода и превышает федеральный бюджет по культуре. В России же на меценатство было потрачено 400 млрд рублей (т.е. более чем в 60 раз меньше, чем в Америке).

В Великобритании меценатство составило в два раза больше государственного бюджета на культуру. Соединённым Штатам Америки 242 года, но количество объектов мирового культурного достояния в Штатах превышает количество таковых в Англии, основанной 1100 лет тому назад (937 г.). Это обстоятельство объясняется двумя факторами: 1) в США никогда не было налога на ввоз/вывоз антиквариата и искусства; 2) американские олигархи, в отличие от российских, в начале XX века вкладывали свой капитал в индустриализацию страны и закупку антиквариата и искусства в широком масштабе в Европе, включая демонтаж замков во Франции и Италии и их перевозку и переустановку в штатах Нью-Йорк и Калифорния.

Каково же положение в России? По благотворительности Россия занимает 137-е место из 145. «Крупномасштабное меценатство в РФ директивно. Президент указывает госкомпаниям или олигарху субсидировать тот или иной проект», – отмечает Никита Дмитриевич.

При отсутствии у олигархов интереса к русской культуре, к будущему России, вывозу капитала из России ежегодно мощным потоком, меценатство в РФ может реально осуществляться, – считает Никита Дмитриевич, – на основе малого и среднего бизнеса. Только они могут быть носителями национальных интересов. А для этого нужно изменить законодательство о меценатстве, продвигая этот вопрос в Комитете по культуре при Государственной Думе РФ.

Огонь любви

Огонь любви к театральной живописи зажёг в молодом Никите Лобанове–Ростовском, только что поступившем в Оксфорд, Ричард Бакль, театральный критик, в 1954 году организовав в Лондоне выставку, посвящённую Дягилеву. Тогда молодой человек впервые увидел живопись Бенуа, Бакста, Гончаровой, Ларионова, всех двадцати двух художников, которые работали для Дягилева, и захотелось иметь такие же картины у себя дома. И также он хотел быть Лоренцо Медичи. Но сделал гораздо больше.

Коллекция русской театральной живописи из тысячи работ, собранная с нуля, спасённая от забвения и неизвестности, от гибели, признана лучшей в мире, она способствовала упрочению позиции русского искусства на планете как явление самобытной национальной культуры. Этот феномен Русского Зарубежья в конце концов переехал в Россию. Её история неотделима от родословной Рюриковичей, прямые потомки которой Лобановы–Ростовские служили Отечеству.

Для Никиты Дмитриевича собирательство и меценатство слились в единое поприще деятельности на поле культуры России. Из трёх идей, которые он мечтает воплотить в России, одна уже осуществилась – установка памятника участникам Первой мировой войны на Поклонной горе. Две других: памятник примирения между красными и белыми во имя новой возрождённой России, создание картинной галереи с портретами лучших людей России на протяжении её истории, – эти идеи вызывают в разрешающих умах руководства страны.

Встреча в Танеевском зале

29 октября 2019 года в зале не было свободных мест. Пришли друзья и почитатели общественного деятеля, мецената России Никиты Дмитриевича Лобанова–Ростовского, ярчайшей личности современного мира. Гостеприимно встречала гостей

директор ДМШ, заслуженный работник культуры России Гугули Ревазишвили. Литературно-музыкальный вечер вела автор исследования о романе княгини В. Д. Лобановой-Ростовской «О российской трагедии XX века: до и после 1917 года», научный куратор ДМШ, профессор МГУ Екатерина Фёдорова.

Талантливые учащиеся, выпускники и педагоги ДМШ имени Сергея Танеева, лауреаты международных конкурсов удивляли своим мастерством. Отрывки из книги «Эпоха. Коллекция. Судьба» и дневниковых записей Никиты Дмитриевича блестяще читали народный артист России Евгений Киндинов и заслуженная артистка России Галина Киндинова. Автор книги скромно считает: «Мои записи не претендуют на обстоятельность или исследовательскую глубину. Но, очевидно, имеют право на существование – как малые зёрна величественной мозаики русского искусства». Но на самом деле при каждой встрече с планетарным мышлением русского человека, мецената и коллекционера, поражают его рассуждения не только о русском искусстве, но и о России сегодняшней, её трудностях и возможных стратегиях, уверенность в «светлом будущем Европы» только в союзе с Россией, высокое искусство которой утверждает правду и служит справедливости.

«В МОЮ ЖИЗНЬ ПРИШЛО ЧТО-ТО ПРЕКРАСНОЕ!..»

О Евгении и Галине Киндиновых

В моей жизни было много даров судьбы и светлого Божьего промысла. И один из них – встреча с четой актёров кино и театра Евгением Арсеньевичем и Галиной Максимовной Киндиновыми. Это случилось в июне 2019 года. Позвонив в дверь их квартиры, я попала сразу к ним на завтрак, приехав с утра, проговорив почти до вечера, изумляясь их терпимости и доброте.

Ровесник Победы

Заслуженный и народный артист России Евгений Киндинов родился 3 июня 1945 года. Окончил Школу-студию МХАТ (курс В. Монюкова), был принят в труппу МХАТ им. А.П. Чехова, где сыграл около 30 ролей в различных спектаклях. Что касается кинематографии, то у Евгения Киндинова более 50 фильмов, в числе которых такие знаменитые, как «Городской романс» П. Тодоровского, «Романс о влюблённых» А. Кончаловского, «Вас ожидает гражданка Никанорова» Л. Марягина, «Таёжная повесть» В. Фетина, «Возвращение резидента», «Конец операции «Резидент» В. Дормана и другие.

Думаю, что дата рождения имеет значение. У Евгения Арсеньевича – вскоре после Великой Победы, значит, написано ему небесами – побеждать себя, обстоятельства, недуги. Я счастлива – смотреть в глаза и слушать любимого актёра, возвращаться мысленно в 1974 год, к фильму «Романс о влюблённых», где гениально сыграл главную роль Евгений Киндинов. С непод-

ражаемым спокойствием и внутренней лёгкостью Евгений Арсеньевич рассказывает, как Андрей Кончаловский взялся за эту сложную работу – воплотить в фильме сценарий Евгения Григорьева, долго лежавший невостребованным на Мосфильме. Никто не решался заставить актёров говорить белыми стихами. Требовалась предельная искренность, чтобы это было естественно, чтобы превалировали эмоции.

На съёмках делали по семь дублей, и фильм получился. С благодарностью вспоминает он блестящую плеяду его современников: Елена Коренева, Иннокентий Смоктуновский, Ирина Купченко, Ия Савина... А я как будто слышу гитару в руках героя фильма, песню Александра Градского: «Любви не будет конца...» Мощная, правдивая, великолепная картина. Живое и настоящее переливается с экрана в сердце. Поэтическое сказание о первой любви и долг, верность, благородство, рыцарство, великодушие. Лично для меня эти понятия до сих пор значат очень много. А Трубач, которого играет Смоктуновский... Ведь такой Трубач постоянно где-то в мире ежеминутно с какого-то высокого, красивого места на земле извещает о новой любви двух людей, о любви и разлуке... Евгений Киндинов после того, как фильм прошёл в кинотеатрах, стал не только одним из самых популярных молодых актёров, на которого зрители с удовольствием ходили в кино и в театр, его полюбили, навсегда, почитая высоту, красоту не только внешнюю, но и душевную.

Органичные, настоящие, комфортные

В светлой квартире Киндиновых мы пьём кофе, читаем молитву, крестим еду и благославляем новый день! Я смотрю на дорогих мне людей и радуюсь, что не вижу усталого ума или сокрушённого сердца, наоборот, ощущаю духовные и нравственные силы, надежды на гармонию, на то, что есть мир Божий, в котором сегодня нам вместе комфортно. Я рассказываю, что возвращаюсь домой через Москву с Волги, из Ульяновска,

а Галина Максимовна – о недавней поездке в православный Пюхтицкий Свято-Успенский монастырь, который сегодня находится на территории Эстонии. Пюхтица – святое место, расположено на Богородицкой горе, недалеко от Чудского озера. В утешение измученным в борьбе с тевтонскими рыцарями жителям явилась когда-то Божия Матерь, где и возник монастырь. Галина Максимовна и Евгений Арсеньевич там с радостью бывают, наслаждаются скромной красотой и деятельной жизнью в монастыре, верны нашей православной вере, вере наших предков, и нас это ещё сильнее сближает. Говорим о сегодняшнем дне. Киндиновы преподают в Московском государственном институте культуры и искусства, ведут курс актёрского мастерства, репетируя этюды, монологи, спектакли. Оба до сих пор радуют зрителей, работая в МХТ имени А. П. Чехова, выходя на сцену в спектаклях: «Лес» по пьесе Островского, «Деревня дураков» по повести Натальи Ключаровой.

Рядом с великими

Евгений Арсеньевич на мою просьбу – показать фотографии – достаёт буклет, выпущенный его коллегами и студентами к его 70-летию в 2015 году. Смотрим фотографии из спектакля «Валентин и Валентина» Михаила Рощина, где он играет роль Валентина.

В «Деревне дураков» Евгений Арсеньевич играет роль деда Фима, мудрого и всезнающего.

Я всматриваюсь в фотографии, а Евгений Арсеньевич вспоминает, как играл с такими артистами, при звучании имён которых захватывает дух: Станиславом Любшиным, Сергеем Безруковым, Андреем Мягковым,

Анастасией Вертинской. Святые имена для тех, кто любит театр и кино. «Светлейшие люди, – говорит Евгений Киндинов, – Иннокентий Смоктуновский, Татьяна Доронина, Олег Ефремов, Василий Ливанов, Алексей Грибов, Михаил Яншин, Алла Тарасова. Как играли! Вспоминается Алексей Грибов в «Трёх

сёстрах», его глаза в финале пьесы, глядя в них, я сам не мог сдержать слёз, как он создавал на сцене драму несостоявшейся жизни. Гениальный актёр! В пьесе «На дне» в постановке В. Немировича-Данченко у нас была потасовка на сцене, и я ударил неосознанно Грибова так, что у него синяк потом появился. Он мне говорит: «Ты что, пацан?». Но очень ему нравилось, как я играл. В 70-х годах пришёл Олег Ефремов, Евгений Евстигнев, Татьяна Лаврова, Иннокентий Смоктуновский, с которыми мы дружили, встречались, он рассказывал, как был в плену, как спасся, спрятавшись под мостом за столб. Он работал в Сибири, а потом переехал в Ленинград, затем – к нам. Как он играл князя Мышкина – это глаз не оторвать...Рядом с ними жить и играть – это школа!»

Гастроли

В детстве Евгений Арсеньевич мечтал о путешествиях по миру. И всё сбылось. В советские годы театральный коллектив много гастролировал, за границей ставили классику: в Китае, в Японии, в Австралии, в США, не говоря уже о европейских странах. «А Советский Союз мы весь объехали, – рассказывает Евгений Арсеньевич, – Тбилиси, Самарканд, Камчатка, Север... Мечта сбылась. Гастроли были на ура! В Японии после пьесы «На дне» один корреспондент задавал вопросы на английском языке, который я специально учил. «На дне» – это был самый популярный спектакль в Японии. Очень болезненная тема людей талантливых, но не нашедших себя в жизни, – интересовала японцев. И мне была интересна страна: Сад камней, Императорский дворец, вокруг которого были деревянные, скрипучие настилы, специально такие, чтобы охрана слышала, что кто-то идёт».

В насыщенной спектаклями, кинофильмами, гастролями и фестивалями жизни вспоминается кинофестиваль в Сан-Себастьяне в Испании в начале 70-х годов. Ездили туда с фильмом «Молодые» с Аллой Ларионовой. Ехали через Париж. В гости-

ницу уже в Испании в фойе пришли люди, которые говорили по-русски, они принесли бутылку роскошного вина в благодарность СССР, где они выросли. Их вывезли из Испании в Советский Союз и спасли от смерти в детстве, а потом вернулись на Родину.

Однолюб

В юбилейном буклете бросается в глаза чудная фотография молодых Евгения и Галины Киндиновых, танцующих вальс, необыкновенно красивых и романтических.

«Мы были однокурсниками», – говорит Евгений Арсеньевич. Я помню, как в каком-то интервью он сказал: «В том, что я однолюб, нет моей заслуги». «Галина появилась у нас на курсе, и мы любили, прежде всего, наше дело, живое. Наши учителя: Кира Николаевна Головкина–Иванова, Виктор Карлович Монюков, – они старались не только помочь нам обрести профессию, но чтобы мы были нормальными людьми. Мы все дружили. С нами учился Николай Караченцев, Борис Чунаев. Они в Ленком пошли. А мы с Галей оказались во МХАТе. В 1967 году окончили студию МХАТ и поженились». Для Евгения Арсеньевича Галина Максимовна – красавица, умница, талант. У них дочь Дарья, тоже красавица, любимая и любящая.

Галина Максимовна. Истоки

Заслуженная артистка России Галина Киндинова играла в спектаклях: «Синяя птица» (Молоко, Свет, Фея), «Валентин и Валентина» (Катюша), «Евгений Базаров» (Одинцова), «Московский хор» (Эра), «Преступление и наказание» (Мать Раскольниковова), «Мишин юбилей» (Наташа). Участвует в спектаклях: «Амадей», «Антигона», «Гримерная», «Лес», «Священный огонь». Награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени. Фильмография: «Приваловские миллионы»,

«Нахлебник», «Личное счастье», «Настенька», «Талант», «Алиса», «Священный огонь» и другие.

Галина Максимовна родом из Киева. Она верила, что будет работать в театре, мечтала о нём. Приехала в Москву и поступила в студию МХАТ.

«Это всё промысел Божий, – уверена Галина Максимовна. – Сейчас, по прошествии лет, вспоминается детство на улице Сапёрная слободка, река Лыбедь, дом бабушки, катание с горы, игры у реки, железнодорожная станция, паровозное депо, лозунг «Слава СССР!» над ним».

«Уезжая в Москву, – рассказывает Галина Максимовна, – я говорила «до свидания» депо, вечерним фонарям, реке, понимая, что это всё пройдёт, уйдёт, а будет что-то другое, когда я уеду. В нашем дворе жили родственники, бабушкины сестры: Поля, Маня, Нюра. Маня звала к себе: «Поди сюда, Галка!» и открывала свои румяные пироги, говорила, чтоб была такой же румяной. Бабу Маню называли ведьмой, потому что сама она была очень красивой женщиной. Ели кашу с жареным луком, и вкусно было. Баба Поля ходила в длинной юбке, много раз зашитой и латаной, но чистенькой. Была печка, которая отапливала дом, деревянные полы, а я сижу в подоле юбки и раскачиваюсь. Мне тепло, мне хорошо. Ощущение покоя и надёжности.

У нас в доме был целый иконостас от пола до потолка, горели лампадки. Не было богатства, но было уютно и чисто прибрано. Соблюдался пост, а потом наступали торжества, например, Пасха. Собиралось в доме человек 15. Готовили заливного судака, грибочки-маслята, квашеная капуста, солёные огурцы, жаркое, если Пасха – обязательно куличи, мясо и домашняя колбаса.

Если кто не приходил в гости, бабушке было досадно, но она скрывала это, мы сидели и пели. И ощущение родства и тепла. Часто собирались у Ивана Павловича и его жены Дуси, играли в дурака, я и младший брат. У брата в четыре года было обнаружено белокровие. Мама не стала его отправлять в больницу, а поила его соками смородины, моркови, давала красное вино и вылечила».

Дивный танец...

«И вот я еду в Москву, – продолжает Галина Максимовна. – Если есть цель, то уже всё складывается, как надо. Я пришла в школу–студию, встретилась с Кирой Николаевной Ивановой–Головко. Она была молодой и очень красивой. Я пришлась ко двору и была принята на второй курс. У меня не было документов, поэтому я поехала за ними домой счастливая.

А потом занятия в студии. Виктор Карлович посадил нас полукругом, мы с Женей сидели по разные стороны. И вот помню, как Женя встаёт, видны белые манжеты из рукавов свитера, который ему связала мама. «Какой красивый мальчик! – подумала я, – только жаль, что молоденький». С головой окунулась в учёбу. Были потрясающие дисциплины: сценическая речь, сценическое движение, русский театр, зарубежный театр. Мы ходили в музеи, занимались изобразительным искусством. Удивительные преподаватели у нас были. Абрам Александрович Белкин учил нас читать русскую литературу: как надо читать классику? Как птичка воду пьёт. Глоток – голову вверх, проглотить. Прочтите немного и голову поднимите – подумайте.

Педагоги приглашали нас к себе в гости. Особенно часто это делала Кира Николаевна Головко–Иванова. И кормила, и поила, и одевала, и обувала. «Галка, выбирай туфли!» И выбирала сама для меня самые красивые. Она и деньги давала со словами: «Плохо выглядишь, сходи поешь!»

И вот выпускной вечер. Я хотела танцевать вальс с Караченцевым, но Ольга Всеволодовна сказала: «Ты будешь танцевать с Женей!». Я в белом длинном платье, а Женя в зеленоватом сюртуке. Выход был такой: сначала идут два сгорбленных старика в плащах, а потом сбрасывают плащи, открывая свою молодость. Это был дивный танец».

«А потом у Бори Чунаева была вечеринка. Было совсем не так, как в спектакле «Валентин и Валентина», где героиня говорила: «Посмотрела и подумала: он мой!» Вот ничего подобного. Но с вечеринки меня пошёл провожать домой Женя. Мы идём

через Каменный мост пешком, потом на Дмитровку и всю дорогу целуемся. Это непостижимые вещи. На следующий день я встаю и понимаю: в мою жизнь пришло что-то прекрасное!»

Современный театр

«Современный театр? Неважно, хвалят или ругают, главное, чтобы фальши не звучало, – делится Евгений Киндинов. – К сожалению, становится всё больше пиара. Есть много одарённых и талантливых ребят, посмотрим дальше, что с ними будет. Я вырос в другом времени. Сейчас театральные критерии меняются, у молодых другие правила жизни. Продолжается вечная тема отцов и детей. Важна «ясность Божьего лица». Мы ищем свет вокруг себя. Это душевные ощущения, а не анализ, не утверждение себя за счёт других. Литература для меня не зная, а то, что делает нас иными. Я всю жизнь занимался тем, что мне нравится, а нравится сам процесс общения, не заставляя себя, не преодолевая себя. Талантливый человек очень чувствует доминанту характера своего собеседника. Если не совпадают, будет коротко отвечать. Очень нужное качество для актёра – лёгкое восприятие того, что он видит вокруг себя. Мы со Смоктуновским, встречаясь, очень часто хохотали. Была открытость и лёгкость общения. И студентам я говорю: откройтесь, радуйтесь, давайте поиграем. Пусть будет свободная реакция на то, что слышишь. Я помню, как веселились с Евгением Евстигнеевым. Олег Николаевич Ефремов был сложнее и строже, но иногда с ним тоже обхохочешься.

Катарсис

«Студия – это колыбель, дом, альма-матер, – продолжает Галина Киндинова, – а театр – это арена, где надо устоять. Окончив студию, мы с Женей стали играть в театре, где часто вмешивается его величество – случай. Нам повезло. Рядом

с нами были великие актёры, вместе играли в великих спектаклях. Замечательные Алла Тарасова, Алексей Грибов, Василий Ливанов, Михаил Яншин, Ольга Андровская. Они были рядом, и мы могли у них учиться. Прелестные роли, удивительные спектакли. Казалось, что они всегда будут. Но вот уже нет «Села Степанчикова», закрыт спектакль «Гримёрная». Отношения между молодыми актёрами другие. Но я знаю, что школа наша продолжается, живут заветы старших: театр должен превращать толпу в людей. Сцена – над зрительным залом, потому что театр должен поднимать людей над жизненной суетой.

Много всякого в жизни и в театре, но хочется быть лучше, и чтобы человек уходил из театра с надеждой, а не с упадническим настроением. В театре требуется терпение, чтобы роль твоя выросла в тебе, созрела в тебе, соответствовала твоим духовным устремлениям. Говорят, что зрителя надо удивить? А чем? Не внешними какими-то эффектами, а тем, что слово затрагивает твои духовные переживания. Спектакль «Братья и сёстры». Там герой достаёт буханку хлеба, как самые дорогие пирожные. Я начинаю плакать. Это катарсис. Такие вещи потрясают, когда спектакль остаётся в душе, когда происходит что-то такое, что видишь перед собой личность, отражение судьбы, и это тебя трогает».

Тайна несказанная

Тайна несказанная – этот день общения с Галиной и Евгением Киндиновыми. Это русские православные актёры, и служение театру – для них служение искусству в лучшем смысле этого слова, как возможность Преображения.

Я с благодарностью и теплом прощаюсь с ними, прохожу через двор, и взгляд мой обращён к куполу Власьевского храма. Мне предстоит путь в аэропорт и в Калининград. Этим маршрутом Москва – Кенигсберг впервые в 1923 году летели Есенин с Дункан. С храмом Святого Власия связана романтическая

легенда об Айседоре Дункан и Сергее Есенине. Ночью извозчик повёз их на Пречистенку, где жила Айседора. Лошадь медленно брела по пустынным улицам, усталый извозчик заснул. Есенин с Дункан этого не заметили, увлечённо беседуя друг с другом. Переводчик Айседоры вдруг заметил, что лошадь всё время проезжает около церкви Святого Власия. «Эй, отец, ты что, венчаешь нас?! Вокруг церкви, как вокруг аналая третий раз едешь!» Есенин рассмеялся: «Повенчал! Повенчал!» Есенин и Дункан через полгода – весной 1922 года поженились.

И зачем я это вспоминаю? А чтобы сказать, что Евгений и Галина Киндиновы венчались уже в зрелом возрасте, по-настоящему, осознанно.

Уже в самолёте, вспоминая в подробностях день, глядя вниз, на землю под редкими облаками, думаю о фильме «Пой песню, поэт!» Сергея Урусецкого, где Евгений Киндинов в роли Русого парня читает великого поэта. В нашем разговоре он восхищается Сергеем Никоненко в роли Сергея Есенина, которого и я навеки запомнила, как он произнёс: «Как прекрасна земля, и на ней человек...»

на Ваше усмотрение:

1) уменьшить полосную фото на 113 и вставить текст - нужна 1 страница до кратного объема книги в 320 страниц

либо

2) можно сократить ЖУРАВЛИ - 173 стр.
10 строк, тогда - 1 страница

«А ПАМЯТЬ СВЯЩЕННА»...

СОБОРНОЕ ЦЕЛОЕ

в книге Николая Коняева «Купола над Друтью»

Книга «Купола над Друтью» – Санкт-Петербург, 2016, – это историческое исследование в двух томах, подробный рассказ о Свято-Покровском монастыре в Толочине в контексте культурно-исторических событий в течение тысячелетия на территории нынешней Витебской области: в первом томе – от варягов до нашествия Наполеона, во втором – от Александра Первого до наших дней, это неоспоримое свидетельство неувядаемой силы Православия и верности белорусского народа отеческим заветам.

Книга, посвящённая истории Свято-Покровского монастыря, по своему построению напоминает здание храма, где каждая его часть имеет своё предназначение и не мыслима без других, представляет собой единое соборное целое. В фундаменте этого храма «Слово о полку Игореве», поэма Михаила Лермонтова «Боярин Орша», история семьи канцлера Великого княжества Литовского Льва Ивановича Сапеги, основавшего и больницу, и православный храм. Заслуги его признаются в современной Республике Беларусь: в его честь в 2010 году выпустили монету достоинством в 1 рубль. Мы следуем в книге неисповедимыми путями от первой в нынешней Белоруссии церкви святой Богородицы «во граде Друцке», возникшей в 1001 году, дорогами полоцкого князя Всеслава Чародея, Владимира Мономаха в бытность его князем черниговским, возносим молитвы

у иконы Божьей Матери Белыничской, погружаемся в период первого раздела Польши, в период преследования Православия и навязывания «латинства», в страшные годы расстрела трёх тысяч священников по постановлению троек НКВД, вчитываемся в услышанные на небесах молитвы о восстановлении храмов в наше время.

Николай Михайлович Коняев (1949–2018) – автор десятков великолепных книг: художественных, исторических, биографических, православных. Но я хочу поделиться своими впечатлениями от книги «Купола над Друтью», которая столь же волнующа для меня, сколь высока её значимость в истории Православия и истории Белоруссии, России и Европы.

Друть моего детства

Мне нужно сделать небольшое отступление, потому что слово Друть я слышала с самого раннего детства, родившись в деревне Хомичи Быховского района Могилёвской области. Берег реки Друть в течение лета был местом игр и купания в стремительных водах глубокого притока Днепра, как взрослых жителей деревни, так и детей. Путь из деревни к реке пролегал через огромный цветущий луг, который обычно в конце июня полностью скашивали, а трава и цветы вновь подрастали. Друть быстро бежала по этому лугу, а через некоторое время пробивала себе путь, приближаясь к высокому берегу в трёх-четырёх километрах от деревни, и почему-то это место называлось Городок, здесь больше всего деревенские рыбаки ловили щук. Заядлым рыбаком был и мой отец, который ходил на рыбалку рано утром, так что, когда мы, трое детей, просыпались, на столе уже стояла большая сковорода с жареными карасями, речными окунями или щукой.

Мы, дети, часто ходили играть в Городок, где не было никаких построек, а было очень уютно: мягкая трава с белыми ромашками и синими колокольчиками, всегда свежий ярко-зелёный щавель, рядом берёзовая лесополоса с первой земля-

никовой, а чуть позже – первыми грибами лисичками. Сидя на высоком берегу Друти, смотрели мы, дети, на бесконечный луг с редкими кустами ивы или ольшаника и наслаждались дивной красотой пейзажа.

Весной река Друть разливалась, полностью затапливая эти огромные луга, и в ясные солнечные дни вода обретала оттенок яркой синевы и казалась морем, будила самые смелые фантазии и мечты. Вот почему с таким волнением в душе я слышу слово Друть.

Моя мама знала бесчисленное множество сказок и народных притч, мифов, легенд, многие из которых я слышала, когда мы шли с ней по тому живописному лугу, о котором я сказала выше, за щавелем, разнообразившим деревенскую еду. Среди её рассказов один особенно запомнился мне: об озере с топкими берегами среди этого луга, которое называли Бязоднае, то есть без дна, потому что никто никогда не доставал его, а на закате на берегу Бязодного можно было услышать звон церковных колоколов, идущих от того города, который будто бы находился под толщей воды.

И мне часто казалось, что стоит только прислушаться, как я услышу звон колоколов над Бязодным, над цветущим необъятным лугом, над бурливой с омутами Друтью. Позже я прочла легенду о граде Китеже, но навсегда в моём сознании эта легенда осталась и живёт в связи с озером Бязодным около моей родной деревни.

О детстве на берегу Друти написана, но не издана книга «Колокола над Друтью», и потому ещё и по этой причине я так разволновалась, прочитав название «Купола над Друтью». К этой книге и возвращаюсь.

Друцк в контексте мировых событий

Николай Коняев предметом своих исследований сделал город Друцк, расположенный в современной Витебской области, соседней с моей родной Могилёвской. Друть берёт свой исток

в Толочинском районе, протекает через Могилёвскую область, а устье её – в Рогачёве Гомельской области.

Поместив Толочинский Свято–Покровский монастырь в контекст истории земли Белорусской, в контекст сменяющих друга событий мирового масштаба, писатель находит возможность дать нравственную оценку участникам событий. Вот Владимир Мономах, который рассуждает о бедствиях междоусобной войны между русскими князьями: «не осуждайте, дети, меня, ведь не хвалю я себя, своей смелости, но хвалю Бога и прославляю милость Его. ... Столько лет хранил от смертных опасностей и не ленивым меня, дурного, создал на всякие дела человеческие годным».

На фоне льющейся крови, смертей, выжигания земли, целых городов, звучат слова о человечности и отстраивании городов заново, чтобы стать им центрами торговли и всяких ремёсел, или оказаться на периферии истории.

Сквозь затянутые дымом пожарищ дали истории проступают имена. Так, например, «Хроника Быховца», названная по имени помещика Александра Быховца, в имении которого была найдена историческая рукопись, изданная в 19-м веке Теодором Нарбутом, а затем включённая в 17-й том «Полного собрания русских летописей», изданного в 1907 году. Хроника украшена изображением караса и круга, разделённого на четыре части – таинственными символами мистической географии и судеб, как отдельных народов, так и конкретного человека, вселенское требования от него двигаться дальше, перемещаться не только в пространстве, но и в личном развитии.

Толочин

В 15-м веке растворяется в водах истории имя Друцка и выплывает имя Толочин, сквозь который пролегли торговые пути Москва – Смоленск – Могилёв – Минск – Варшава.

Меха, лён, кожи, пеньку, воск везли купцы в Западную Европу, ввозя ткани, гвозди, бумагу, пряности...

И выплывает в эти времена имя великого канцлера ВКЛ Льва Ивановича Сапеги, имя которого мне также знакомо со времени моей юности, когда семья наша стала жить в Быхове, где уже другой берег манил нас – берег Днепра: летом для купания, а зимой – лыжами и санками, чтобы скатываться с высокого берега на начинающийся от него луг Днепра, в который впадает бегущая по краю Быхова речка Сапежинка, возможно, давшая имя князьям Сапега, построившим в Быхове замок, остатки которого так будили наше детское воображение, особенно, кто был не безразличен к истории. Сын Оршанского князя, Лев Сапега, начинавший карьеру с простого писаря, становится великим канцлером, чтобы строить, и возводить, и развивать свой край. Мощный ум его привёл его к власти, чтобы понять, что ему дано творить историю, думать о расширении политических и культурных пределов, мечтая о единении славянских народов в результате объединения Польши, княжества Литовского и Московского царства.

После смерти Стефана Батории Сапега предложил на трон Речи Посполитой московского царя Фёдора Иоанновича. Трудно переоценить составленный им Статус ВКЛ (Великое княжество литовское), главное дело великого канцлера, стража законопослушности, ограничений для монархов, кому «разум не является врагом», стража справедливости и противостояния ополячиванию и окатоличиванию княжества Литовского. Этот благородный Литовский статус действовал до 1840 года, когда сменило его российское имперское законодательство.

Личность Сапеги могла быть отнесена к тем, кто успевает иногда остановить ход неотразимых событий, к тем, кто понимает, какое значение может иметь одна личность, и в то же время к тем, кто понимает, что эти события могут показывать, как ничтожны силы одного человека, если на дороге становится то, чему суждено быть.

Икона Божьей Матери Бельничской

Уникальны страницы книги, где Николай Коняев описывает историю одной из самых любимых в Белоруссии икон – Божьей Матери Бельничской.

По преданию после разгрома Киева Батыем несколько монахов унесли с собой древнюю икону византийского письма. Дойдя до берега Друти, они остановились на ночлег. Ночью они увидели чудо – от иконы исходил свет, и тогда они поняли, что здесь нужно остаться и построить храм.

Местечко получило имя Бельнич, что означает: белы ночи, освящённые светом Богородицы. Образ Одигитрии (Путеводительницы) несказанной красоты. Список этой иконы оказался в Свято-Покровском монастыре. И вот чудесные слова тропаря: «Радуйся, могилёвская земле, слава бо Господня на тебе возсия; възграйте, холмы бельнические, весельем прослався, бо тамо икона Богоматери, ликуйте, людие, и веселитесь, богатство бо не скудное даровалось нам, исцелений сокровище, гласы, якоже трубы, возшумите, прославляюще чудеса Владычицы преславной, радуйся, Богородице дево, от Бельническия иконы божественный свет и чудеса нам источающей».

Из глубины столетий идёт к нам это молитвенное песнопение, всегда помогавшее выстоять перед невзгодами и драматическими событиями, которые обрушивались на людей, тайно сохраняющих в себе хоть каплю небесного в земных переделах

Болит ли голова от поклона

«Будь твёрд!» – призывал в стихах белорусский поэт Якуб Колас, отражая в поэтических строчках историю войн на территории современной Белоруссии, а также народный менталитет, формировавшийся в условиях принадлежности к разным

княжествам, царствам: «Не уважай тех, кто говорит, что голова не болит от поклона».

Сын Льва Сапеги Казимир умер в Бресте от чумы в 1656 году, но в отличие от отца не был приверженцем православия и не наполнил жизни своей историческими делами, склоняя голову в поклоне перед властью предержащими: на мраморной плите надпись: «...Князь быховский, сапежинский, вице-канцлер ВКЛ, префект оршанский, волпянский, березский» – это всё лишь свидетельства богатства и близость к королевской особе, но никакими свершениями они не наполнены.

Тягостным, трагическим, глубоко познавательным и поучительным уроком истории является Жебровский иезуитский проект «Об уничтожении греко-российского вероисповедания», представленный в 1768 году государственным чинам. Этот проект был найден Николаем Коняевым в Российском государственном архиве древних актов в фонде «Общества любителей духовного просвещения».

«...Поставить себе в обязанность, чтобы греческое вероисповедание, латинскому противное, всячески выводить то презрением, то преследованием, то притеснениям тех, которые держатся оногo...»

«И дела без помех пойдут своим порядком, чем с большею для нас пользой, тем значительнейшим для России вредом».

«Чуждаться русского, не заводить с ним дружбы, зажиточных русских довести до нищеты и невежества, чтоб им выставляемы были на вид их суеверия».

Не правда ли, антироссийский проект Збигнева Бжезинского имел предшественника иезуита С. Жебровского, он важен для осмысления тех процессов, которые происходили на территории Речи Посполитой в 18-м веке, а тем более для понимания того, что происходит в польско-украинско-российских отношениях сейчас. А вот наследник Жебровского – Бжезинский:

«Тот, кто правит Восточной Европой, владеет Сердцем земли. Тот, кто правит Сердцем земли, владеет Мировым Остро-

вом (Евразией). Тот, кто правит Мировым Островом, владеет миром».

«Чистая безделица без благонравия»

Возвратимся к мудрой книге Николая Коняева, к тем страницам, которые посвящены пребыванию в Толочине Дениса Ивановича Фонвизина в 1777 году, когда он ехал в Париж по дипломатическим делам, умнейшего человека, считавшего ум «чистой безделицей» без «благонравия» – ценнейшего качества человека, благодаря которому проявляется сущность по-настоящему мужественных людей. Да, иметь совесть и благонравие – это удел мужественных людей. Эти черты трудно найти среди царственных особ.

Вскоре за Фонвизиним проследовала через Толочин императрица Екатерина Вторая, в Могилёве встретившись с Иосифом Вторым, когда между ними произошла беседа о том, что если бы Россия вернула себе Константинополь, а Франц Иосиф обрёл Рим.

И хотя они сошлись на том, что пусть всё останется так, как есть, но уже в 1791 году перед вторым разделом Польши Екатерина ввела понятие осёдлости, произведены были действия, в результате которых территории, исторически населённые русским православным народом, отошли к Австрии или остались в Польше, и православные испытывали там колоссальные гонения, так как Екатерина Вторая согласилась на ограничения их прав.

«Здесьняя история, – писал Коняев, – составленная из случайных встреч, остановок, наполненных толчеей не связанных между собой событий, не только не рассыпается на разрозненные факты, но и сама выстраивается в единое целое, где невозможно изъять ни одно событие без ущерба для общей конструкции».

Наполеон в Свято-Покровском монастыре

Известно, что Наполеон останавливался в Толочине, где были сожжены знамёна великой армии, и архив, и переписка его с сильными мира сего, а бронзовые, позолоченные орлы утоплены в Друти.

Писатель Коняев подробно останавливается на народных мифах и легендах о пребывании французов на территории современной Белоруссии, о сожжённых деревнях и городах, как бежало население в леса, зарыв в землю свои вещи, так как грабили их отступающие французы нещадно. «Паели поганые собак ды катов, усих ворон ды усялякую погань ... Збираюць червяков, жуков, слизняков, каб хоть гэтую пошкуддзю набить сабе лаптух».

Сегодня в помещении, где останавливался Наполеон, находится монастырская канцелярия и архив, собранный игуменьей монастыря матушкой Анфисой.

Сохранились документы, в которых идёт подсчёт всего вывезенного из сожжённого Толочина и Толочинского монастыря, где перечисляются огромные суммы оценки награбленного Наполеоном: зерна, вин, водки, мёда, скота, труб холста, сукна, шуб, посуды, инструмента.

Немало времени понадобилось для восстановления монастыря после опустошительного отхода наполеоновских войск.

Далее писатель останавливается на личности Александра Первого, соглашаясь с А. С. Пушкиным: «властитель слабый и лукавый...»

«Величайшие возможности, которые предоставила Александру Первому история, – писал с сожалением Николай Коняев, – он так и не сумел использовать на благо российской империи», не желая менять окружение, отказываясь искать сильных людей, способных проводить реформы, которые дано было воплотить Николаю Первому.

Возвращение Православия

Именно Николай Первый начертал резолюцию о возвращении Православия в Западных областях российской империи, о выходе из униатской церкви, где «отзывались о России с презрением, не зная россиян; не зная их истории, обычаев, языка, литературных произведений, а слово «москаль» было обыкновенным изъяснением презрения». «Нам дано новое бытие, – произнёс тогда викарий Брестской епархии Ф. Тупальский, – соблюдение обрядов нашей веры». В 1839 году Свято-Покровская церковь вновь стала Православной.

Не обходит вниманием писатель и польский вопрос, который А. С. Пушкин в образной форме выразил в 1831 году в стихотворении «Клеветникам России»:

О чём шумите вы, народные витии,
Зачем анафемой грозите вы России?

«Что была Польша, когда Наполеон и французы пришли туда? Песчаная и грязная пустыня», – говорил Николай Первый. И автор книги заметил: «И поэт, и монарх ищут ответ, почему Европа кипит ненавистью к России, отчего она готова по отношению к России на любую несправедливость и неблагодарность?» Ни поэт, ни монарх не могут найти ответа, так как он не заложен в «общеевропейских ценностях».

Белорусское барокко

Подробно останавливается Николай Коняев на описании красоты архитектурного решения Свято-Покровского монастыря – яркого образца позднего белорусского барокко. Главная черта этого стиля – две рвущиеся в небо башни, плавные линии, часто изогнутые и смягчающие контуры фасада, строгая зеркальная симметрия, пилоны, оформленные ордерными пилястрами. Фасад имеет волнистую форму за счёт вогнутостей простенков. Внутреннее оформление храма – это особая

утончённость, сложно профилированный ордер, двойные арки, пилястры хоров – свёрнутые свитки, – в общем, монастырь – один из шедевров белорусского барокко. Радует сердца белоснежный храм с золотыми куполами в небесной сини! Восстановление его стало возможным благодаря Вячеславу Адамовичу Заренкову и его помощникам, преобразившим монастырь трудом и талантом народа, перенёсшего столько страданий, наполнив, как написал Николай Михайлович, «небесным звучанием музыку белорусского барокко, воплотившую в себе красоту Православия».

Восстановлен не только Свято–Покровский храм, но и построена вновь в 2001 году церковь Рождества Богородицы. Между храмом и древним городищем планируется посадить Райский сад с деревьями, что в Библии описаны.

Выковав себе подкову в музейном комплексе старинных народных ремёсел, писатель стал размышлять о территории нынешней Белоруссии, которая на протяжении последнего тысячелетия то и дело становилась центральной ареной политических событий и краем Православного света. «Белорусское население неуклонно вытеснялось католиками и евреями, – писал Николай Коняев, – из более цивилизованных и приспособленных к жизни городов в вёски, которые бесконечные болота засасывали в себя».

Сейчас ситуация изменилась. Великолепные дороги и мосты через реки пролегли по республике. Писатель заканчивает своё повествование рассказом о дороге полковника в отставке Анатолия Владимировича Редько, её называют Толиковой дорогой, потому что он её сам на свои средства построил, длиною в три километра, и также мост через реку Бобр, потому что очень это место любит, он здесь родился.

С чувством благодарности писателю заканчиваю я чтение книги Николая Коняева, с ощущением прорастания духовного зерна в живой и свободной моей родной земле, где возрождаются белые храмы с золотыми куполами в небесной сини, где бытийный мир не отделяется от православного устройства, где злые мирские пагубы одолеваются отеческими заветами.

ВСЕЛЕННАЯ

Сэды Вермишевой

Вермишева Сэда Константиновна (1932–2020) – поэт, публицист, общественный деятель. Автор 14 поэтических сборников. Её литературная и общественная деятельность отмечена многими государственными наградами как России, так и Армении и Нагорного Карабаха. Стихи переведены на армянский, польский, словацкий, болгарский, французский, английский и другие языки.

На протяжении многих лет Сэда одновременно вела широкую общественную деятельность в качестве бессменного сопредседателя Московского общества дружбы с Арменией при правительстве Москвы, члена Правления и руководителя Творческого Центра Союза Армян России, действительного члена Петровской Академии наук и искусства, члена Экспериментального творческого центра С. Кургиняна, редколлегии международного альманаха «Муза», лауреат многих российских литературных конкурсов: Некрасовского СПР, Лермонтовского СПР, «Лучшая книга 2008–2011гг. МГО СПР, г-ты «Российский Писатель» СПР в номинации «Позиция» (2013), а также в номинации «Поэзия» (2014). Член Высшего Творческого Совета СП России.

Творчество Сэды Вермишевой – принадлежит и русской литературе, и Союзу писателей России, и Русскому миру, и культуре Армении. Я называю её поэтом Вселенского масштаба. Последние её пять лет активной творческой деятельности тесно связаны с журналом «Берега». Вот и последняя её прижизненная публикация в «Берегах» 1 (37) – 2020 открывает журнал очерком **«Как мы дошли** до такой жизни? Факты и только факты». Она очень ждала выхода этого журнала ...

Последний очерк – продолжение статей, интервью, напечатанных в последних трёх номерах «Берегов» 2019 года. Сэда Вермишева оплакивала в стихах и статьях распад СССР. Её всегда волновала тема России и мира, роль на планете, и она верила, в то, что народы Советского Союза, «распри позабыв, в единую семью соединятся». Она много писала до последних дней жизни. Это исследования о причинах свалившейся на нас перестройки, указывающие на незаконные многих перестроечных решений и постановлений или несоответствия им.

Общаться, дружить, брать у неё интервью – было огромным духовно–интеллектуальным удовольствием, так как благородство Сэды Константиновны, обширные познания, образный язык сочетались со скромностью и в то же время величием.

Однажды, как интуитивный поэт, она поняла, что «для духа поражений нет», и так жила с пониманием, что подлинны поэты, хотя часто и остаются при жизни инкогнито, – это сыновья и дочери побед духа, они могут научить, «что делать», «как не бояться», потому что поняли свой удел –несение креста, из всех сил любя и прорастая «желанием писать», выражая готовность целовать уникальную планету Земля:

Я так люблю и пыль, и даль дороги –
Идти по ней без шума и знамён...
И тень листвы,
и мягкий шёпот крон...
Я день не отпущу, пока не наслажусь
Неторопливо ходом буден...

Любить и смаковать по капле каждый день жизни – это такая уверенность в бессмертии души, что захватывает тебя целиком и полностью, открывая жизнь не как замкнутый круг: дом – работа, а тыходишь в дом Поэта – это Мирозданье, где так важно не спящее сознание, ведь «твои владения лежат везде, где солнца свет».

Из цикла «Начало»

Сэда Константиновна была очень тёплым человеком. Внутри её сердца горело солнышко, и она не давала ему затмеваться, бережно хранила. Что значит быть Поэтом? Для неё это значило нести своим творчеством Свет, утверждать Закон благородства и великодушия. Это главное, что должен помнить Поэт. У неё был космический слух, вселенское чувствознание, понимание, что правда без любви – это обман, и у неё была Божественная речь:

Ты есть Закон. / Твои Владенья
Лежат везде, / Где солнца свет!..

Ты – сын побед, / Не поражений –
Для духа поражений / Нет!

Ещё идут твои сражения.
Гори, / Владей, / Твори, / Поэт!..

«Кажется мне домом мирозданье», кажется, что у Сэды Vermiшевой не было границ сознанию, и ей необходима была тишина, из которой она прозревала сладостное «с природою родство» и пути, равные Млечному:

А тишь стоит. / Стоит – над миром.
Мне в тишь такую – / Не уснуть.
Застыло всё. / Лишь звёзды в небе
Неслышно строят / Млечный Путь.

«С хлебом добрым схож мой труд, – пишет Сэда Vermiшева, – и снова в стихах пронзительные тепло и свежесть, аромат земли и солнца, огня в печи, хлеба духовного, приоткрывающего смыслы бытийных связей, новых, прежде не бывших, дающих «счастье полных сил», просторов, глубин, «сладко смешавши скорбь и хвалу». Её нежность к миру подобна облакам, что проходят «дорогой ветра, звёзд и Бога».

Стихи Сэды Константиновны хочется читать любимому человеку, особенно если он далеко:

Только бы имя услышать твоё...
Пусть его произносят чужие
Полузнакомые люди.
Какое это имеет значение,
Если имя твоё –
Это первая песня,
Которую в жизни услышала я.
Если взгляд твой
Был первым лучом,
Что заставил меня
Опустить тихо веки,
И потом их поднять,
Чтоб вобрать тебя в душу свою?

Этой радости весть
Я поведала солнечным птицам,
И они вознесли её к небесам,
И поведали небу.
И небо вздохнуло глубоко,
И плавно поплыл белый свет
Облаков.

Эта та любовь, что вписана в Мироздание её глубиной Личности, её самоощущением, её лёгкой и свободной песней.

Со всей страной говорить...

В этом цикле стихов Сэда Вермишева вызывает на разговор всю страну и читателя, разумеется, единомышленника, который также с болью размышляет о крушении СССР, когда пошли «косяком к нам – беды...», когда «народ овечкой кроткой //Идёт в чужой замес...»:

Мы сломали пространство
Единой страны...
И кружит надо мной
Этих слов бесконечность...
Что отвечу я вам.
Дом,
Отечество,
Вечность?

Самое страшное то, что подверглись эрозии наши исконные смыслы, наполнявшие дух, «преданья отцов», «полетели чёрные стрелы» в самое святое, и мы оказались «под небом смут и мятежа», «нас холил ветер в чистом поле, // И пело острие ножа». И всё же поэт верит, что остаётся внутренний нравственный фундамент, чтобы

В пути бесконечном,
Бессрочном и трудном
Из чаши небесной
Бессмертье испытть!

Это очень значимый зов поэтической речи, и значит Преображению быть.

Писатели в роли коллективного Чацкого

В Сэде Константиновне я нахожу то, что люблю больше всего в людях: благородную скромность и правду, красоту души. И теперь, когда я перечитываю её статьи и стихи, я собираю воедино свою любовь к ней, и я слышу из прочитанного голос вечности в её заботе о настоящем и будущем планеты...

Обращение мощного публициста Вермишевой к образу Чацкого – это её собирательное размышление о жизни России и мира в последние тридцать лет – период глобальных общественных реформ и трансформаций. Три года назад она написала: «И от того, что не на преодоление трудностей настоящего

и будущего тратятся силы и разум человека, не на объединение усилий перед возможными, а может и неизбежными катастрофами, а на усугубление царящего в мире хаоса, становится смутно на душе, и растёт ощущение того, что человечество слепо вступило в фазу самоуничтожения...»

Она не находила в окружающем мире какой-либо позитивной, в интересах человека и человечества, программы, заходящей за рубежи сегодняшнего дня... » Образ коллективного Чацкого – этого разрушителя сложившейся веками жизни, не имеющего перед глазами какой-либо другой модели развития вместо разрушаемой, его деструктивность и провакативность ассоциируется с современными постмодернистами, циничными представителями либеральной общественности нашего времени: «фундаментальное знание, определяющее архитектуру будущего здания планеты, и шире – мироздания, – ускользает...» Будет ли выстроена контрсистема?

Во всяком случае, сегодня, когда на помощь итальянцам в противостоянии вирусу приходят страны бывшего социалистического лагеря: Россия, Китай, Куба и Вьетнам, значит, здесь ещё живут понятия благородства и подлинного гуманизма, значит, будущее человечества за ними.

Послание Блока

В статье Сэда Вермишева обращается к циклу стихов Александра Блока «На поле Куликовом» и к стихотворению «Скифы», считая, что великим поэтом «в безупречной художественной форме проведён широкий геополитический, цивилизационный и этнопсихологический анализ отношений как противостояния и противоборства, так и возможного сотрудничества и союзов на всём Евразийском пространстве». Кроме того, – полагает Сэда Константиновна, – Блок выстраивает гипотезу возможного развития исторических событий, в случае, если из архитектуры будущего планеты будет устранён или повреждён один из её важнейших элементов – Россия. Блок от-

страняется от классовых и социальных интересов, опираясь на литературу древней Руси, свою интуицию и национальное сознание: «Блок ведом духом истории, где исконным объектом интереса противостоящих сторон являются территории, борьба за господство над ними и населяющими их народами, демонстрирует геополитический подход к проблеме, видя в ней борьбу за сферы влияния, продвижение своих интересов на больших пространствах, которая ещё недавно называлась территориальным экспансионизмом или противостоянием ему». Обращаясь к истории России, Блок пишет: «Наш путь – степной, наш путь – в тоске безбрежной, // В твоей тоске, о, Русь! // И даже мглы – ночной и зарубежной – // Я не боюсь». Через века Блоку необходимо было осмыслить столкновение на поле Куликовом в свете вызова его времени и грядущего России в метафизике столкновений, порождающих новые коллизии и новую проблематику.

Сверхсмысл в словах А. Блока «До боли // Нам ясен долгий путь! // Наш путь – стрелой татарской древней воли // Пронзил нам грудь».

Жертвенность, самопожертвование, гибель во имя дальнейшего пути. Гибель Пересвета не остановила врага навсегда: «И вечный бой! Покой нам только снится // Сквозь кровь и пыль... // Летит, летит степная кобылица // И мнёт ковыль...»

Особенностью великих художественных произведений является то, что каждое время прочитывает их по-новому. Блок относил Куликово поле к символическим событиям русской истории. «Таким событиям суждено возвращение. Разгадка их ещё впереди», – так писал А. Блок в 1912 году.

Но узнаю тебя, начало / Высоких и мятежных дней!
Над вражьем станом, как бывало, / И плеск, и трубы лебедей.
Не может сердце жить покоем, / Недаром тучи собрались.
Доспех тяжёл, как перед боем. / Теперь твой час настал. – Молись!

Блок прозревал неизбежность возвращения России к ситуации Куликова поля.

Стихотворение «Скифы», датированное 29–30 января 1918 года, когда Россия за 7 месяцев 1917 года пережила две революции

и ко времени написания «Скифов» потеряла в результате гражданской войны и иностранной интервенции большую половину своей территории, стихотворение это написано в дерзкой тональности с использованием вызывающей лексики.

Как отмечают исследователи, в дневниках А. Блока незадолго до написания «Скифов» (11 января 1918 года) имеется запись: «Тычь, тычь в карту, рвань немецкая, подлый буржуй. Артачься, Англия и Франция. Мы свою историческую миссию выполним. И мы широко откроем ворота на Восток. Мы смотрели на вас глазами арийцев, пока у вас было лицо. А на морду вашу мы взглянем нашим косящим, лукавым, быстрым взглядом: мы скинемся азиатами, и на Вас прольётся Восток. Ваши шкуры пойдут на китайские тамбурины. Опозоривший себя, так изолгавшийся – уже не ариец. Мы – варвары? Хорошо же. Мы и покажем вам, что такое варвары...» Вскоре Советской Россией был подписан на тяжелейших условиях Брестский мир. Дневниковая запись А. Блока предвосхищает его же позицию в «Скифах».

Сэда Вермишева отмечает острое национальное чувство, историзм мышления, геополитическое чутье А. Блока. Она вспоминает Блока в связи с историей отношений России и Запада, особенно перестроечного и постсоветского времени – это история безответной любви, переходящей в подбострастие, России к Западу.

«В белых снах пурги»

Лирическая поэма

В 2017 году у Сэды Константиновны был 85-летний юбилей, и журнал «Берега» отметил его публикацией лирической поэмы.

В «Белых снах пурги» – вселенская метель из каких-то тёмных глубин космоса несёт злые проявления «ненавистных владычеств»:

Мне принять её сердцем —
Как с собою расстаться.

Смута терзает сердце поэта. Прожитые годы заставляют оглянуться на пути-дороги, по которым шла вместе со страной и народом с «униженной Музой и униженным сердцем», но в тоже время с «музыкой века»:

И на зори глядеть,
И не мочь с этим миром расстаться,
Где шумят неразгаданно,
Поле,
Страницы,
И лес...

Герметика душевной муки сменяется пониманием, что жизнь ещё не все свои тайны раскрыла, и нет мертвеющего безволия, а есть действие словом, совместное с Богом делание, как звучащая мощная музыка с россыпями «летающего света». Формулируется некий духовный итог своей поэтической миссии, чтобы ощутить Божественную ладонь на плече:

Но на плечо в лучах / Рассвета
Господь мне опустил / Ладонь,
Сказал: / «Живи! / Отныне слогом
Ты будешь говорить моим,
Ты под моим надёжным кровом,
Твой голос будет мной / Храним,
В пути бессрочном и бессонном...

Психологические детали этой ситуации – ощущение Божественной воли в звучании поэтического голоса, музыкальный переход от космоса к стране, к себе и снова к мирозданию, изменение ракурса движения души в «пути бессрочном и бессонном»:

И пусть я здесь / Не первая из скрипок,
Но сквозь меня / Проходит гул морей.
Я золотой и неразменный слиток,
Из серебра, из солнца и камней.
Мне никуда от счастья не уйти,
Поэтом быть...

Поэт ощущает, что её воля сопряжена с открывшейся про-
низанностью мира красотой, и она смело пропускает через себя
гул глубинных морей, тепло солнца и нагретых камней, отра-
жая их в слове, торжествуя и празднуя счастье «поэтом быть».

Плач о потерянной Родине.

Жестокий час.

Поэма

Потерять СССР – это для поколения Сэды Вермишевой да
и для более позднего стало трагедией, печалью, которую не
выплакать, не выстрадать, лишь попытаться облечь её в Сло-
во, в поэму из семи частей, потому что там осталось «Свечение
радости», остались те, «кто духом воспарил...»

Горькая слеза, выжигающая сердце и «боль сиротства» на-
полняют душу, когда «идут на снос //Эпохи и дома...», когда ви-
дишь на месте сожжённого дома «обломков груды», задаёшься
вопросом:

То, что нежданно с нами / Случилось,
Верно и Господу Богу / Не снилось...

Захотелось написать, доверить бумаге и всем, кто близок,
выразить свои чувства, торопясь, ведь «мне много лет», в на-
дежде найти того, кто поймёт и разделит страдания, а может
быть, и для потомков, которые поймут ли такую любовь к От-
чизне, будут ли им ведомы такие сильные чувства к своей стра-
не, если они уже окажутся на «иных берегах».

«Смело здесь взошли дома// иных устоев стены»:

А я, увы, / Схожу с ума / В стране сплошной измены...
С каким мне миром / Связь?
Вот с этим полем, / Что звалось страной,
И как лоскут, / Истлевший, / Расползлась? —
Я лучше саваном себя покрою, / Наплачусь, нареву
Над тёплым пеплом / Всласть...

Как большой корабль, оказавшийся на мелководье, как свер-
нувшаяся в себя улитка, видится Родина.

И смена эпох,
Словно в траурном шаге.
Пусть всё кончается.
Пусть всё идёт на слом.
Я бросила в костёр
Не ветошь —
Нет —
А сердце.

В эпилоге поэмы она как будто предвидела то, с чем столкнулись мы в 2020 году, когда человечество по чьей-то злой воле оказалось заточённым в квартиры.

Я в землю уткнусь,
Чтоб не чують угар,
Азарта ликующей стаи.
Летит под откос
Богом созданный
Шар,
Сбивая небесные сваи...

На новых широтах
Храни нас,
Господь!
На новых путях
Мироздания...

И вот нам завет, последнее земное слово:
И снова сеять.
Снова — жать.
Осмыслить хаос
Первозданных звуков,
И хаос мира в Слове
Обуздать.

И одарить доверьем
Иную жизнь,
В которой мне не жить...

«НЕИЗБЫВНАЯ СИЛА РОДСТВА»

Поэтический мир Георгия Кольцова

Мне нравятся сибиряки. С тех пор, как я побывала в Иркутске и на Байкале в 1981 году, с тех пор у меня тёплая расположенность к людям, выходцам из Сибири. То, что я люблю в них, трудно поддаётся словесному описанию, и то, что есть в стихах Георгия Кольцова – это сибирское, могучее, надёжное, мужественное стояние перед миром, что отражено в стихах могучим даром поэта.

Георгий Николаевич Кольцов часто обращался в стихах к своему родовому гнезду – он уроженец села Буреть Боханского района Иркутской области. Пришло время, и Георгий уехал из деревни, окончив в 1976 году Литературный институт имени Горького, и работал в городе Кашира Московской области, где при редакции районной газеты руководил литературным объединением. Стихи огромного поэтического дара прервались безвременной кончиной Георгия Кольцова в 1985 году.

Жил он стремительно, активно, став участником знаменитого Читинского совещания писателей 1965 году, 6-го Всесоюзного совещания молодых писателей, успел напечататься в журналах: «Студенческий меридиан», «Сибирские огни», «Пограничник», «Сибирь», в альманахе «Истоки» издательства «Молодая гвардия», в сборнике «Зёрна» (1966).

Память о нём сохраняется. Единожды прочтя его стихи, уже никогда их не забудешь, проникаясь динамизмом и вдумчивостью, искренностью, богатством образов, оригинальностью и самобытностью поэтического наследия Георгия Кольцова.

На родине поэта и в Подмосковье хорошо знают сборники стихов «Корни кедра» (Иркутск, 1975) и «Спасательный круг» (Москва, 2017). Каширское литобъединение «Зодиак» проводит ежегодный конкурс «Звёздное перо» имени Георгия Кольцова.

Стихи, звучные, звонкие, светлые, принадлежат человеку, в котором бродила молодая нерастратенная энергия, полученная им от Ангары и Байкала, от Братского моря и тайги.

Его активная часть жизни пришлось на 70–80-е годы, когда мало уделялось внимания родословной семьи, изучению и пристальному вниманию к предкам, и поразительно, что это одна из ключевых тем в творчестве Георгия Кольцова. Он думает о связи поколений, о передаче духовного наследия своим потомкам. В его понимании наследие – это чувство Родины. Это сфера самого драгоценного и ценностного, вместе с которым нераздельно живёт понятие души:

В стенах деревенского дома
душа остаётся навек.

Притяжение родной деревни, простого, но такого тёплого дома, где он появился на свет, он постоянно ощущал в себе: самолёты, вокзалов огни, новые города и новые люди, но душой он оставался в чудном уголке родной земли: «С Ангарой под звёздами», где слышно, как кто-то «вёслами стреляет по тишине», мечтает «в избе родимой отогреться», насладиться деревенским покоем, где «бьётся раненым тайменем в сетях ночи тишина».

В стихотворении «Сибирь» он, мысленно находясь на берегу реки детства, исповедально признаётся:

И с каждым днём становится родней
Река с отливом плавающей стали,
Когда зажгутся бакены на ней.
Я уходил отсюда за рассветом,
Но знал:
Куда б меня ни занесло,
Я в эту землю врос,
Как корни кедра,
Невидимо,
Упрямо,
Тяжело.

Родина, дом и мать – самые близкие, иконописно пересекающиеся темы в творчестве Георгия Кольцова. Автору трудно поверить в то, что мамы уже нет на свете. Поэт родился в 1945 году за месяц до дня Победы, которую так ждали, поэтому от мамы он получил имя Георгия Победоносца. В живописаниях земного быта, в историко-поэтических видениях он держит главное, полученное от матери понимание доброты и самопожертвования:

И я от слов своих не отрекаюсь —
Нет,
Это даже не в слова игра —
Что в жизни,
Как из корня,
Извлекались
Крупницы откровенья и добра

(«Алгебра», 1970).

В обращении к брату Николаю поэт вспоминает послевоенную жизнь в деревне, мать, которая:

За полбуханки хлеба
Ночь напролёт вязала кружева.

А однажды, зная о любви всех троих сыновей к пению и рисованию:

Мама выменяла где-то
За кружева карандашей набор.
И не тогда ль
Я приобщился к цветам,
Который мне сопутствует с тех пор.
Им стал зелёный.
Зеленели листья
И не могли завянуть на корню.
И потому я позже
Стал танкистом,
Что в цвет защитный красили броню

(«Послевоенная весна»).

Ясным умом и одухотворённым сердцем, трогательно любит Георгий Кольцов свою семью, которая, как и тысячи других в Советском Союзе, может быть отнесена к иконоподобной, потому что жила из высшего смысла бытия, неся в себе небесный свет, льющийся на деревню, озаряя недавно окончившуюся Победой битву мирового масштаба, а дальше – битву за достойную мирную жизнь. Размышляя о предках и цене Победы, поэт задаётся вопросом о себе самом:

Ну, а если я струшу...
Мёртвых прадедов души
Пусть меня проклянут.

Он пишет о душе отца, погибшего во время войны, читает о войне и задумывается о солдатах, кто перед боем одевал чистое бельё, о том, что бойцы отдавали, возможно, последние свои треугольники писем политрукам.

Какое чистое бельё, когда «рядом на дыбы земля вставала...»? Но оставалась традиция, которую поэт называет «чистота», смягчая внутреннюю боль потерь и горечь, «высокую жалость»:

Суровое военное житьё.
И столько в нём традиций, сколько прозы...

Эпическая панорама народного бытия предстаёт читателю в стихотворении «Крайняя изба». Оно схоже по тематике с «Русским огоньком» Николая Рубцова. У обоих поэтов родное и вселенское происходит в исторической ретроспективе: встреча и спасение одинокого путника русской женщиной, теплом очага, потрясая родственностью незнакомых людей:

Меня, как сына,
На ночь приютила.
И думал о старушке я сперва,
Потом – о крайних избах,
От которых
Такой короткий путь до большака...
Отсюда – не на жатву урожая —
Сибирская крестьянка
Мужика,
Сынков своих на запад провожала.

Притчевое повествование обращает читателя к тайникам Вселенной, сочетающей стихию русской жизни с подлинным трагизмом человека, врачевание души «тихим светом» «русского огонька», в основе которого:

«За всё добро расплатимся добром...»

У Георгия Кольцова лирический дар обращён к эпосу, за которым русское служение миру и сокровенное понятие «Святая Русь»:

Как ночи ожидания длинны!
Как луч надежды призрачен и тонок!

В этой «крайней избе» живёт пространство родовой памяти, многовековые исторические перепутья в национальном масштабе:

И если снова позовёт труба
Иль заметёт дорогу выюга злая,
Проводит нас
И встретит нас изба,
Та крайняя изба —
Не хата с краю.

Сколько таких хат по России – воплощения духовно-нравственной миссии вселенского бытия...

В поэзии Георгия Кольцова из глубоко почвенных корней обретает художественное воплощение его постижение народной судьбы, вмешательство «благ цивилизации» в природную жизнь. Строительство ГЭС, давшей электричество, и высокая плата за это экологической катастрофой:

А теперь, когда над синим полем
Весело запели провода,
Дед как будто снова недоволен —
Сам с собою спорит иногда,
Что под боком выросла плотина,
Свет кругом, да дом почти пустой.
А река за свет тот заплатила
Рыбою своей и чистотой.

Цивилизованность и природная человечность с 18–19 веков на земле вступили в противоречия, которые не снялись до сих пор. И поэтому сам поэт, чей слух и зрение чутко улавливает, что народная жизнь требует от него ответственности, тех слов и песен, что прилагаются к органическим понятиям, сопротивляется металлическому, жестокому, искусственному – поступками:

Но обожгла вдруг сталь курка,
Под пальцем холодея...
Козлёнок, что отстал слегка,
Был материнской тенью.
Он провалился на лету
В предательский слой наста.
И не смогла на красоту
Рука моя подняться
(«На охоте»).

Думы горькие, сердечное страдание, любовь и печаль охватывают поэта, когда он оказывается в зоне затопления после строительства Братской электростанции:

На дне лежала
Та излучина,
Где предстояло мне сойти.
И было что-то обеззвучено
В тот час безветренный почти...

По глубине проблематику лирических произведений Александра Кольцова можно поставить рядом с «Прощанием с Матёрой» Валентина Распутина, которому поэт посвятил стихотворение «Родной дом», где он говорит о матери, не желающей переезжать к сыну в город. Её старость похожа на осеннюю берёзу без листьев: сыновья разлетелись по свету, но:

Дом бросать свой не хочет пока.
Сердцем чует:
Пока он не продан,
Каждый связан надёжным узлом
И с землёю,
Откуда мы родом,
И с закатом за синим селом...

«Неизбывная сила родства» заставляет собираться за материнским столом. Родовое чувство полнит нашу кровь и память, как сказал однажды наш замечательный современный критик Вячеслав Лютый, «мы все друг у друга есть»:

Здесь для меня оставлено
Не что-нибудь – Душа!
За щедрость
И доверчивость
Чем отплатить смогу?
Сушняк рублю я вечером
На розовом снегу.

Благородная сила, нравственный ум, постоянное стремление к связыванию разорванных нитей времён, «ничем не прикрытая ярость/Тобой выстраданной правоты», его живое участие в судьбах мира и страны, служение сердечно чистому, честному свойственны поэзии Георгия Кольцова:

И рвёт на мелководье жабры
Кета под тяжестью икры...
Или победу одержал ты,
Или выходишь из игры...

Сборник стихов, вышедший к 70-летию поэта, получил название «Спасательный круг», это именно поэтический спасательный круг в море современной пошлости и стяжательства. Глубоко и серьёзно, эстетически и философски вырисовывается образ лирического героя, противопоставленного пёстрой толпе литературных ряженных, героя, причастного к большому. Личность автора неразрывно связана с его художественным миром. Это подлинно русский художник слова, с кристальной чистотой, с неизбывной любовью создавший три ключевых образа: мать – дом – Родина, чутко уловив тревожные тенденции 20-го века, неоспоримо свидетельствуя о неуываемой силе русской поэзии.

«КАК НИ КРУТИ»

О книге сербского поэта Любомира Поповича-Цоша

Сборник стихов «Как ни крути». – Баня Лука, 2018, – вместе с диском, на котором фильм о поэте Юлии Воиновой-Жунич «Я тоже русский. Две мечты сербского поэта», посвящённый защитникам Донбасса», а также фильм с чтением стихов Любомиром мужественным голосом прибыл по почте. Такие естественные интонации на фоне негромкой музыки, оформление с изюминкой и маленьким тиражом, поэтому так важно мне поделиться своими впечатлениями и рассказать о книге тем, кто ещё принадлежит к немногочисленной читающей группе людей.

Из прекрасного фильма Юлии Воиновой, который я видела и опубликовала статью Юлии Воиновой в журнале «Берега», уже я знала, что дочь Любомира – талантливый график, и действительно, рисунки Ангелины по-настоящему потрясают и украшают сборник поэзии.

Стихам предшествует рецензия поэта, актёра и режиссёра Евгения Калакина, нашедшего чудесный образ для творчества сербского поэта:

Всё просто,
Как
Присесть
Перед дорогой и посмотреть в небо.

Ещё одна рецензия Игоря Ситникова, из которой мы узнаём, что большинство стихов написаны до Боснийской войны, участником которой был и Любомир Попович. Ставший свидетелем трагедии распада Югославии, он предчувствовал кризис, который наступил в странах бывшего социалистического лагеря, когда объявлено было – обогащаться, кто может. И когда началась всемирная тяга к потребительству без меры, когда началась эпоха духовного застоя, провозгласившего скудный

лозунг: «иметь», обладать материальными благами, Любомир Попович написал о мальчике, который ещё ничего не понял в жизни, но поймал уже вирус стяжательства, упрекая родителей: они виноваты в том, что ничего не имеют. И как верно поэт заметил, что с «праздными глазами» устремили многие свои взгляды на Запад, мечтая, как их там полюбят, но есть лишь одна любовь – Божественная.

Когда Любомир Попович сказал, что он тоже русский, то за этим стоит не только 11 лет жизни в Рязани, но и православная вера, и противостояние духовной пустыне, которую он предвидел, описав сцену на базаре: отец продаёт телёнка, чтобы одеть и обуть дочь, которая уже знает, что такое дорогие сигареты и алкоголь, что она в шаге от того, чтобы тоже стать товаром на рынке.

С первых страниц сборника открывается талант мыслителя. Стихотворение «Удача» напомнило мне русскую поговорку: награждают не причастных, наказывают невиновных. Но в то же время произведение Любомира гораздо глубже, оно многопланово, так как смыслы в нём открываются, как в русской игрушке: из одной матрёшки выходит другая. Охотник хочет убить орла, а его ружье ещё не заряжено, но пуля, пущенная какой-то другой рукой, настигает орла, который, оказывается, не хочет жить и бросается на высоковольтные провода. Орёл так и не узнал, что в проводах не было электрического тока, но ему повезло: он не совершил самоубийства. А не стрелявший охотник был награждён за убийство орла.

Стихотворение «Красная слеза». Оно занимает по объёму лишь страничку, но как много в нём смысла... Слёзы, истинные, и глубокие чувства спрятаны за фасад улыбки, немощный ответ на сильные вопросы: почему изменили традициям, почему лишь старцы не уходят с горы, а дети на неё уже не всходят? Лишь ученики великого пророка знают о незыблемости истин, о том, что «трава зелёная», а «соль солёная». Но в наступившем дне, чёрном, как мрачная ночь, трудно это различить – зелень травы.

Некоторые рассматривают эту эпоху безвременья, в которой становится всё холоднее душе, как временную непогоду,

как ненастье, которое обязательно закончится. Поэт рассказывает, что о послезавтра думает женщина, и, кажется, мы готовы с ней согласиться, а она склонна верить, что любовь решает все проблемы, что для прихода лучшего времени достаточно только веры.

Как много философско-психологических открытий в его стихах! Стихотворение «Проклятое зеркало» вызывает у меня ассоциации со строчками Анны Ахматовой:

Думали: нищие мы, нету у нас ничего,
А как стали одно за другим терять,
Так, что сделался каждый день
Поминальным днём, —
Начали песни слагать
О великой щедрости Божьей
Да о нашем бывшем богатстве.

Человек, стоящий перед зеркалом, думает, что он несчастен, но не подозревает о том, какова степень несчастья в грядущем, когда начнётся война, когда разобьётся множество зеркал и судеб, а матери повяжут чёрные платки.

Любомир говорит: «Пишу более 40 лет, но не могу сказать для себя, что я поэт, но оказывается, что да».

Да, Поэт. Видение его такое, что он замечает и коня, и одновременно наездника, хотя многие видят лишь телегу, а извозчика – нет, пламя видят, а очаг не попадает в поле зрения. Если кто не может охватить целостно картину мира, а лишь его фрагменты, значит, ничего и не видит.

Как тонко он заметил:

«Если ты
не знаешь любви,
то как рассказать тебе о ней,
ведь всё равно
не поверишь».

О любви. Слово не воробей, вылетит – не поймаешь. Одно злое слово в один миг может превратить всё в ничто. И падёт мост, имя которому «мы».

А вот мера глупости:

«Если бы ты была
Столь высока, насколько глупа,
То месяц смогла бы
Поцеловать».

Стихотворение «Надежда». Что чувствует мужчина, когда его любимая не пришла на свидание? Ощущение пустоты, как «народный карман в начале месяца», шаг свинцовый, шея, вывернутая в ту сторону, откуда должна была появиться она, но остаётся надежда, что этот жуткий час не повторится.

А это о любви, которой себе человек не позволяет: «Не могу, но ведь должен». Это о любви, которая есть, но нельзя ей быть, не разрешённая себе любовь: «должен позабыть», должен «выгнать из снов».

О любви, которая ушла:

«Стальным объятием судьбы
Раздавлена половина яблока.
Не предвижу больше
Даже случайных встреч».

«Рассыпалась та горстка любви,
Что ты оставила
На прощание».
И борьба за любовь в стихотворении «Упорство»:
«Принесу тебе
Цветов кучу,
Три кассеты комплиментов,
Два билета в театр.
Счастливый, уверенный,
Светящийся солнцем,
Позвоню в дверь
Но твоя мать выйдет и скажет,
Что ты больна».

А что такое упорство? Приходить, пока ходят ноги. И, конечно, редкий поэт обходит мысли о преходящести жизни: «Когда я исчезну во мгле безвоздушного простора...

«Ты не напишешь, не позвонишь, не приедешь»
по разным причинам,
Это конец?
Или найдётся много широких плеч?
«Догораю и таю, как утром свеча»,
А «будущее, как лунная даль».
Вечно люди говорят мне: «Дай»,
Когда весел, утверждают, что лют,
Только начну, кричат: «кончай!»

Вспоминаются строчки Александра Блока:

Как тяжело среди людей,
И притворяться не погибшим...

А Любомир говорит от имени поэта 21 века: «Изнутри убит безвременьем...»

«Могила – то место, где ждёт желанный покой».
«...но прежде, чем сказать, подумай,
Прежде, чем шагнуть, посмотри в небо,
Прежде, чем умереть, поживи...»

В видеофильме, где Любомир читает стихи, я прочла: «Лето Господне 7527». Это остро отозвалось во мне и ещё раз напомнило о наших общих корнях наших славянских народов, о многовековом культурном родстве, которое было прервано катастрофическими последствиями так называемой «перестройки», но Поэт принадлежит к лучшей части носителей духовности и культуры, которая не утрачена, а лишь затаилась до лучших времён, как это изложено в знаменитой легенде о граде Китеже.

Я признательна автору за удержание духовного, спасительного, жизнеспособного и перспективного мировоззрения!

Любомир Попович-Цош о себе в прозе: родился 16 мая 1957 года в деревне Палачковцы, недалеко от Прнъявора, на берегу реки Укрины, по дороге в Дервенту. Опубликовал несколько книг здесь, несколько в России – моей второй Родины, где у меня есть дочь Ангелина, а здесь, в республике Сербской, мать Ангелина, и настоящая книга посвящена им. Если в моих песнях я сказал правду, которая поможет, то хорошо, если нет, то другие сказали и будут говорить... Умер в 2019 году.

РУССКИЕ КОРНИ КИТАЙСКОГО ЧУДА

Из беседы с Юрием Лужковым

21 сентября 2016 года Юрию Михайловичу Лужкову исполнилось 80 лет. Редакция журнала «Берега» поздравляла политика, реформатора, общественного деятеля, учёного-изобретателя, созидателя и просто ярчайшую личность, умнейшего человека нашего времени с юбилеем!

Сегодня говорим: «Светлая память!»

Мысли о России

...Страна, ты безвозвратно потеряла
Того, кто век служил тебе душой...

От Калининграда до Озерска 130 км. Есть время подумать перед встречей. Мне интересен человек, какой он, кто он по сути своей? Опасаюсь разочарования, как не единожды происходило при встречах с известными людьми. Но в пути думаю, как много потеряла Москва с уходом прославленного мэра, как любят его до сих пор москвичи, как смело он боролся за русский Севастополь, когда другие сановные лица трусливо молчали, как хорошо говорил о моей Родине – Беларуси, когда другие шельмовали. Вспоминаю неуклюжую формулировку: «в связи с утратой доверия», и горестно думаю, что власти не нужны эффективные люди, высокие профессионалы, а лишь те, кому она «доверяет»: мебельщикам – вооружённые силы, экскаваторщикам – губернии.

Встреча была назначена на час дня в Суворовке. Микроавтобус, водитель которого встречал меня на автостанции Озерска, преодолевая обильный летний ливень, вскоре нырнул в узкую зелёную аллею, из которой глазам открылась великолепно отреставрированная конюшня со щипцовым фасадом под крас-

ной черепичной крышей, со стрельчатыми окнами, одинокая воронья лошадь в загоне, с пышной, прекрасно расчёсанной, волнистой гривой и таким же отливающим шёлком хвостом. Автобус выехал на дорогу, выложенную тротуарной плиткой, и подвёз к крыльцу небольшого дома.

...Меня ждали. Юрий Михайлович, одетый в камуфляж, встал из-за большого стола, за которым беседовал со своим помощником, подал руку, доброжелательно улыбаясь, пригласил вместе пообедать. Просторная комната на втором этаже его дома украшена фотографиями и скульптурами лошадей, большими, тяжёлыми, и маленькими – на подставках. Из мебели – лишь накрытый клеёнкой стол, во главе которого меня и усадили. Обед как обед: салат из огурцов и помидоров, красный борщ, фаршированные перцы, чай с мёдом, но всё очень вкусно приготовлено. Аскетизм мне всегда нравился, но сейчас он какой-то слишком неожиданный: простота обстановки и непринуждённость общения.

– Юрий Михайлович, что нового Вы написали после философской поэмы «Сократ – всегда Сократ»?

– Сейчас я готовлю сценарий для фильма по этой поэме. Я написал две книги. Во-первых, «Алгоритмы лидерства: пособие для молодого лидера» в 2014 году, где обращаюсь к молодому поколению. России не на кого рассчитывать, кроме как на самих себя. А также готовлю к изданию книгу, посвящённую Дэн Сяопину, русским корням «китайского чуда», то есть экономической теории Николая Бухарина. Дэн Сяопин оказался в сложной обстановке, в положении, не допускающем отклонения от доктрины Мао. В этих условиях после культурной революции, которая сделала его инвалидом, уничтожила его сына руками хунвейбинов, и всё же после смерти Мао он сумел вернуться к политическому руководству. И он понимал, что махина сверхортодоксального толка не даст развития Китаю, поэтому начал искать какие-то примеры оптимального экономического развития разных стран.

Рядом была успешная Япония, но Дэн Сяопин не мог воспользоваться её моделью – капиталистическая страна. Обратился к югославскому опыту, потом начались известные венгерские и польские события. Нужна была доктрина. Неожиданно итальянские коммунисты во главе с Энрико Берлингуэром решили провести научную конференцию, посвящённую наследию Николая Бухарина. В Советском Союзе посчитали это провокацией, никого не послали на эту конференцию, никого из советских учёных. А Дэн Сяопин отправил трёх человек: президента китайской академии наук и ещё двух специалистов. Они привезли уникальную новейшую информацию, которая открывала новый облик Бухарина, его идеи и его труды. Бухарин взял на себя смелость разработки НЭПа, был теоретиком экономического развития социалистической страны. Ленин руководствовался идеями Бухарина. НЭП заработала, но Сталин фермерство, которое уже становилось на ноги, посчитал вредным для социализма. Приступил к раскулачиванию, уничтожил 20 миллионов кулаков – самых эффективных крестьян, которые поднимали сельское хозяйство, он лишил этих людей жизни. Бухарин возразил против раскулачивания, ведь он был действительным членом Академии наук по экономике. Прозвучала фраза Бухарина, облетевшая мир: «Нищий социализм – это паршивый социализм». Он выступил в защиту кулака, предложил лозунг: «Живите лучше и этим обогащайте социализм». Сталин его обругал, но авторитет Бухарина был столь высок, что уничтожить Николая Ивановича он смог только в 1938 году, присоединив к зиновьевско-троцкистской группировке. На самом деле, Бухарин был человеком, защищавшим социализм эффективный, реально результативный в экономике. В экономике в системе хозяйствования должно быть разнообразие форм собственности и форм жизни. Дэн Сяопин, услышав доклад о Бухарине, целый этаж в институте марксизма-ленинизма отвёл на изучение его наследия. Он призвал к изучению трудов Бухарина, которые были изданы в Китае три раза миллионными тиражами. Массовое изучение трудов Бухарина – основа «китайского чуда».

Боль отставки Лужков выплеснул, написав пьесу в стихах о величайшем философе Сократе, осуждённом на смерть властью за то, что был мудрее этой власти, шире во взглядах, глубже в понимании людей и путей развития государства. Гавриил Попов пригласил Лужкова поделиться со студенческой молодёжью успешным опытом лидерства, что вылилось в книгу. Бери, российская молодёжь, на вооружение, России нужны лидеры. Гордись, Россия, на твоих просторах вырос теоретик, на трудах которого за семь лет в Поднебесной вышли из ужасающей нищеты.

Какое оно, счастье?

Философ, воин, патриот, мудрец.

Умнее многих он примерно во сто крат...

Утопающий в зелени двухэтажный домик окружает просторный двор с зелёной травой, редкими деревьями, среди которых красавец-дуб с безупречной кроной и мощным стволом, на котором игрушечный кот с настоящей металлической цепью. Среди редких деревьев разбросано с полдесятка деревянных беседок, в одной из которых мы с Юрием Михайловичем в завершение встречи пили чай с мёдом из его пасеки.

– Вот заканчивается ремонт бывшего каретного сарая, – рассказывает Юрий Михайлович. – Здесь будет лаборатория для контроля качества зерновых, гречки, грибов: вёшенских и шампиньонов. Готовим оборудование и технологии, по которым к осени текущего года грибы будут отправлены на рынок.

Ничто не нарушало тишины Суворовки, кроме пения птиц. Небо после дождя прояснилось, и Юрий Михайлович не без удовольствия показал то, что относится к предметам его гордости. Правда, реставрация конюшни, – это область компетенции жены Елены. По словам Юрия Михайловича, она всё знает о лошадях и о реставрации конюшни, которая до 1945 года являлась конным заводом «Веедерн», специализировавшимся на

разведении траккененской породы лошадей. Хозяевам в конце войны удалось вывезти в Германию 20 породистых лошадей, потомки которых и сейчас пользуются огромным спросом среди специалистов.

Несколько лет назад в телевизионном репортаже я увидела Юрия Михайловича сидящим за рулём комбайна и утверждающим: «Только здесь я чувствую себя по-настоящему свободным». И я спрашиваю, правда ли это?

– Работаю, как все. Встаю в 6 часов утра и до 11 часов вечера. Особенно во время уборки урожая. Это счастье – убирать созревший урожай. Особенно гречку. Это созидательная работа, а не болтовня. Это есть такие, кто залез на технику для постановочного кадра телевидения на двадцать минут. Здесь мы пыли в глаза не пускаем. Я со всеми работниками на равных. С утра до вечера. И потом так хорошо спится. Как убитый, сплю, ведь как пел Высоцкий: «Тут за день так накувыркаешься». И ты действительно чувствуешь себя свободным человеком, когда занимаешься простой работой, не чувствуешь связи с политикой, с властными структурами, СМИ. Занимаясь уборкой урожая, ты созидаеть, приносишь пользу, ощущаешь глубокое удовлетворение, ни с чем несравнимое.

Мне запоминается: «здесь сплю», значит, часто «не сплю» в думах о том, что сделать, как сделать, какие технологии применить. Мы едем в микроавтобусе по окрестностям, приезжаем на стоянку сельскохозяйственной техники. Охватываю взглядом огромный комбайн, на котором работает Юрий Михайлович. Вся техника ярких цветов. Действительно, матыгой многого не сделаешь. Сеялка привезена из Германии, как и другие машины: новый трактор с культиватором тоже поражает своими возможностями, а чуть дальше – недавно прибывший, сверкающий зелёными и оранжевыми боками опрыскиватель на высоких колёсах.

На вопрос, работает ли он на всех этих видах техники, Юрий Михайлович ответил:

– Нет, я не сяду за руль этих машин, так как вся техника оснащена цифровым оборудованием и требует специальной

подготовки, хотя имею все документы на управление. Мой любимец – комбайн, и я люблю наши «Дон» и «Ростсельмаш».

По дороге узнаю о хозяйстве в цифрах: работает 100 человек на постоянной основе, и все – жители Озерского района, очередь на работу – 50 человек.

В этом году пережили трудный период, так как озимые вымерзли, и пришлось пересевать 1200 га. Всего хозяйство занимает 5,5 тысяч га, и все до каждого метра в работе. Урожаи растут год от года. В первый 2012 год собрали 700 тонн зерна, а в прошлом 2015 году собрали уже 12000 тонн.

– Где приобретаете семена? Как относитесь к генной модификации?

– В Беларуси. Я буду последним, кто купит генно-модифицированные семена. Несмотря на давление американцев, Европа их пока не пустила, а Украина пустила на свои поля. Россия тоже пока держится. Мы стараемся улучшать качество земли, внося в почву добавки на основе гумуса.

Подъезжаем к зданию, где работают польские инженеры над созданием цеха по изготовлению биотоплива – пеллет. Пеллеты получаются из отходов сельского хозяйства и представляют собой цилиндрические гранулы где-то размером в три сантиметра. У Лужкова пеллеты будут изготавливаться на основе шелухи гречки. Горы её лежат прямо на полу огромного ангара. Уже сейчас поляки предложили: «Всё, что произведёте, мы всё купим». Юрий Михайлович объясняет, что 50 килограммов этого топлива хватит на неделю обогрева гостевого дома. Причём, загрузив его раз в неделю, можно не беспокоиться, так как всё автоматически отрегулировано.

Не задерживаясь, мы отправляемся к коровнику, но обитательницы его виднеются далеко на взгорке на пастбище, также как и лошади, и овцы. Пастбищ несколько, и животные перегоняются с одного на другое, пока подрастает трава на оставленном. Мы проходим мимо навеса, под которым складирована солома.

В следующем здании предполагается сыроварня. Пока изучаются технологии, но к концу года на калининградских прилавках появятся первые головы сыра различных европейских сортов.

Мы идём дальше, и речь заходит об овцах. Юрий Михайлович предпочитает романовскую породу, которую он относит к очень уважаемой в мире, её достоинства признают члены мирового сообщества овцеводов. Она очень плодovита, мясо отличается высокими вкусовыми качествами. А мех очень красив. Во время войны полушубки для фронта были сшиты из меха романовской породы. Сейчас стоит задача – создать племенное хозяйство овец, чтобы это было классическое хозяйство.

– Коровы молочные, высокоудойные, – продолжает Юрий Михайлович. – Молоко продаём в регионе, делаем сметану и творог для себя, но обязательно перейдём к выпуску как минимум пяти сортов сыра европейского качества, когда откроем лабораторию по проверке качества.

Гречка наша в Калининграде продаётся на Московском рынке по 1, 3 и 5 килограммов в пакете, чтобы не скупали предприниматели и не реализовывали дороже.

Мы снова садимся в автобус и вскоре подъезжаем к отреставрированному зданию довоенной постройки. Прежний элеватор переоборудован под «крупорушку» – вот такой термин, для получения товарного вида гречки. Здесь стоит специальное устройство для подогрева семян, для отшелушивания гречки от шелухи, и семена ручьём текут по двум желобам, чтобы отделиться ядру от твёрдой коробочки семени.

– Здание было разрушено, а мы его восстановили, – не без гордости отмечает Юрий Михайлович, – оно возведено в 1902 году, но удивительно, что крупновские транспортёры оказались в прекрасном состоянии, так же как и электропроводка «Сименс».

Подпадая под необъяснимое обаяние хозяина этого образцового русского хозяйства, я постоянно думаю о том, как же здорово все организовано, возведено, отремонтировано, реставрировано. А как красивы ухоженные, выровненные, тянущиеся к горизонту поля. Но почему? Зачем? Мог бы лежать себе где-то на лазурном берегу, в конце концов, ещё одну книгу мог написать... Создать какие-то модные фонды, как другие, и не

слезать с экранов им же самым проплаченных передач на телевидении. Но здесь другое...

Пока мы едем к огромной, мощной, сверкающей на солнце и кажущейся серебристой зерносушилке, привезённой из Англии, Юрий Михайлович, объясняет, зачем ему нужно заниматься сельским хозяйством.

– Во-первых, взял ответственность за тех 100 человек, которые работают на этой земле. За каждым работником – его семья. Не потому что хочу выгоды, а из потребности работать на земле. Говорят, если хочешь гарантированных потерь, займись сельским хозяйством. Ведь нужно вкладываться в удобрения, в технику, и я не могу обмануть людей, здесь работающих. Второе – хочу посмотреть, а какие могут быть для России условия, чтобы поднять сельское хозяйство, чтобы государство полностью кормило себя. И наше государство может накормить три таких России, используем ведь лишь 30 процентов сельскохозяйственных земель. Всё идёт от власти, если думать о народе, страна будет процветать. Поэтому я отмечаю свой баланс расходов на удобрения, семена, приобретение запчастей для техники, на топливо, на приобретение техники, потому что лопатой ты ничего не сделаешь. У нас фермер берет кредиты под двадцать процентов, тогда как в Европе государство поддерживает сельское хозяйство финансированием из бюджета: с каждого евро фермер получает 36 центов.

Две трети земли в Росси не обрабатывается. Многие земли стали собственностью банков, а они не знают, что с ними делать. Земля не используется. Это плохо, что они не платят налогов, а для меня ещё возникает проблема сорняков. Не обработанное соседнее поле – чего нам стоит очищение от сорняков, очень дорого, гербициды выросли в цене. Но мы тратимся, чтобы гречка была чистой.

О России и глобальном мире
Вердикт воспринят будет на ура,
Без ропота и гнева. В том беда
Главнейшая у нашего Сократа,
Что он по жизни не был демократом.

Время в гостях бежит незаметно, пора уже и домой отправляться, но чаепитие наше затягивается. Юрий Михайлович делится своими наблюдениями за тем, что происходит в мире и в России:

– Политика, а она есть, но внутри страны её не существует. Не определены стратегические цели государства. В начале 2000 годов президент, не объявляя громогласно, повёл линию на то, чтобы общенациональные ресурсы подобрать под государство. Было понятно, что президент может это сделать, вернуть государству то, что должно ему принадлежать. Это было послание олигархам через процедуру с Ходорковским. Общество это восприняло одобрительно, особенно те, кто за возвращение авторитета страны, силы, против раздробленности элит. Это было сделано вопреки тем, кто был ориентирован на Запад. Много сделано, но пришли времена санкций. Это обоюдоострая тема. Общемировой кризис, начавшийся в 2008 году, не закончился. Путин пытается собрать страну, разобранную и униженную. Многое удалось, и общество отнеслось к этому положительно. Вопрос в том, насколько эта стратегия устойчивая. Очень много непоследовательности. Что касается внешней политики, то здесь она более последовательная. Это проявляется в решениях по Сирии, его выступлениях, действиях. Далеко не все считают, что правильно влезли в Сирию, но то, что Россия показывает силу и эффективность, приверженность идее – борьба с терроризмом – это факт.

У многих были сомнения по решению как ответу на продовольственное эмбарго, объявленное Евросоюзом. Это сложная вещь. Надо было обеспечить продовольствием население, надо было действовать по другим направлениям, и нельзя не отметить, что это стимулировало тех, кто должен решать проблемы по увеличению объёмов собственного производства. Но для этого необходимо сконцентрировать ресурсы и постоянно их видеть среди задач по развитию сельского хозяйства. Нужно отойти от догмата неучастия в координации проблем экономического развития, влияния на монополистов. Экономика сегодня, к сожалению, имеет монопольный характер. Надо оказать

мощную поддержку аграриям. Правительство попустительствует бездумному и необоснованному росту цен на ресурсы, которые должны быть использованы в сельском хозяйстве, и все это по преимуществу резко снизило тот возможный эффект, который мог бы получиться – это самоэмбарго.

И, наконец, государство сегодня не может выбраться из западни, в которую нашу систему погрузили со времён Гайдара. «Чикагские мальчишки» навязали монетаризм, игру в деньги, накачивание деньгами банковской системы не за счёт развития экономики, а за счёт безумных кредитов, в 90-е годы остановили развитие экономики. Это все частично было инспирировано ростом цен на нефть и газ, а с падением цен на углеводороды эта политика обнажила все диспропорции в системе, о которой писал Адам Смит и Карл Маркс: деньги – товар – деньги. А накачка пустыми деньгами банков вызвала инфляцию и резкое снижение производственного потенциала страны. Развития экономики не произошло. И при всей очевидности этого пагубного курса, который был задан в начале 90-х годов, в нашей банковско-экономической системе не происходит изменений: всё тот же монетаризм из питерского кружка. Они полировали мозги нашим высшим руководителям, объявляя, что кризис имеет внешние, а не внутренние причины, утверждая, что уже его дно достигнуто, и начнётся развитие. Не начнётся, пока в государстве не изменится принципиальное мнение по отказу от монетаризма и по реальной поддержке её величества Экономики.

Сегодня много говорят о сбережении народа. Лихачёв беспокоился, что наше общество теряет самобытность, идентичность. Это так. Самобытность, внутренняя культура держалась на деревне, на тех, кто работает на земле. Позволяя разваливаться деревням, когда человек отрывается от земли, мы теряем в духовных ценностях. Развал деревни произошёл из-за дурной политики в России, а это удар по традициям и религии.

Прощаемся, трижды по-русски расцеловавшись. Еду и снова люблюсь цветущей гречихой, изумрудными полями с пшеницей, и чем дальше по дороге от Озерска – тем больше бурьяна

и кустарников на бывших полях. Вспоминаются слова: Русь бескрайняя, Русь озёрная, Русь богатырская. Как нуждается она в лужковых, которые бы вернулись к земле, взяли на себя ответственность, возделали и полюбили сделанное. Думаю о том, что для этого требуется личное мужество и поддержка государства. Как же расточительно наше государство, так поступая со своими умнейшими людьми, со своими опытными кадрами и специалистами, восхищаюсь тем, как можно умно организовать безотходное и экологически чистое хозяйство, какое сильное желание накормить людей, дать им здоровую пищу. И перед глазами снова Юрий Михайлович за рулём комбайна. Нет, оказывается, не исцеления от шума Москвы и политических баталий ищет человек в кепке. Он реализовывает себя, чтобы дать России свои расчёты и советы по сельскохозяйственному подъёму, по возвращению своего народа к земле, а значит, к его нравственному здоровью.

Какую потрясающую метафору современному обществу дал Юрий Михайлович, сказав о сорняках, семена которых ветер заносит на его поля. Так и поля жизни созидательных людей России засоряют люди-сорняки своим невежеством, ограниченностью, корыстолюбием. Гербицидами против них могут быть знания, просвещённость, осознанность, благородство, созидание.

Благодарю Юрия Михайловича за его рассказ и гостеприимство, за сохранение традиций русского народа, за любовь к земле. В эпитафиях звучат строчки из поэмы Лужкова о Сократе, философе, который величайшим злом для человечества считал невежество.

«БОГАТСТВО – ВИД ЛЮДСКОЙ НЕВЗГОДЫ»

О творчестве Юрия Шевченко

Юрий Шевченко – поэт, прозаик, публицист, соратник, автор журнала «Берега», великолепный фотограф, общественник и равнодушный человек. Он родился в 1954 году на берегу Чёрного моря, в Керчи, а состоялся он как поэт, баснописец, писатель-фантаст, журналист и певец морской пехоты – на Балтийском море. Я помню, как разволновалась после тяжёлого звонка об уходе Юры, как вышла на улицу, не находя места в квартире. Тут же пошёл большими хлопьями снег. Я взглянула на три бордовых розы, цветущих у металлического забора вокруг многоэтажки, на которые падал густой снег. Белое небо, белый снегопад и тёмно-красные розы с ярко-зелёными глянцевыми листьями на высоких стеблях. Я проходила мимо них раньше, не замечая, а снегопад заставил остановиться с сочувствием. Снег прекратился так же внезапно, как и начался, выглянуло солнце. При плюсовой температуре воздуха снег тут же растаял. Всё засверкало вокруг каплями воды, засияло в солнечных лучах. Розы были невозмутимы в своей задумчивой красе. Снега они как будто не заметили. Не душа ли Юры подавала мне не разгаданные мной знаки? Так он прощался, пока я брела по проспекту Мира.

Что нас объединяло? Взаимное уважение к творчеству друг друга, принадлежность к одному Союзу писателей России, бережная память о первом члене Союза писателей в России в Балтийске поэте Викторе Сысоеве, общие усилия по увековечиванию его памяти мемориальной доской на улице Ушакова, на доме 19, участие в мероприятиях, которые проводил музей Балтийского флота, библиотеки Балтийска.

Горит свеча, в сердце светлая память, и в день, когда перестало биться его сердце, доброе, отзывчивое, по-детски довер-

чивое и непосредственное, любящее, с добрым юмором, я хочу вновь обратиться к его творчеству.

Тема чёрного берета

«Белостокцы в чёрном берете» – под таким названием вышла в свет книга Юрия Шевченко, автора гимна морских пехотинцев «Слава Белостокского полка». Собрание очерков посвящено 70-летию 336-й Отдельной Гвардейской Белостокской Орденов Суворова и Александра Невского бригады морской пехоты.

Военный журналист газет «Страж Балтики», «Красная звезда», автор статей журнала «Морской пехотинец», Шевченко соединил в сборнике 68 своих очерков. Главными героями его стали наши современники, судьбы которых оказались связанными с легендарным соединением, где девизом всегда были слова, скреплённые мужеством и боевым братством: «Где мы – там победа!»

Виктор Чирков, тогда Главнокомандующий Военно-Морским Флотом России, в своей вступительной статье к книге заметил, что воин в чёрном берете – главный герой сборника – пользуется популярностью у российской молодёжи и служит объектом для подражания. В то же время незаслуженно мало внимания уделяют современные писатели героическим судьбам пехотинцев. Полтора десятка лет назад вышла книга «Морская пехота Балтики» В. Громака и О. Одноколенко. Есть у морской пехоты свой сайт, где размещены статьи о жизни воинской части.

Но книга Юрия Шевченко, внука черноморца-катерника А. А. Мелентьева, участника морского десанта у Керчи во время Великой Отечественной войны, восполнила тот недостаток информации о «морских волках», который ощущается в современной отечественной литературе. Сборник написан «с глубоким уважением к морякам в чёрных беретах, названных народной молвой красой и гордостью флота».

Автор рассказал о том, как родилась идея написать о морской пехоте – после встречи с одним из героев книги Андреем

Гущиным, полковником, Героем России, который с сожалением произнёс, что о них начинают писать, когда пехотинцы оказываются «навечно в строю». Тогда и созрело нелёгкое решение – написать об особенных людях нашего времени, но трудность выполнения такой задачи заключалась в том, что, по выражению писателя, герои его – «люди молчаливого подвига», «многих приходилось обхаживать годами», но результат стоит того.

Юрий Шевченко сделал мощный прорыв в направлении создания целой галереи красочных словесных портретов офицеров и матросов, которые своей доблестной службой продолжают традиции морской пехоты, заложенные на заре рождения русского флота, а затем, – если посмотреть на боевую карту мира, – прошли от Норвегии до африканских джунглей.

Хочется предположить, что, возможно, эти очерки станут основой для будущих захватывающих российских киносценариев, составив конкуренцию западному кино, где не жалеют средств на создание кинолент о героизме их десантников, постоянно спасающих от чего-либо мир, но довольно часто и вымышленных.

Ценность книги Шевченко в том, что она написана о реальных, живущих сегодня людях, наших Брюсах Ли, в общении очень скромных, избегающих «ярмарки тщеславия», переживших столько всего, что рассказать пережитое – подвергнуть себя, свою жизнь новой опасности.

Книга адресована широчайшему кругу читателей, интересующихся ратным недавним прошлым, опалённым Чеченской войной, трудными буднями повседневных боевых полигонных учений, свидетельствами воинской славы и отваги, представленных не только очерками, но и редкими фотографиями из личных архивов пехотинцев и музея Балтийского флота.

Элита Вооружённых Сил России – морская пехота Балтийского флота – представлена в книге Героями России, в том числе, и не получившими этого обещанного в «горячие ночи» звания, орденосносцами, комбригами, комбатами – вплоть до гвардии старшин и рядовых матросов. Они отличаются не только особой физической подготовкой, но интеллектуальной спо-

способностью решать боевые задачи в самых сложных условиях, демонстрируя высочайшее военное мастерство.

Произведение Шевченко – это и попытка, в коротком жанре очерка, найти истоки проявленной психологической силы, мужественного и оптимистического характера человека, у которого, конечно же, есть и семья, и своё хобби, своё увлечение, но ему роднее родных – гвардейцы бригады.

Невозможно перечислить в этой статье всех 68 героев книги, поэтому назову лишь некоторых из них. Многие скажут, что образ Алексея Мересьева – это из забытых школьных лет, и хромой Суворов, и одноглазый Кутузов, и одноногий адмирал Исаков – из учебников истории, – и ошибутся.

Среди пехотинцев – заместитель командира первого десантно-штурмового взвода Михаил Родыгин, который, лишившись ноги, уверенно нёс службу, лишь недавно уволившись в запас.

Александр Мендрик, гвардии майор, руководит минёрами, которые только за последние два года обезвредили 26 000 мин, оставшихся на калининградской земле после войны.

Когда читаешь книгу Шевченко, то слова песни из кинофильма «Звезда пленительного счастья» «Не раздобыть надёжной славы, Покуда кровь не пролилась», воспринимаешь совсем иначе, чем в фильме, охваченный тревогой и ощущением трагедии, которая за плечами таких, как ласково называемый подчинёнными комбат Дарик – Герой России, Александр Даркович, под руководством которого, по несколько раз в день отстраняемого от должности, переправа через Сунжу «вошла в анналы» истории бригады.

Также и уникальный выход из окружения по болоту после четырёхчасового боя гранатомётно-пулемётного взвода под началом Валежана Абдусаттарова, кавалера Ордена Мужества.

Читатель книги забирается в бронетранспортёр, входит в госпитальную палату, отправляется на полигон, к миномётной батарее, выполняет задание вместе с подрывниками, идёт в роту связи, любителю чётким, слаженным шагом под звуки оркестра, учится снайперскому искусству, узнаёт позывные, участвует в экипировке десантника, встречает корабли из походов...

Автор книги о пехотинцах уделил внимание и женщинам в чёрных беретах, уникальному явлению современности, подчёркивая, что писать портреты «верных дочерей Отечества» – для этого требуется «особенно тонкое перо».

Герои книги Ю. Шевченко рождают то же чувство, какое испытывают жители Балтийска, столицы морской пехоты Балтийского флота, с почтением останавливаясь, ощущая перехватывание горла и мороз по коже, когда ежегодно гвардейцы в чёрных беретах возвращаются из Москвы, с парада Победы, и, чеканя шаг, проводят триумфальное шествие по майским улицам города.

Баснописец

Острое слово, рождённое острым умом, оформленное чётким ритмом и рифмой в жанр басни, в соответствии со всеми её классическими требованиями, давалось в истории литературы далеко не всем. Известных баснописцев в мировой художественной культуре не так уж много: Эзоп, Жан де Лафонтен, И. А. Крылов. Более тонкие литературоведы назовут ещё Козьму Пруtkова, В.И. и М. А. Майковых, Д. И. Дмитриева, И. И. Хемницера, А. П. Сумарокова, Д. И. Фонвизина, Демьяна Бедного.

Редкие современные авторы пытаются работать в этом жанре, но наиболее удачные басни, на мой взгляд, принадлежат перу Юрия Шевченко. Чтение сборников басен вызывает то улыбку, то горестное размышление о пороках нашего общества, но главное чувство – удивление перед талантом автора. У него богатый жизненный опыт, который он приобрёл будучи офицером Военно-Морского флота, а затем огромный человеческий материал переработан им в статьях для газеты «Страж Балтики», где он трудился журналистом. Автор приобрёл известность как поэт-лирик, писатель-фантаст. Но мы знаем немало среди тех, кто служил на Балтийском флоте, и поэтов, и писателей, и художников, и композиторов, но вот баснописцев, пожалуй, творческая, интеллектуальная элита флота ещё не рождала.

Наверное, само время вынуждает поэта и вызывает потребность у нас, читателей, громко посмеяться над приобретающей огромные масштабы тупостью, невежеством, самомнением, графоманией, снобизмом, поверхностностью людей. Жанр басни предполагает, чтобы они были представлены в образах мартышек, ослов, свиней, баранов. В басне «Осёл и бараны» бараны, утратив вожака, который «строг был и умён не по-бараньи», на его место поставили осла: «Тот был безрог, а значит, безоружен. Иной вожак баранам и не нужен. И серый, и умом не оснащён». Осёл же возомнил о себе, как о «сущем Моисее», «сам апостол, не иначе!» Басня заканчивается моралью для баранов: «Так вот, осёл, скажу для простоты: Их наказание – это ты!»

Басня «Потерянная коза» приводит к выводу: «Не всё в порядке с памятью людской. Хоть век живи достойно и культурно, А помнят люди всё, что пахнет дурно». В басне «Компот» поднимается тема истолкования исторических фактов недобросовестными исследователями:

История – сплошной компот!
Ведь плод, что сух и несъедобен,
Уму для пищи не удобен.
И потому в ней, как нигде,
Все факты плавают в воде.

Глупые, неграмотные мартышки в басне «Мартышки и светлячок» пытаются, чтобы согреться, раздуть огонь из светлячка, пока его не склевал петух, развеяв иллюзии мартышек.

Не все басни Юрия Шевченко заканчиваются однозначной моралью. Так, два Барбоса делятся каждый своим жизненным кредо и остаются при своём мнении. Кормящийся с помойки предпочитает свободу, чтобы не «тереться у людских сапог». Тот же, кто ходит лишь на поводке, уверен: «Когда б ты ладить мог с людьми, то не копался б на помойках!» Бегущие в жизненном «забеге» в авангарде, на финише жизни, истратив себя, вдруг прозревают, что оказались последними.

Автор то предлагает читателю самому сделать вывод, то предупреждает, что простотой и доверчивостью могут восполь-

зоваться другие, дающие оценку в силу своей собственной посредственности. Что уж там говорить, случается и такое, что искренняя вера вызывает удивление у тех, кто регулярно ходит в храм («Дождь»).

Юрий Шевченко, поднимая тему творчества и востребованности автора, тонко подметил, что порою в толпе предпочтут купить горшок, чем томик поэзии, но всё же для автора важно качество ремесла и гончара, и поэта. Осёл, который дудел для власти и поверил лести, не заметил, как «лис его дудую завладел». Лев ли ты среди овец или овца, может тебе сказать правду лишь мудрец: «В нас тот раскроет дарованье, кто сам талантом одарён!»

Басня «Две истины» ассоциируется с извечным спором в России западников и славянофилов, дискуссии которых заканчивались известным обвинением с каждой стороны: «О сволочь, родимая сволочь!» Потом, как говорится в басне, «На стенку шла стена, чтоб с боем выяснить детали». Увы, и войны, и даже «реформы» часто отбрасывают общество на десятки лет назад в его развитии.

«О будущем задумывайся ныне, чтобы потом о прошлом не жалеть!» («Ворона и лисица»), «Богатство – вид людской невзгоды самих себя лишать свободы» («Богатство и свобода») и другие наблюдения автора, как, например, «Различие всех святых теорий в истолкованье мелочей» («Две истины») подводят читателя к мысли, что Юрий Шевченко, с одной стороны, сатирик, с другой – мудрец и пророк.

Фантастика, мистика и невероятные приключения

Автор книги «Чёрт-птица» всегда был равнодушен к фантастике. Да и мало кто из тех, кому сегодня за сорок, не стоял в очереди к книжным магазинам с 6 часов утра за Стругацкими или Беляевым. Одобрение, советы: «Надо публиковаться» – привели Шевченко к созданию около 50 фантастических повестей. Многие пока лежат в его писательском портфеле, но

восемь из них предстали читателю в сборнике «Чёрт-птица». Как сказал автор на встрече с читателями: «С фантастикой мы встречаемся каждый день, слыша по телевизору о «программах, проектах, реформах». Но на самом деле есть место в жизни чудесному и интересному».

Таинственные случаи, произошедшие с героями повестей, рассматриваются автором как своеобразный дар свыше. Жанр фантастики требует, чтобы осталась тайна, поэтому писатель предоставляет самому читателю шанс эту тайну разгадать. Да, чёрт-птицу поймали, но не смогли её сохранить. Даже обладая истиной, человек не может её сохранить, или кто-то свыше скрывает истину от человека, понуждая его к новому поиску.

В. И. Литвинов, этот интеллигентнейший, интеллектуальный и благородный адмирал и писатель, отметил, что, несмотря на то, что больше всего он ценит Шевченко как поэта, всё же сборник фантастики он прочёл с удовольствием. Повесть «Тимка» – наиболее любимая автором. По его словам, основой того, что описано в повести, были реальные события. Соседи автора переживали пропажу любимой собаки, перед которой позже, когда её отыскивали, стал выбор: кого она больше любит – своих первых или новых хозяев. У писателя Тимка – потерянное инопланетное существо, имеющее вид ящерицы. Тимка делает выбор между звёздным хозяином и земным человеком в пользу человека, со всеми его слабостями, но обладающего любящей душой. Правда, писатель оставляет читателя перед загадкой, чем закончился этот выбор.

Эксперименты человека с сознанием становятся темой размышления Юрия Шевченко в повести «Дино сапиенс». «Маленький сверхчеловек» – главный герой повести – задумал перенести матрицу своего сознания на мозг дракона, дать возможность «безличности обрести черты личности». Подопытный кончает жизнь самоубийством, оставляя загадочную записку: «Разум требует разума». Писатель же ставит читателя своей книги перед открытым вопросом о соизмеримости интеллектуальных возможностей человека с его душевными возможностями.

Социальная тема развивается автором сборника в повести «Кошель золота». Благородство и предательство, искушение золотом и неожиданная смерть, изнуряющая жизнь и награда за человечность предоставлена героям повести. Люди во имя золота могут совершить убийство. Трагическая судьба офицера, который воевал в Афганистане, неглуп, недурён собой, а на переломе эпох деградировал. Высшие силы рассудили и дали – кому что надо было. Агрессивное вмешательство человека в нетронутую природу тайги оборачивается гибелью человека. Читатель остаётся с вопросом, кто же творит злодеев, почему умные люди, не без таланта, оказываются вне общества, становясь на криминальный путь? Это умная, глубокая, развивающая книга. Пока у людей будет воображение, пока человек будет способен мыслить, он будет нуждаться в том, чтобы научные и социальные идеи приходили к нему не в виде нравоучений, а незаметно, легко, в произведениях фантастики.

Многогранность личности

Жители Балтийска, сослуживцы, коллеги по перу помнят Юру не только как поэта, писателя, журналиста. Обладая незаурядным чувством юмора, он был активным участником игр КВН, он автор сценариев городских праздников и вечеров, он был добрейшим Дедом Морозом в Новый год. Наряду с талантливым Владимиром Ковалем, несравненно играющим Петра Первого на городских и флотских мероприятиях, Юра не менее колоритно играл роли то прусского короля, а то и самого Петра Первого. Высоко оценивая качество фотографий Юрия Шевченко, которые он делал для газет «Красная звезда» и «Страж Балтики», журнала «Морской пехотинец», Калининградский областной историко-художественный музей оформил великолепную выставку фотографий, которые после библиотеки имени Белинского в Балтийске переехали в музей Балтийского флота. Юрий Шевченко принадлежал к самым талантливым людям Балтийска, нёс свою миссию в области культуры и продолжает её нести своим творчеством, которое остаётся с нами.

«ЗНАКИ»

О сборнике рассказов Евгения Журавли

Характеризуя роль писателя в современном мире, известный критик Вячеслав Лютый в книге «Русский песнопевец» обращает внимание на то, что актуальный духовный мир человека и цивилизация стали противоречить друг другу не только в так называемых развитых странах. Цивилизационное развитие общества вытесняет его органику на просторах планеты. Технократичность человечества постепенно вымывает сложившийся в течение веков нравственный и духовный обычай народов.

Внутреннее, органичное, мыслительное и душевное в характерах героев рассказов Евгения Журавли позволяет отнести автора к тем писателям, которые среди металлического блеска, громких, дисгармоничных и жёстких звуков какофонии находят уголки в душе и сердце человека, места в России и в других точках планеты, где читатель ощущает душевный комфорт и гармонию в таком родном запахе листьев и земли, осязает росу на луговой траве, слышит рассветное щебетание птиц... Автор уходит от разменной монеты современности, связанной с техногенностью, уничтожающей почвы, представителей флоры и фауны земли, и подбирает слова для непротиворечивого соединения своего земного государства с отблеском Царства Небесного.

«Поймать Серебряную Рыбу Судьбы можно только словами. Но слова эти должны быть подлинными, самыми настоящими, только те слова, из которых и складывается истинная Правда... А в любой век этих слов немного», – это строчки из рассказа «Начало», отсылающего нас к евангельскому первоначальному Слову, к родному языку и актуальной теме его сбережения

и важности как для отдельной судьбы, так и для судьбы народа, носителя этого языка, перетекающей в другую тему: поэта, писателя – не врага цивилизации, а её целителя и врачевателя.

Обаяние тайны и древней притчи, загадочной были, содержащей красоту, не требующую обоснований разума, таинственное пробуждение каждой весной, будоражащей душу и уберегающей от дурных помыслов – движущая линия размышлений о пробуждении после зимнего сна в рассказе «Маки и ирисы». Если каждую весну каждое очередное поколение взрослых рассказывает очередному поколению детей древнее семейное предание, то не прерывается связь времён, происходит пробуждение души, без которого – тьма, и нет непостижимой вечности. От душевного к духовному ведёт нас автор, избегая художественной одномерности и «простодушного консюмеризма» с его онтологической бездной («Конь в кармане», А. Генис).

Рассказы Евгения Журавли – это часто притчи с афористическим наполнением: «в толпе полно одиноких», «чувствовать – это открыться, а открыться – стать уязвимым», «свобода – отсутствие страха», «что, если не тюрьма, если лишены природы», «время перестаёт бежать в тех, кто счастлив». Этому чувству счастья, так многообразно понимаемому, посвящена «Притча про истинный возраст». Герой её, находясь в Афганистане, принимает белые камни у ручья с цифрами, между которыми возникали числа 4, 8, 9, – за детское кладбище. Но на самом деле это пристанище суфиев, которые своим годам ведут иной счёт: «Дело в том, что когда этот человек чувствует, что прожитый миг был для него счастливым, цельным, великим, незабываемым или познавательным, – он просто рисует ещё одну палочку на своём платке, обычно обозначающую один час или закорючку за один целый день. Несколько линий – несколько часов или дней счастья. Очень просто. И вот когда этот старик умрёт, другие соберутся и будут складывать все эти его часы и дни. Эта сумма сложится в какие-то годы, и именно эту цифру выбьют на камне. Ведь только это и есть наша настоящая жизнь».

Для Евгения Журавли необходимо вглядывание в явления жизни, и они для него важнее самой показательной фигуры,

явления для него органичны, как пересечённость согласного движения сердца и духа. Ненавязчивое отношение прозаика к нравственному закону присутствует этической динамикой, этической зоркостью, чёткой разграничительной линией света и тьмы.

Это молодая проза с внимательным взглядом в полнокровно существующую традицию, с обнаружением её во внутреннем мире современного человека с философской полнотой. Художественное письмо Евгения Журавли обращает на себя внимание изобразительной точностью, психологической деталью в ситуации, обретающей пространство и воздух; экзистенциально-потаённой жизнью души автора.

можно сократить ЖУРАВЛИ 10 строк, тогда - 1 страница

«НАРЕЧИЯ РУССКОГО ВОИНА»

Алексей Захарович Дмитриовский

Алексей Захарович Дмитриовский (1927–2018) – член Союза писателей России и Союза журналистов России, лауреат премии «Патриот Земли российской» им. Александра Невского, профессор кафедры зарубежной филологии и историко–сравнительного языкознания БФУ имени И. Канта, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный работник культуры РФ, награждённый Медалью Пушкина – за заслуги перед государством, многолетний добросовестный труд и большой вклад в укрепление дружбы и сотрудничества между народами, автор восьми сборников статей литературоведческого и культурологического содержания и 11 сборников стихов.

С Алексеем Захаровичем нас связывали тёплые, дружеские отношения. Первый номер журнала «Берега» в 2013 году открывала статья Алексея Захаровича «Русский мир: заметки к определению», задавая тон взятому журналом направлению и особой миссии на литературной русскоязычной планете. Первую книгу, которую я получила в подарок от Алексея Захаровича «Славянские записки» – с подписью «Лидии Довыденко, русской славянке», – я не только прочла, но и позже лично познакомилась с героями очерков Алексея Захаровича, неоднократно встречалась с представителями польского славянского движения: доктором философских наук, профессором Ягеллонского университета Барбарой Кригер, с Болеславом Тейковским, Председателем Польского славянского комитета.

Они тоже стали авторами журнала «Берега» с современными статьями, в которых звучит любовь к России и противостояние пошлой буржуазности западных либеральных сил.

Подлинным служителем идеи единения славянских народов был А.З. Дмитриевский. Он рассказывал о себе, что эта идея заняла его внимание ещё с периода Великой Отечественной войны, с чтения им стихотворения Ф.И. Тютчева к «Ганке». Алексей Дмитриевский был добрым другом многих преподавателей Ольштынского университета, не раз публиковавшего статьи Дмитриевского. Идея славянского единства и взаимности живёт, является на сегодняшний день одной из самых актуальных, и в текущем году мне довелось побывать на научной конференции в Праге. В чешской столице неоднократно поднимались вопросы славянства и «славянской утопии». Они не достаточно освещаются в прессе, в угоду определённым силам, о которых ещё немецкий философ Иоганн Гердер написал: «германские народы очень сильно провинились перед славянскими», и по сей день эти слова остаются актуальными.

Сборник стихов Алексея Дмитриевского «Дальняя дорога» – «дневник души» автора. Это та лирика, которая, казалось бы, не должна существовать в условиях потребительского рынка и материальной гонки, но душа жива и нуждается в поэтическом оформлении. Сам Алексей Захарович сравнивал её с музыкой – «бытийное сосуществование человеческого духа и вселенского космоса». Он любил поэму Василия Жуковского «Певец во стане русских воинов», посвятил ей целую статью, опубликованную в журнале «Берега» № 5 (23)–2017. Он считал, что для нас все эти 12 гимнов имеют особую значимость, как залог верности самим себе, своей исторической общности. Мир поэмы Жуковского он называл «грандиозным в своих гражданско–нравственных масштабах, героически–благородным и художественно прекрасным», ссылаясь на А.С. Пушкина: «В бездну повалили мы тяготеющий над царствами кумир, //и нашей кровью испутили //Европы вольность, честь и мир».

Алексей Захарович руководил литературным приложением к университетской газете. Однажды мы с ним разговорились о поэзии одного из самых ярких поэтов 20 века Юрии Кузнецове, которому Алексей Захарович посвятил ряд статей. Он с гордостью показал мне перьевую ручку, подаренную ему Юри-

ем Поликарповичем Кузнецовым, книгу стихов с автографом Юрия Кузнецова. Однажды у нас по телефону зашла речь об Александре Солженицыне, от которого у Алексея Захаровича было письмо. При личной встрече Алексей Захарович весело показал письмо, в котором было написано без всяких «Здравствуйте – до свидания» три слова: «Я там был». Оказалось, Алексею Захаровичу была неприятна ошибка в книге Солженицына о дате освобождения его родной деревни на Брянщине, и он написал об этом. Ошибка и ответное письмо свидетельствует не в пользу Солженицына, и мы говорили, что величие писателя должно совпадать с величием человеческих качеств, иначе быть не может.

Дмитровский родился 7 сентября 1927 года, а это день победоносного сражения под Бородино, и чувство православной собранности всегда было свойственно Алексею Захаровичу. «Читай открытые в себе обетованные страницы» – это его обращение к студентам, к читателям его книг о развитии самодостаточности личности, своей родовой памяти: «Ты чутким слухом припади / к земле – услышишь сердце мира».

В моей памяти он остаётся также человеком, очень много знавшим наизусть, и особенно его блистательное чтение у памятника Пушкину на улице космонавта А.А. Леонова, а также на одном из праздников – Дней литературы в Калининградской области – когда на сцене царствовали не заезжие второстепенные актёришки, приглашённые министерством культуры, а Алексею Захаровичу предоставили слово, и он читал «Бородино» М.Ю. Лермонтова от начала до конца. Я думаю, что эти минуты – одно из прекраснейших мгновений моей жизни. Я была покорена и заморожена его чтением, его акцентами, его уверенностью на сцене. И слова Лермонтова: «Богатыри, не вы!» я в полной мере отнесу к Алексею Захаровичу. Ушёл от нас человек из племени русских богатырей духа, как он писал в своих стихах: «Наречия русского воин».

АРХИПЕЛАГ ПИСАТЕЛЬСКОЙ СУДЬБЫ

Анатолия Лунина

Семейные корни

Анатолий Алексеевич Лунин (1930–2015) – член Союза писателей России, член Союза журналистов России, поэт, публицист, пушкиновед. Его имя присвоено библиотеке города Черняховска Калининградской области.

Среди его последних книг сборник прозы «Грешная земля». «Пришло название от одного из рассказов, – объяснял Анатолий Алексеевич. – После войны переселенцы считали, что приехали в Калининградскую область лишь на время. Думали, что земля не наша – грешная, но стала она родной. Люди корни пустили, а земля ни в чем не виновата. Она кормила всех, кто на ней жил. Один из персонажей книги приходит к этому выводу. Книжка состоит из повестей и рассказов, действие которых длится от военной операции в Восточной Пруссии до сегодняшнего дня». Вторая книга – сборник стихов «Меж днём и ночью». «Мы живём как в сумерках», – намекает поэт на неопределённость времени, сумерки в умах и душах. Сборник включает две поэмы: «Зойка, Зойка» о дне сегодняшнем и событиях в Чечне, поэму «Небо», в которой рассказывается о не состоявшейся мечте поэта стать летчиком. Третья книга – «И доброе, и мудрое перо» – второе издание, расширенное, дополненное; это увлечённое, любящее слово о Пушкине.

Анатолий Лунин жил в Калининградской области с 1946 года. Школу окончил в Черняховске, жители которого позже присвоят ему звание Почётного гражданина. Он вспоминал: «Здесь прошёл мой трудовой путь. Сам не переходил никуда, только переводили. Как написал одно заявление на должность

ответственного секретаря в Ладушкинскую районную газету, окончив Минский университет, отделение журналистики на филологическом факультете, с тех пор и служил журналистике до самой пенсии и после пенсии».

Род Луниных славен в России. Лунины – и декабрист, и изобретатель витаминов. А у писателя Лунина предки из тамбовских крестьян. У деда семья была огромной – 15 детей. «Мой отец Алексей был предпоследним ребёнком и единственным, кто остался в живых после войны. В 1942 году Алексей Лунин, получив ранение, был отправлен в тыловой госпиталь в Горький, где встретился со своим младшим братом, тоже находившимся там после ранения. Младшего брата выписали и направили под Сталинград, где он пропал без вести. Эшелон разбомбили, и не осталось никого и ничего. А отец после ранения заехал домой, направляясь на фронт. Мне казалось тогда, что фронт – это где-то очень далеко, а он был рядом, в 60 километрах. В Воронеже уже были немцы. Самолёты кружили над Маршанском, это небольшой городок, но в нём было два стратегических объекта – суконная и махорочная фабрика. Суконная фабрика поставляла материал для шинелей. А махорка – важный и значимый продукт для солдата. А наше село, находившееся от Маршанска в 25 километрах, было огромным и называлось Отыясы. Восходит, видимо, к румынскому городу Яссы. Село наше было русское, но жили в нём и сербы, и румыны, и болгары. Было в нём два сельсовета, шесть колхозов и один совхоз. Как полыхнул пожар в 1946 году! Засуха была жуткая! А дома деревянные, крыши соломенные. И пошёл вдоль деревни огонь, сгорело около двухсот домов и наша школа. «Грешная земля» и «По вере нашей» – в этих книгах нашли отражение эти события. Отец воевал на 2-м Белорусском фронте, который шёл через Мамоново, а потом – на Познань. У Штеттина отец встретился со своей дочерью, моей сестрой, радисткой, которая демобилизовалась только в 1946 году. Они переписывались во время войны, но знали только полевую почту. Отец был уже в звании капитана, политработник, и он выяснил, где может находиться дочь. И разыскал. А когда война закончилась,

часть отца перебросили в Черняховск. Он нас с матерью решил забрать сюда. Так и остались в Черняховске. У меня была ещё одна сестра, она умерла от голода в 1942 году. Мать работала в колхозе. А мы, пацаны, махорку убирали, картошку, пшено. Махорка – очень трудоёмкая культура для выращивания. Её сажают рассадой, проводят пасынкование, позже надо срезать макушку и разделить стебель пополам, чтобы он подсыхал...»

Начало творчества

Литературная жизнь Анатолия Лунина началась в 9 классе, когда в школу пришёл великолепный учитель литературы Георгий Иванович Липский, который повлиял на всю творческую жизнь будущего писателя. «Умница, – вспоминал об учителе Анатолий Алексеевич, – он нас уважал, и мы его любили. С его помощью я в черняховской газете напечатал первые свои стихи. Какие там были первые стихи, но он тетрадку взял и отнёс в редакцию».

Учился Анатолий Алексеевич в Минском государственном университете на отделении журналистики. «Стихов в университете, – рассказывал он, – не писал, любовная история угасла, а нет любви – нет стихов. На практику поехал после 3-го курса в Черняховск, и после 4 курса – тоже. В «Советской Белоруссии» проходил практику. И когда распределялся, поехал в Черняховск. Но тут не было места, и я был принят на должность ответственного секретаря в Ладушкинскую газету «Коллективист». Там я проработал почти семь лет. Мамоново входило в наш район. Самым крупным предприятием был Рыбкомбинат, в Прибрежном – завод железобетонных изделий, и три зверосовхоза. Ответственный секретарь – это как начальник штаба. Это было хорошей редакционной школой. А потом районные газеты упразднили и создали межрайонные. Вместо 13 районных газет стало выходить три: в Черняховске, в Советске и в Калининграде. Анатолий Лунин возглавил литературное объединение. Приезжали офицеры из Мамоново, где стоял авиаци-

онный полк. Анатолий Краснов пришёл, он уже первую школу прошёл в Ленинграде, занимался в семинаре у Всеволода Рождественского. «И когда он прислал к нам в редакцию стихи, я ахнул. Он подписывался Константин Краснов. Я спросил, почему Константин? А потому, что так Симонова звали. Образовалось тогда очень прочное литературное объединение. В Мамоново была школа совершенствования плавсостава. И оттуда приходили военные люди, пишущие стихи и рассказы. Мы ездили на литературные мероприятия в Калининград.

Приближение к Пушкину

В 1963 году Лунин стал редактором Полесской районной газеты, а потом через год предложили ему поучиться, на что он с удовольствием согласился, в Ленинграде. Это была школа! – вспоминал Анатолий Алексеевич. – Все до единого театры и музеи – это само собой. Но главное – к Пушкину приблизился. Такое ощущение было, особенно когда пришёл в лицейский сад, что сейчас поэт выйдет навстречу. Всё там дышит Пушкиным. Стихи его по-другому зазвучали: «В таинственных долинах весной при кликах лебединых являться муза стала мне...» Некоторые говорят: «Это сама сложность, в каждой строчке закодирована мудрость. Надо искать второй смысл». Это, по-моему, глупо. Пушкин прозрачен, он весь открыт. Никакого подтекста. Есть вещи, где он скрывал смысл, но их немного. Если мы не понимаем чего-то, то потому, что не знаем всех обстоятельств, когда стихотворение написано. Какое-то событие произошло, какая-то встреча. Много мифологических сюжетов, мы не знаем всей мифологии. Называет он античных богов, они олицетворяют определённое состояние души и направление мыслительное. Кто не знает мифологии, читать тому трудно. Путь от Державина, от классицизма к романтизму, а потом к реализму, очень интересен, это важно. Говорят: «Пушкин – начало нашей реалистической литературы, современного русского языка». Это не совсем так. Он появился не на голом месте. Державин

уже тяготел к языку народному, это проявилось здорово у Жуковского. А ещё больше – у Батюшкова. Он научил Пушкина писать в народном стиле. Это неоценённый и мало изученный поэт. Как говорил один критик, «Батюшков сделал для русского языка то же, что сделал Данте для итальянского языка». Он его осовременил. Оттуда у меня тяга к Пушкину?! Во всех моих книжках, так или иначе, в какой-то форме Пушкин присутствует».

Книга «И доброе и мудрое перо»

Любовь к национальному гению у Лунина выразилась в его книге «И доброе и мудрое перо». Он хотел её издать к юбилею Пушкина, представлял большим и красивым альбомом. «Но, слава Богу, хоть так вышла, – отмечал исследователь. – Теперь готовится второе издание с портретом Пушкина на фоне Казанского собора. В книгу войдут репродукции: черновики Пушкина, пушкинские работы В. Лебедева–Шапранова, портрет Пушкина и Натали художника Н. Ульянова, портрет Ланской художника Макарова. Здесь она умная и красивая, а не легкомысленная бабочка. Я не осуждаю, а оправдываю Наталью Николаевну. Когда ей было порхать? За шесть лет супружеской жизни четверо детей. В моей книге о Пушкине не биография, не анализ творчества, а моё мнение, мой отзыв, мой взгляд на отдельные страницы жизни и творчества поэта. Когда появились «Прогулки с Пушкиным» Синявского, они привели меня в ярость. Я написал жёсткую статью. А он взял и скончался, и я статью смягчил. Я не считал себя поэтом, а потом вернулась любовь, начал писать стихи, но не печатал».

«Искренность»

Первый сборник стихов Анатолия Лунина называется «Искренность». История его появления связана с тем, что вдруг попалась ему очень красивая книжица на мелованной бумаге,

небольшого формата, прекрасно иллюстрированная. С восторгом взял он её в руки и стал читать. Подумалось: «Господи, так прекрасно издана, а внутри пустая. Стихами и не пахнет. Я стесняюсь, тут человек не стесняется».

После этого взял и предложил свои стихи издательству. В те времена, чтобы никто не обвинял в каком-то потворстве кому-то, был институт рецензентов. Прозу посылали в Москву, в поэзию – в Ленинград. Стихи Лунина попались Сергею Макарову. Анатолий Алексеевич вспоминал: «Издатель меня пригласил к себе: «Пришёл ответ на твои стихи». Читаю, а замечания чуть ли не на всех страницах. Думаю, зачем я это сделал? Зачем послал ему свои стихи? Издевается надо мной. А в конце рецензии читаю: «Мы имеем дело с профессионалом. Книгу надо издавать. У меня сомнений нет». Я думаю: «Чёрт бы тебя побрал! Столько чехвости, а потом такая похвала!» Я написал письмо с выражением благодарности. Он мне в ответ прислал свою книгу. Когда была издана моя книга, я ему послал. Это была моя первая книжка. Название «Искренность» редактор придумала. Я назвал: «Люблю и ненавижу». Но она настояла. И когда вышел сборник, я места себе не находил от счастья. Я носился с этой книжкой и удивлялся, почему весь мир не кричит «Ура!» Почему не вижу марширующих колонн, и почему оркестры не гремят? Это же было событие! После следующих книг уже не было такого восторга. Каждую книгу пишешь, как последнюю. Думаешь, вот сейчас это выплесну, и всё. Мне уже больше нечего сказать. Но ещё не закончил одну, а уже мысль зашевелилась о следующей книге. Я очень критично отношусь к своим книгам. Если сам себя не критикуешь, ты уже закончился как автор. Роста нет, нет движения. Жена говорит, что я самоуничтожением занимаюсь, но я знаю, что я правильно себя оцениваю. У Пришвина фраза есть: «Я когда напишу что-то новое, у меня ощущение, что я шедевр создал. А когда положу и через некоторое время прочту, то могу и выбросить в мусорную корзину». Это золотое правило – дать отлежаться. Может быть, там жемчужное зерно, а может ничего не быть».

«Всего дороже»

В 1991 году вышел второй сборник стихов «Всего дороже». С каждой страницы звучат слова любви, пережитой поэтом и человеком, и снова любимое имя в мировой литературе – Пушкин. Здесь стихи, навеянные встречами с пушкинскими местами, и поэма «Колокол». «Это поэма о Пушкине, – рассказывает Анатолий Алексеевич. – Я дорожу ею. Есть в его биографии страница, которая не нашла отражения в литературе, – беседа Пушкина и Николая Первого осенью 1826 года. Летом была казнь декабристов. Это имело очень неприятный отзвук и в России, и в Европе. Повешены дворяне. Это не в традициях России. Смягчающий жест царя – освобождение Пушкина. Есть упоминания, что он сказал: «Беседовал с умнейшим человеком». «Вот вам новый Пушкин». Николай оговорил себе согласие быть личным цензором. Он пообещал снять полицейский надзор с условием, что поэт ничего не будет писать против правительства. Пушкина потом бранили за стихи хвалебные, а это было напоминанием царю о договорённости. Поэт нам об этой встрече ничего не сказал. Я попытался восстановить диалог двух властителей: страны и «дум». Главное в поэме – это своеобразная дуэль, в которой Пушкин проиграл, потому что поверил царю, а тот его обманул. Царь воспринимает поэта как врага. А Пушкин его – как тирана. Теперь уже я с высоты своих лет смотрю мягче: Пушкин был бунтарём, но не революционером. Он хотел, чтобы его приняли в декабристское общество, а ему не доверяли в силу характера поэта. Он не пойдёт доносить, но проговориться может».

Основная часть биографии Анатолия Лунина – это работа в газетах. В «Калининградской правде» работал 18 лет. Газета забирала все время. Работал до ночи. На творчество не было времени.

«Газетная работа иссушает мозги, – рассказывал Анатолий Алексеевич. – Журналистика и литература – разные вещи. Журналистика требует быстрой реакции, молниеносного отклика. А литература требует осмысления, эмоций, переживаний, сер-

дечного состояния. Журналистика вредит литературе, и в то же время большинство писателей пришло из журналистики, потому что она обогащает жизненным опытом. Где ещё такой материал получишь, где ещё такие судьбы найдёшь? Журналистика питала литературу. Меня не питала. Я за время работы в «Калининградской правде» очень мало написал. Только сборник «Всего дороже». Мне пришлось изгонять штампы, затёртые слова, искать свои подходы».

«Судьбы моей архипелаг»

Поиски художественных форм и глубокого содержания не были напрасными. Сборник стихов «Судьбы моей архипелаг», который вышел к 70-летию поэта, оказался богатым мыслями и художественными средствами. Архипелаг судьбы поэта состоит из пяти островов: любви, вдохновения, странствий, отчаяния, надежды. Он остался верен себе, кипящему «в смоляном котле любви»:

Кому-то силушка дана,
Кому талант высокой пробы,
А мне дана любовь –
Одна,
Неистребимая, до гроба.

И судьбою было дано ему стать поэтом в России, что, как известно, чревато «Чёрной речкой», неважно где, в Москве, на Кавказе, в Елабуге:

У поэтов дерзанье своё:
Вызывают на Чёрную речку
Не Дантесов, а смерть самое.

Дружба с Анатолием Соболевым

Поэту нельзя без странствий, он нуждается в новых впечатлениях, в новых встречах, но чтобы потом обязательно

вернуться «к порогу отчему», «в своё гнездо, в родную Русь». Анатолий Алексеевич с удовольствием вспоминает о дружбе с писателем Анатолием Соболевым, который жил в Калининграде в течение 12 лет на улице Алябьева:

«Мы дружили семьями. В книге «По вере нашей» есть эта история нашего путешествия. Мы сели в моего «Москвича», загрузились и поехали по маршруту: Литва, Латвия, Эстония, Ленинградская область, Псков, Пушкинские места, а оттуда – в Белоруссию. И назад – домой. Была интереснейшая поездка. Соболев – удивительный человек. Сам себя назначил командором пробега, написал приказ. У меня сохранилась тетрадь, в которой по итогам каждого дня он отдавал приказы. Я был назначен рулевым, Галя – его жена, которая повторяла все движения водителя, дублёром рулевого, а моей супруге должности не досталось, и она значилась – «лишним пассажиром». Это было здорово, весело, путешествовали с удовольствием. Сформировался я как литератор под воздействием Соболева. Его книги, его рассказы, его друзья, их оценки важны для меня. Мы в первый раз поссорились с ним из-за Рубцова. Анатолий был в восторге от Рубцова, а я сначала не понял его, но теперь иначе отношусь, открыл для себя Рубцова, а Соболев вначале обиделся на меня из-за него и кричал на меня. Быков к нему приезжал сюда в гости. С В. Астафьевым был близок, дружили хорошо. Но под конец жизни Астафьев написал пакостную книгу на русских, не знаю, чем они его обидели. Соболев писал ему письмо, пытаюсь переубедить, и с Василием Быковым у него была полемика. Быков обиделся, что Лукашенко не дал ему премию и уехал в Финляндию. Хоронили в Белоруссии с почестями. И Лукашенко не было, а венок от него был, и соболезнавание тоже. Соболев издавал в год одну-две книги. Выходили они в Москве, и переводили его в разных странах: в Германии, Польше, Болгарии, Чехословакии. Я поклонник Соболева. Я считаю его и Юрия Куранова самыми заметными фигурами в нашей литературе. С Курановым я мимоходом встречался, а Соболев – с ним много общался. Соболев прошёл войну, а Куранов – из детей войны. Я бы назвал его книгу «Якорей не бросать» са-

мой значительной. Он приехал в Калининград уже известным писателем, лауреатом двух конкурсов. И стал писать на местном военном материале. А потом отправился в море, когда его попросили написать о рыбаках. Ушёл он в экипаже не первым помощником, не комиссаром, а рулевым, а ему было уже 50 лет. И сердце было не очень здоровым. Собрал материал огромный, а книжка писалась плохо. Он остановился, писал другие книги, а потом вернулся к этой и написал о нашем варварском отношении к ресурсам океана. Книжка получилась публицистической по нацеленности, очень яркой, и её очень интересно читать. Также его книга «Награде не подлежит» весьма интересная. Роман о тех войнах, о которых мало известно, о тех, кто даже медали не получил. Он сам, кстати, пройдя войну, не имел даже медали «За Победу над Германией». Большой писатель – Анатолий Соболев».

«По вере нашей»

Душа поэта Лунина живёт на ещё одном острове архипелага судьбы – острове отчаяния. Он страдает от лицемерия, продажности, предательства и беспамятства, нравственной дезориентации людей:

А пока рассвет не синий
И туманится простор.
Чёрный коршун над Россией
Злые крылья распростёр.

Сердце его болит за истребление человеком природы:

Господа,
Кто из вас изнасиловал рощу?
Кто распял, оскотил
Благотатный родник?

К этой теме возвращается писатель в книге прозы «По вере нашей», вышедшей в 2006 году, в которой изображено поколение детей войны и предстают размышления автора о событиях

последних двадцати лет. Он не может согласиться с авторами, которые стремятся к «счастливому» забвению прошлого, ведущему к утрате в сознании людей историчности, а значит к утрате ответственности и способности к самоидентичности, к иссяканию жизни и творческого ресурса, банкротству альтернативных сил, к измельчанию человека. Анатолий Лунин ставит перед собой масштабные задачи – противостоять нивелировке национального сознания, мобилизовать духовные силы России. «Меня обижает, – размышляет писатель, – когда говорят, что я написал свою личную биографию. Есть личное, но в данном случае не моя судьба, а биография поколения, той категории, которая возмущается на кухне, в трамвае бурчит, и палец о палец не ударит, чтобы что-то изменить. Герой нашего времени – хороший человек, умный, не гнусный, но он никакой. Мой герой – рядовой армии послушных. Мой герой не героичен. Я тоже отношусь к такой категории: поворчать, а не участвовать в сражениях, я не воин. А надо было показать эту категорию людей. У человека есть позиция, но он не сражается за неё. И я считаю, что надо осудить его за это, надо быть солдатом, если ты в оппозиции, так будь в оппозиции. Алексей Старцев покойный говорил: «Ну, ты сам себя расписал». Я не о себе написал, а о своём поколении. Есть реальные эпизоды, которые мне рассказывали очевидцы. Много лично пережито, но много в книге и того, что все пережили. Это художественное произведение, это не личное исповедование, а призыв всем исповедоваться. «Почему тогда повествование от первого лица?» – спрашивают. И Пушкин от себя писал в «Капитанской дочке». «Мой отец – Гринёв...» Первая глава в моей книге заканчивается словами: «Так я родился». Там есть такая фраза, и она мне нравится. Я не стал уходить от первого лица. Начинается история с 30-х годов и идёт до сегодняшнего дня. Мысль моя одна – чистая совесть, она определяет всё. Постараться не грешить, а если согрешил, покайся. А ваша вера? По вере вашей воздастся вам. Моя вера партийная, хотя это и не модно. Но постигает трагедия человека, когда он меняет свои убеждения, он сдирает с себя кожу, ломает себя. В любой партии не должно

быть стадности, а должно быть критическое начало. Дед любил говорить: «Не спеши под козырёк». А ты почеси под козырьком, подумай сначала. Всегда было разное отношение к тому, что происходило в стране. Я как-то чуть не вылетел из партийной школы. Я не согласился с Никитой Сергеевичем. Было шуму много, а закончилось тем, что меня членом парткома избрали. Критическое начало должно быть обязательно. Моя точка зрения, что нашего лидера трудно назвать лидером. А революции не лидеры делают: вот в 1917 году в магазин не завезли хлеба, и бабы начали революцию. Поводом может послужить что угодно. 27 марта (это 2010 год) ходили на митинг на площадь Победы. Всё огородили мальчики в форме. Проходили через арку, чтобы проверить, нет ли оружия. Люди подходят с плакатами. Провоцировала милиция, чтобы пустить в ход дубинки. Арестовали две установки с микрофонами. Митинг проводили с мегафоном. Задержали депутатов совета под предлогом: «Верните украденные мобильные телефоны». Директор школы, заслуженная учительница, можно её в этом подозревать? Такие вещи были всё время. Драку пытались устроить. Я стоял у самого монумента Матери-Родины. Человек не в состоянии купить книгу, это нормально? А была самая читающая страна. Я не могу попасть к врачу глазному. Это нормально? А сколько закрыли детских садов, больниц, школ? Это ненормально. Не-профессионализм и безответственность вокруг. Лидеру страны недостаточно быть просто человеком с высшим образованием. У него должно быть державное мышление. Американец, прежде чем он станет президентом, должен побыть губернатором, и у него уже появляется опыт. Там чёткая структура отбора. Задача государственного руководителя – предвидеть события, предвосхищать».

Песни

И снова возвратимся к архипелагу судьбы Лунина. Надежда умирает последней. Его последний остров – надежды. Он делит

свою судьбу со своим народом, он находит радость в общении с умным человеком, в народном творчестве, в вере, опираясь на вечное. И не случайно так много стихов А. Лунина положено на песни.

«Одна женщина обратилась ко мне с просьбой настоящей, чтобы я написал гимн о детях войны. Текст я написал, дал Саше Морозову попробовать написать музыку. Дети войны – это категория особая. Какая тяжесть легла их на плечи, неизмеримая. В школу ходить надо, но и работать тоже надо. Работали в полную меру. У меня есть опыт работы на тракторе. Бензина не было, и нам прислали газогенератор. Деревянные чурки закладываешь в специальную такую тумбу, чтобы образовался газ под давлением. И газ поступает в генератор. Он был очень слабым, такой трактор. Плуга не тащил. Мы звали его «Гена» от слова генератор. Намучились с ним. А с махоркой. А свёклу полоть! Вот когда сенокос начинался, для нас, мальчишек, была отрада. На лошадь верхом садишься, подъезжаешь к копне, верёвку обхватываешь и волочишь. Были ещё конные грабли, но у меня ноги не доставали до педали, не хватало роста. А на лошади я мог. Всегда ходил с мозолями на заднем месте. Жёсткие у лошадей хребты...

Много ли песен? Около полсотни. Больше всего музыку на них написал Алексей Мелехов покойный. У Калининграда были прочные отношения с Ольштынским воеводством, шёл обмен делегациями. И каждый год проводились фестивали советской песни в Зелёной Гуре. Однажды поехала делегация, в которую включили меня с Лёшей Мелеховым. Делегация из культурных обществ Советского Союза по связи с зарубежными странами. Возглавляла женщина из Москвы, мама режиссёра Шахназарова. Входил в делегацию и поэт Николай Зиновьев. И была группа из Литвы. Мы ехали через Ольштын, а потом – до Варшавы. В Польше я и познакомился с Мелеховым. И там он пел знаменитый «Калининградский вальс». Я ему ещё подсказывал: «Скажи, вашему зелёному городу от нашего зелёного города Калининграда. Вальс». Принимали очень тепло. Он с аккордеоном, к нему кинулись девушки, я помогал вытирать помаду. И там

же родилась песня, посвящённая Зелёной Гуре. Я Алексею давал свои сборники, а потом он писал песни на мои стихи, а я не думал, что это будет песня. Не каждое стихотворение годится для песни. Потом мы с ним написали лирическую песню для работников вагонзавода «Вдоль Преголи, вдоль канала». И про Нижний пруд, и про морской канал. Издавали сборник песен, в котором половина песен на мои стихи, половина казачьих А. Мелехова».

Кроме Мелехова, на стихи Лунина написали музыку Григорий Айрапетянц, Александр Баукин, Макс Готтбейтер, Михаил Крепишков, Алексей Морозов. Калининградские праздники не обходятся без песен Лунина, в которых так много трепетной лирики и душевности. Как, например, в «Сказке балтийской волны», колыбельной:

Тучка не плачет, и чайка умолкла,
Дремлет задумчивый сад.
Ветер усталый улёгся, и только
Волны морские шумят.
Волны приносят детишкам в подарок
Светлую сказку свою.
Спи, мой курносик,
Спи, мой янтарик,
Баюшки-баю-баю.

Муза поэта

Мария Николаевна – муза Анатолия Алексеевича, жена, бесспорная вдохновительница, зовёт нас пить чай. «Если бы не её нагайка, она у меня казачьих кровей, – шутит муж, – не было бы этого последнего трёхтомника». А Мария Николаевна рассказывает, что она физик по профессии, но одновременно и лирик. Работала учителем физики в 23-м лицее, а потом ушла в КВИМУ на кафедру физики, теперь на пенсии, но дома не сидит, освоила новую специальность – оператор связи на почте.

Анатолий Алексеевич поверг меня в полное изумление: «Её зарплату складываем, живя на наши пенсии, а потом тратим на издание моих книг. Муза она во всех отношениях. А познакомились так: ездили на море купаться. Сидим в электричке. Я достаю стихи Василия Фёдорова. Напротив сидит женщина и читает точно такую же книгу. Читаем одно и то же, и отношение к поэту совпало. Это было нам основным толчком. Фёдоров – великий поэт».

Мария Николаевна продолжает: «Мы много вместе занимались спортом, знали и по морю, и по спортзалу. Темы не подсказываю, но подсказываю названия. Не хвалю, а критикую, когда не нравится, а иногда промолчу. Он мне даёт читать свеженаписанное. Раньше выписывали «Иностранную литературу», «Литературную газету». Мы ведь в очередь записывались на книги. Всё, что в журналах печаталось, всё читали. Бегали в обкомовскую библиотеку, брали журналы, а ещё в КВИМУ была хорошая библиотека. Едем на машине, я вслух читаю. Хотелось всё прочитать, узнать новое, ждали новых журналов с нетерпением».

Мария Николаевна достаёт фотографии: вот её прекрасная фигура на белом снегу. «Это когда моржевали», – поясняет она. Фотографии повествуют своим языком о дружбе с поляками, с писателем Анатолием Соболевым, вот они на Куршской косе, а вот на даче с сортовыми овощами и плодовыми деревьями. Фотографии не дают забыть подробностей жизни.

Многие из них становятся «Шрамами на сердце», как называется сборник стихов 2008 года. Они похожи на складки гор, в которых протекают стремительные, чистейшие реки. Экологически здоровой, духовно оздоравливающей является и поэзия Лунина. Она как целительный горный воздух для общества, глоток свежей воды для человека с пересохшим горлом то ли от волнения, то ли от житейских тягот, то ли от боли за будущее человечества.

ПОЭТ И ЗАЩИТНИК ОТЕЧЕСТВА

Константин Батюшков

На литературной карте Европы, в современной Польше, в 82 километрах от Калининграда раскинулся небольшой городок Лидзбарк, в прошлом Гейльсберг, по-немецки звучит – Хайльсберг. 29 мая 1807 года здесь произошла Гейльсбергская битва, в которой принимал участие и получил тяжёлое ранение русский поэт Константин Николаевич Батюшков. Имя этого замечательного поэта незаслуженно забыто, а дано было ему «великое дарование и великое страдание», что «почти одно и то же» (Соч. Батюшкова под ред. Майкова, т. II, стр. 165).

«Звуки итальянские! Что за чудотворец этот Батюшков!» – писал о нём А. С. Пушкин в «Заметках на полях». А наш современник поэт А. Кушнер заметил, что для тех, кто понимает поэзию, Мандельштам – это ведь «отжатый», гармонизированный Батюшков». Баллады и оды, психологически тонко выстроенные сюжеты поэта и воина в равной степени волнуют современного читателя, как и его трагическая судьба.

Лидзбарк

Лидзбарк – резиденция польских епископов. Здесь жили Николай Коперник и поэт Игнатий Красицкий. Ступив в солнечный мартовский день на замковую территорию, вдыхая запах ароматного табака из трубки вышедшего во двор работника отеля «Красицкий», направляюсь к высоко вознесённому мостику через бывший ров вокруг замка, музея – отделения центрального Музея Вармии и Мазур, находящегося в Ольштыне.

Сдержанная архитектура замка, квадратный двор с галереями, с тремя четырёхгранными башнями, с залами, наполненными картинами, портретами, богатой церковной утварью, медной, серебряной и бронзовой искусно изготовленной посудой радуется встречей и с тульскими старинными самоварами, бережно сохранёнными, возможно, подарками из России.

Бродя по окрестностям замка, улочкам старинного города, вспоминаю имена, вошедшие в историю России, связанные с Гейльсбергским сражением.

В. С. Трубецкой, награждённый орденом Св. Георгия за битву Гутштадт, раненый под Фридландом, П. А. Чичерин участвовавший в битве при Гейльсберге и Фридланде, за отличие в последнем награждённый орденом Св. Георгия 4-го класса, В. Н. Шеншин сражался с французами под Гутштадтом, Гейльсбергом и Фридландом, где был ранен пулей в левую ногу и за отличие награждён капитанским чином. Д. М. Волконский – отличился под Гутштадтом, где был ранен осколком гранаты в правую ногу, а за отличие награждён золотой шпагой с алмазами и орденом Св. Анны 1-й степени, Н. И. Дурова – участвовала в битвах при Гутштадте, Гейльсберге, Фридланде, всюду обнаруживала храбрость. И. К. Мусин-Пушкин был тяжело ранен картечью в правое плечо, бок и бедро, за отличие награждён орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом.

И среди них поэт и сотенный начальник Константин Батюшков.

Узнав о потерях русской армии за границей, в начале 1807 года он записался в ополчение и стал письмоводителем в канцелярии генерала Н. Татищева под руководством А. Оленина. Быть штабистом – не об этом мечтает двадцатилетний юноша:

...Но слаще мне среди полей
Увидеть первые биваки
И ждать беспечно у огней
С рассветом дня кровавой драки.

22 февраля 1897 года его определили на должность сотенного начальника Петербургского милиционного батальона, который в марте начал поход в Восточную Пруссию.

Ужели слышать всё докучный барабан?
Пусть дружество ещё, проникнув тихим гласом,
Хотя на час один соединит с Парнасом.

И друг появился. Им оказался Иван Петин, ровесник, тоже поэт, с которым, как вспоминал Батюшков, делили «кошелёк, и шалаш, и мысли, и надежды».

2 марта 1807 года батальон в Нарве. Поэт пишет Гнедичу в шутильной форме: «Вообрази себе меня, едущего на Рыжаке по чистым полям, и я счастливее всех королей, ибо дорогою читаю Тасса или что-то подобное. Случалось, что раскричишься и со словом: – О доблесть дивная, о подвиги геройски! – прямо набок, и с лошади долой. Но это не беда! Лучше упасть с Буцефала, нежели падать, подобно Боброву, с Пегаса».

Путь милиционного батальона лежит через Ригу, Митаву, Шавли, Юрбург. Переправа через реку Неман, и вот Пруссия, предвкушение сражений.

... Как сладко слышать у шатра
Вечерней пушки гул далёкий
И погрузиться до утра
Под тёплой буркой в сон глубокий...

Русская армия сосредоточилась на выгодной позиции под Гейльсбергом – на Гейльсбергские высоты Бенигсен тщетно стремился заманить неприятеля. У Наполеона – 115 тысяч человек, у Беннигсена – около 85 тысяч. Наполеон атаковал русские позиции, был отбит. Сражение под Гейльсбергом запечатлено в стихотворении Батюшкова «Воспоминания 1807 года»:

О Гейльсбергски поля! О холмы возвышенны!
Где столько раз в ночи, луною освещённый,
Я, в думу погружён, о родине мечтал;

О Гейльсбергски поля! В то время я не знал,
Что трупы ратников устелют ваши нивы,
Что медной челюстью гром грянет с сих холмов,
Что я, мечтатель ваш счастливый,
На смерть летя против врагов,
Рукой закрыв тяжёлу рану,

Едва ли на заре сей жизни не увяну... –
И буря дней моих исчезла как мечта!..

В тяжелейшем бою Батюшков получил ранение, но «рукой закрыв тяжёлу рану», не оставлял поля боя, где позже был найден полумёртвым среди груды убитых.

Испытывая невыносимую боль, «болезнь вкушая люту», при отсутствии в те времена обезболивающих средств, он был уложен на телегу и отправлен сначала в госпиталь в Юрбург, а затем в Ригу. Из письма Гнедичу: «Любезный друг! Я жив. Каким образом – Богу известно. Ранен тяжело в ногу навывлет пулей в верхнюю часть ляжки и в зад. Рана глубиною в 2 четверти, но не опасно, ибо кость, как говорят, не тронута... Я в Риге. Что мог вытерпеть дорогою, лёжа на телеге, того и понять не могу. Наш батальон сильно потерпел. Все офицеры ранены, один убит. Стрелки были удивительно храбры, даже до остервенения».

При Гейльсберге русские не отступили, но по приказу Беннигсена отошли к Фридланду (Правдинск Калининградской области). Здесь произошло сражение, решившее ход кампании. Александр I 25 июня 1807 года в Тильзите (Советск Калининградской области) заключил позорный для России мир.

Батюшков из Юрбурга писал: «В тесной лачуге на берегах Немана, без денег, без помощи, без хлеба, в жестоких мучениях, я лежал на соломе и глядел на Петина, которому перевязывали рану. Кругом хижины толпились раненые солдаты, пришедшие с полей несчастного Фридланда, и с ними множество пленных...»

Из письма К. Н. Батюшкова сёстрам, 17 июня 1807 г., Рига:

«...Мне пришлось много страдать во время переезда из Пруссии, но сейчас, благодаря всемогущему, который соизволил меня спасти или сохранить жизнь, я нахожусь в самом гостеприимном доме из когда-либо существовавших. Доктор прекрасен. Меня окружили цветами и ухаживают, как за ребёнком... Не тревожьтесь о моем теперешнем состоянии. Хозяин дома Мюгель – самый богатый торговец в Риге. Его дочь очаровательна, мать добра, как ангел: все они меня окружают и для меня музицируют...» (III, 14–15).

К письму приписка: «Не пишите мне ничего такого, что могло бы меня огорчить. Мои нервы стали слабыми, я раздражаюсь по всякому поводу» (III, 14).

Семейству Мюгеля Батюшков посвятил такие строчки:

Семейство мирное, ужель тебя забуду
И дружбе и любви неблагодарен буду?
Ах, мне ли позабыть гостеприимный кров,
В сени домашних где богов
Усердный эскулап божественной наукой
Исторг из-под косы и дивно исцелил
Меня, борющегося уже с смертельной мукой!
Ужели я тебя, красавица, забыл,
Тебя, которую я зрел перед собою
Как утешителя, как ангела небес!..

«Ангел небес» – дочь Мюгеля Эмилия. Л. Н. Майков, биограф Батюшкова, писал: «Все наши попытки собрать в Риге сведения о негоцианте Мюгеле и его семействе оказались безуспешными». Неизвестно, ответила ли Эмилия на чувства поэта. Из письма К. Н. Батюшкова к Н. И. Гнедичу, 12 июля 1807 г., Рига: «...Я в отечестве курительного табаку, бутерброду, кислого молока, газет, лакированных ботфорт и жеманных немок живу весело и мирно; меня любят. Хозяйка хороша, а дочь её прекрасна: плачут, что со мной должно расставаться» (III, 16).

Расставание было неизбежно, и в России Батюшков пишет:

Теперь я, с нею разлучённый,
Считаю скукой дни, цепь горестей влачу.

Можно сказать, что это были лучшие, счастливейшие дни поэта, где «его любили».

Всю чашу страдания и счастья он испил в 1807 году. Позже будут сражения и жёстче, чем Гейльсбергское, но Батюшков останется невредимым.

Романтическое представление о войне ушло. В 1811 году он написал: «...Люди режут друг друга затем, чтоб основывать государства, а государства сами собою разрушаются от време-

ни, и люди опять должны себя резать и будут резать, и из народного правления всегда родится монархическое, и монархий нет вечных, и республики несчастнее монархий, и везде зло...».

Битва народов

Позже в войне со Швецией он совершит поход в Финляндию. Когда наполеоновские войска вторгнутся в Россию, Батюшков напишет Вяземскому: «Если бы не проклятая лихорадка, то я бы полетел в армию. Теперь стыдно сидеть над книгою; мне же не приучаться к войне. Да, кажется, и долг велит защищать отечество и государя нам, молодым людям».

Нет, нет! Пока на поле чести
За древний град моих отцов
Не понесу я в жертву мести
И жизнь, и к родине любовь;
Пока с израненным героем,
Кому известен к славе путь,
Три раза не поставлю грудь
Перед врагов сомкнутым строем, –
Мой друг, дотоле будут мне
Все чужды Музы и Хариты,
Венки, рукой любви свиты,
И радость шумная в вине!

24 июля 1813 года штабс-капитан Батюшков с повзрослевшей душой отправляется в действующую армию к генералу Н.Н. Раевскому и вновь участвует в сражениях: «под Донной», «в виду Дрездена».

4 октября 1813 года началась битва под Лейпцигом: «Ядра и гранаты сыпались как град... Признаюсь тебе, что для меня были ужасные минуты, особливо те, когда генерал посылал меня с приказаниями то в ту, то в другую сторону, то к пруссакам, то к австрийцам, и я разъезжал один, по грудам тел убитых и умирающих... Ужаснее сего поля сражения я в жизни моей

не видал и долго не увижу. При конце дня генерал сказал мне: «я ранен, я ранен!» – и с этим словом наклонился на лошадь... Петин убит. Петин, добрый, милый товарищ трёх походов, истинный друг, прекрасный молодой человек – скажу более: редкий юноша... Мать его умрёт с тоски». *(Из письма Гнедичу 30 октября 1813 года из Веймара.)*

«Я представлен к Анне за последние дела и к Владимиру – за первые... Пришли мне Анненский крест, хорошей работы и хорошего золота, с лентою, небольшой величины... Ещё купи Владимирский крест: я к нему представлен за Теплиц... Здесь этого не сыщешь, а при генерале не ловко не носить крестов. Не забудь и георгиевских лент для медали». *(Из письма Гнедичу 30 октября 1813 года из Веймара.)*

«Я объехал весь Лейпциг кругом и видел все военные ужасы. Ещё свежее поле сражения, и какое поле! Слишком на пятнадцать вёрст кругом, на каждом шагу горами лежали трупы людей, убитые лошади, разбитые ящики и лафеты. Кучи ядер и гренад и вопль умирающих». *(Из письма Гнедичу из Веймара 30 октября 1813 года.)*

2 января 1814 года с отрядом генерала Н.Н. Раевского Батюшков близ крепости Гюнинга перешел через Рейн:

И час судьбы настал! Мы здесь, сыны снегов,
Под знаменем Москвы, с свободой и с громами!..
Стеклись с морей, покрытых льдами,
От струй полуденных, от Каспия валов,
От волн Улеи и Байкала,
От Волги, Дона и Днепра,
От града нашего Петра,
С вершин Кавказа и Урала!..

26 февраля 1814 года Батюшков посетил замок Сирей, где ознакомился с библиотекой Вольтера: «В Вольтеровой галерее... столовая наша была украшена русскими знамёнами... С некоторою гордостью, простительною воинам, в тех покоях, где Вольтер написал лучшие свои стихи, мы читали с восхищением оды певца Фелицы и бессмертного Ломоносова, в которых

вдохновенные лирики славят чудесное величие России, любовь к отечеству, сынов её и славу меча русского».

Вскоре последовало сражение у Арсиса. «Зрелище чудесное! Вообрази себе тучу кавалерии, которая с обеих сторон на чистом поле врезывается в пехоту, а пехота густой колонной, скорыми шагами, отступает без выстрелов, пуская изредка батальный огонь... Пушки, знамёна, генералы, все досталось победителю». *(Из письма Гнедичу 27 марта 1814 года, в окрестностях Парижа.)*

К середине марта 1814 года русская армия подошла к Парижу: «Мы продвигались вперёд с большим уроном... Все высоты заняты артиллериею, ещё минута, и Париж засыпан ядрами. Желать ли сего? – Французы выслали офицера с переговорами, и пушки замолчали. Раненые русские офицеры проходили мимо нас и поздравляли с победою. «Слава Богу! Мы увидели Париж с шпагою в руках! Мы отомстили за Москву!» – повторяли солдаты, перевязывая раны свои...». *(Из письма Гнедичу 27 марта 1814 года.)*

19 марта 1814 года в составе свиты императора Александра I штабс-капитан К.Н. Батюшков вступил в Париж: «Государь, среди волн народа, остановился у полей Елтсейских. Мимо его прошли войска в совершенном устройстве». «Я часто с удовольствием смотрю, как наши казаки беспечно прогуливаются через Аустерлицкий мост, любуясь его удивительным построением, с удовольствием неизъяснимым вижу русских гренадёр перед Трояновой колонной или у решётки Тюльереи... Французы дорого заплатили за свою славу, любезный друг! Они должны быть благодарны нашему царю за спасение не только Парижа, но целой Франции, – и благодарны: это меня примиряет несколько с ними...». *(Из письма Дашкову 25 апреля 1814 года.)*

27 июля 1814 года в Петербурге К.Н. Батюшков принял участие в празднике в честь «победителя французов» императора Александра I, где на музыку Бортнянского были исполнены куплеты Батюшкова. Главный сценарий праздника также составил Батюшков. В награду он получил от императрицы бриллиантовый перстень, который отослал своей сестре Вареньке, проживавшей в Хантоново, имении их матери.

«И МУЖЕСТВО НАС НЕ ПОКИНЕТ ...»

СВЯТОГРАД ЛУГАНСКИЙ

Юбилей Русского центра в Луганске

«Право на слово. Донбасс. Ру» – с таким названием прошла научно-практическая конференция, посвящённая 10-летию Русского центра Луганской Республиканской научной библиотеки имени М. Горького, 26 и 27 ноября 2019 года. С приветственным словом выступила директор библиотеки Наталья Антоновна Расторгуева перед теми, кто является сторонником и участником такого ёмкого и близкого понятия, как «Русский мир», кто признаёт гуманистическое значение русской культуры на планете. Русский центр, коллектив библиотеки и её читатели стали духовным и интеллектуальным щитом Луганской народной республики. Здесь проведён целый ряд знаковых мероприятий: литературных чтений, круглых столов, конференций, презентаций, встреч с общественными деятелями, писателями, молодёжью из России и Донбасса. Помощь фонда «Русский мир» позволила создать пространство для организации и проведения тематических мероприятий.

Открывшийся 10 лет назад в Луганске Русский центр стал 31-м на планете ресурсным просветительским центром по популяризации русского языка и культуры как важнейших элементов русской цивилизации. Он привлёк представителей научного общества, преподавателей, студентов и школьников, творческую интеллигенцию, СМИ и общественные организации.

Весь мир облетели фотографии 2014 года с пробоиной в стене библиотеки. Но коллектив её продолжал работать. Раненая, но живая библиотека и Русский центр выдавали приходящим читателям книги Александра Пушкина и Антона Чехова, Сергея Есенина и Михаила Булгакова, став излюбленной площадкой для не сломленных духом луганчан – преодолевая кризисы войны, они обрели здесь «территорию смыслов», исторической памяти.

Слово «проект» означает в переводе с латинского «брошенный вперёд», устремлённый в будущее взгляд и одновременно механизм решения задачи. Таких проектов у Русского центра немало: литературно–театрализованные праздники «Поэзия. Личность. Эпоха», лицейские балы, издательский проект книги–миниатюры «Библиотека на ладони» и другие. Русское сердце Луганского края бьётся в стенах «Горьковки». Симфонией звучат голоса современных писателей, учёных, представителей церкви и общественных объединений. «Сопричастность к истории и культуре России органичнее и глубже, когда говорит и поёт душа», – отмечает С. Н. Прасолов, руководитель Русского центра ЛРУНБ им М. Горького. Русское сердце шахтёрского края и интеллектуально–творческое пространство Русского центра – это мягкая сила через книги, песни, слово, это часть Русского мира, переоценить роль которого для Донбасса невозможно.

Конференция «Право на слово. Донбасс.ру»

Практическая конференция «Право на слово. Донбасс.ру» состоялась. Родные по духу люди из разных городов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Смоленска, Оренбурга, Калининграда и Донбасса) встретились в Луганской республиканской библиотеке имени Горького. И встречали нас, как родных. Огромное спасибо Наталье Антоновне Расторгуевой, Галине Владимировне Аксёновой и всему коллективу библиотеки.

Готовясь к поездке, особо её не афишировала, но иногда всё-таки делилась мыслями о предстоящей конференции, и когда мои знакомые и друзья узнавали, что еду на Донбасс, то искрен-

не просили: «Передай людям, живущим на Донбассе, что мы всем сердцем с ними, что они дороги нам, как братья, хотя мы и не знакомы лично!» – «Передай жителям ЛНР и ДНР, что человечество навсегда будет им благодарно за то, что слова «Русский мир» обрели у них сакральный смысл, и внутренняя духовная связь наша священна». И ещё просили передать: «Пусть в двух республиках знают о том, что мы понимаем: в то время как в России ищут «территорию смыслов», на Донбассе их защищают, рискуя жизнью, зная священный смысл бытия». – «Последние пять лет подтвердили правильность выбора Донбасса, устоявшего огромной ценой перед натиском нацизма – гибелью 3,5 тысяч человек. Право на слово на Донбассе использовали и реализовали» – «Правительство Украины, выстрелившее в свой народ, показало, что люди Донбасса – не его народ».

На конференцию «Право на слово...» прибыл С. В. Шурыгин, заместитель исполнительного директора фонда «Русский мир» (Москва), доктор исторических наук, профессор А. А. Непомнящий, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета имени В. Вернадского, А. А. Раздорский, заведующий группой исторической библиографии Российской национальной библиотеки, А. В. Малов, старший научный сотрудник Института Российской истории РАН, А. В. Марчуков, сотрудник Института Российской истории РАН.

Мне было очень интересно познакомиться с С. А. Кочетовой, доктором филологических наук, профессором, ректором Горловского института иностранных языков. Какую огромную общественно значимую работу ведёт это учебное заведение: «Институт оснащён современными лабораториями, видеоклассами. Работают театр «Недоросли», спортивные секции. Студенты являются участниками городских и республиканских мероприятий, будь то праздники, конкурсы, интеллектуальные площадки, спортивные состязания либо волонёрская деятельность». И удивительно, что студентам предоставляется возможность получать две и даже три специальности в пределах академической программы.

Радостно встретила я с авторами журнала «Берега» – Сергеем Прасоловым и Виталием Даренским.

Сергей Прасолов – поэт, прозаик, публицист. Он широко публиковался в периодике и коллективных сборниках Донбасса, России, Украины. Член Союза писателей ЛНР. Член редколлегии луганского альманаха «Крылья», а в настоящее время возглавляет Русский центр ГУК ЛНР «Луганская республиканская универсальная научная библиотека имени М. Горького». Его доклад «Мир постправды: технологии разрушения разума» обращён к осознанному бытию человека и близок мне по мироощущению. Мир постправды опасен для людей, манипуляция общественным сознанием заглушает голос самой действительности. «Истина на деле» постоянно подвергается моральной бомбардировке со стороны «истины скептиков». Вопрос осознанного бытия стоит очень остро: насколько «личные убеждения» соответствуют реальности? Лжец, убеждённый, что говорит правду, остаётся лжецом. «Постправда» – это технология оболванивания. Трагедия современного человечества в том, что «мир так стремится к свободе личной мысли, что готов лишить себя сознания».

Также мне близок по научным предпочтениям Виталий Юрьевич Даренский, доктор философских наук, член Союза писателей России, работает в Луганском национальном университете имени Т. Шевченко. Его блестящий доклад на конференции называется «Духовный смысл русской истории и русское Возрождение Донбасса». Он обращается к мощной, стремительной и основополагающей роли России в мировой истории. Русичи, которых на Западе с удовольствием всегда именовали «варварами», создали великое государство, взяли из слабеющих рук Византии «скипетр мировой хранилищницы истинного христианства – Православия». Россия внезапно обрушивалась в момент максимального экономического величия, если ослабевал духовно–нравственный фактор: в 1223, 1605, 1917, в 1991 годах. Этот духовный фактор – единение народа ради спасения государства. Включённость в классическую культуру, создающую тип духовного человека, позво-

ляет противостоять порабощению «золотым миллиардом», опирающимся на сверхпотребление и «свободу» для греха. И, безусловно, я разделяю видение В. Ю. Даренским современного Донбасса, сформулировав очень коротко: это продукт мощного развития России как евразийской империи; это полиэтнический регион Русской цивилизации; это имперский регион стремительной индустриализации и массового трудового подвига; это земля возрождающегося народа; это точка «сборки» большой Новороссии. Опираясь на Русскую мечту, народы Донбасса показали, что эта мечта сильнее страха, блокады, снарядов и бомб, информационной войны.

Отдавая должное учёным, я хотела бы отметить, что представляла на конференции Союз писателей России, который доказал свою мощную поддержку писателям ЛНР и ДНР. За последние шесть лет журнал «Берега» на своих страницах разместил 46 публикаций, посвящённых Донбассу. Некоторые произведения опубликованы в разных рубриках: Проза, Поэзия, Публицистика. Один из членов редакционного совета журнала, поэт и публицист Григорий Блехман написал о «нравственном шаге редакции – прописать на страницах «Берегов» рубрику «Берега Новороссии». Было опубликовано «Открытое письмо» представителей Союза писателей России: «За признание независимости ДНР и ЛНР». Читателю русскоязычной планеты открылись имена Николая Иванова, Юнны Мориц, Галины Чудиновой, Александра Морозова, Елены Дубровиной, Валентины Беляевой, Эяны Суодене – из России, Беларуси, Литвы. В рубрике «Берега Новороссии» опубликованы произведения Андрея Чернова, Глеба Боброва, Елены Заславской, Людмилы Гонтаревой, Ивана Нечипорука, Виталия Даренского, Вадима Десятирека, Наты Игнатовой, Ивана Донецкого, Владимира Скобцова, Людмилы Горбань, Ирины Бауэр, Алины Мусатовой и многих других прозаиков и поэтов.

В 2017 году я приехала познакомиться лично, поддержать и укрепить дружбу и писательское братство в Луганске и в Донецке. Кусочки янтаря с берега Балтийского моря упали в воды ЛНР и ДНР, и мы теперь навеки связаны, – писатели России

и двух республик. Я приветствую портал «Луганск 1», Луганский информационный центр, выход сборников «Выбор Донбасса», «Время Донбасса», «Осколки», альманахов «Территория слова», «Крылья», сайта «Окопка.ру», газеты «Экспресс-новости». Мы литературно побратались с читателями Луганской республиканской библиотеки имени М. Горького. Материалы, «опалённые войной», это то, что, как сказала Наталья Расторгуева, «на генном уровне объединяет наши народы, мы одна большая цивилизация. Произведения авторов журнала нам близки, мы узнаём наши общие чувства», «наше национальное достояние», потому что Донбасс в своей народно-освободительной войне встал на защиту не только своей независимости, но на защиту человеческого в человеке, православного образа мышления.

27 ноября в Луганске в Информационном Центре состоялся брифинг об итогах открытой научно-практической конференции «Право на слово. Донбасс.ru», посвящённой 10-летию создания Русского центра, в котором участвовали: заместитель исполнительного директора фонда «Русский мир» Сергей Шурьгин, российский историк, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра военной истории России Института российской истории РАН Александр Малов; секретарь Союза писателей России, главный редактор журнала «Берега» (Калининград) Лидия Довыденко; директор Оренбургской научной библиотеки Светлана Мячина; директор ЛРУНБ имени Горького Наталья Расторгуева. Они определяли не только суть Русской Идеи, но и личное мировосприятие, образ мысли, молитвенное и жертвенное стояние за Русский мир.

ЛУГАНЧАНКИ

Ольга

– Как мы пережили 2014 год? Когда стало понятно, что к нам пришла война, жизнь разделилась на «до войны» и сейчас. На

все деньги, получив зарплату, я купила продуктов. Выручила бабушкина традиция. Пережив Великую Отечественную войну, она всё время держала запас продуктов на чердаке своего дома: там стояло три 50-литровые кастрюли с крышками: с солью, сахаром и сухарями. Отдельно запасы муки и крупы.

Так и выжили, в основном, на кашах да заготовках, – другого не было. Как чувствовала, банки с маринованными огурцами, которые я тщательно собрала и закатала, пригодились. Уже стреляли, а я всё ещё варила варенье.

События 2014 года очень сдружили всех нас. Мы делились хлебом, чаем, тем, что у кого было.

Возвращаются ли люди в Луганск? Да, наша знакомая сначала уехала на Украину к родственникам, ютилась там, оставив здесь трёхкомнатную квартиру. Когда я ей по телефону сказала, что в магазинах всего полно, она не поверила, на Украине СМИ убеждают, будто у нас полки пустые. Она вернулась и, когда сходила в магазины, была страшно возмущена украинской пропагандой.

– Есть ли ненависть у жителей Донбасса к Украине? Трудно ответить на этот вопрос. Боль в душе возникает при мысли о войне. Но у меня остались на той стороне родственники и подруги. Подруги передали лекарства, когда мне понадобились. В университете учатся студенты, приезжающие с той стороны, что за линией фронта, потому что у нас учатся бесплатно. Те, кто на договорной основе, тоже не платят, только общежития не получают. Некоторые приезжают лечиться в нашей больнице, получая лекарства, которые нам даёт Россия. Как хочется, чтобы прекратились выстрелы, чтобы у детей было будущее! У нас зарплата в ЛНР – меньше, чем в ДНР, это обидно. Люди устали от войны.

Татьяна

У нас, в Роскошном, долго стреляли людей лазутчики-диверсанты, они появлялись под видом копающих картофель,

а на самом деле расстреливали встречных людей. На помощь пришли чеченцы, они их поймали. А потом танки пошли. Страшно было. В танках почему-то казахи сидели, так мне казалось, что казахи. А так жутко было, что не видно, кто твой враг.

Были и предатели среди жителей Луганска. Но уже рождались штабы Сопrotивления по всему Донбассу, по всей Луганской области: в Красном Луче, в Лисичанске, Северодонецке, Краснодоне, Лутугино, в самом Луганске.

Сын – наш кормилец. Однажды он отправился добыть продуктов. Обещал в тот же день вернуться. Один день прошёл, второй, третий. На четвёртый день, сама не своя, чтобы как-то отвлечься от тревожного ожидания, я решила помыть окна. И вдруг слышу, что муж во дворе с кем-то разговаривает. Я не узнала голоса своего сына, так он был истощён. Вышла навстречу, а сын говорит: «Мама, ты же вся седая!» Я плачу и сквозь слёзы говорю: «Сынок, волосы я покрашу, главное, что ты вернулся живой». Он принёс несколько банок тушёнки и крупы.

Люди Луганска оказались организованнее, например, харьковчан. Там бандеровцы приехали только с молотками в руках и били безоружных харьковчан насмерть. В Луганске учили горький опыт соседей и соратников, поняв, что надо брать власть в свои руки. Стали прибывать люди, настоящие патриоты, в том числе и из Запорожья, Харькова, Днепрпетровска. А население Донбасса было настроено решительно. День 6 апреля 2014 года остался – и уже навсегда останется в истории – днём следующей за Крымом победы Русской весны. Разные люди почувствовали себя единой силой, осознали себя народом. И мы хотим быть не вместе с Россией, а в России. Паспорт российский получила, надо где-то прописаться, а таких родственников в России, кто пропишет, у меня нет... Зеленский когда-то учился в нашей Луганской академии культуры и искусства имени Матусовского, но не закончил, не потянул. Как он там Криворожский окончил, не знаю... Не завидую Украине.

«Половецкие бабы»

Вон как разрекламированы древние сооружения Стоунхендж и остров Пасхи! А ведь они и рядом не стояли по таинственности в сравнении с парком каменных скульптур в Луганске, во дворе университета имени Шевченко. Я много слышала, читала о них – о загадочных «половецких каменных бабах», и вот в этом ноябре я смогла их увидеть. Потрясена!

Эти каменные фигуры похожи на пришельцев в скафандрах, – и это женщины, ждущие ребёнка. Скафандры громоздки, толсты, но из-под них выглядывают аккуратненькие маленькие ножки современных людей. Да простят меня учёные, но именно такое впечатление возникло, когда я долго ходила между «каменными бабами». Официальная наука относит их к коллекции «антропоморфных стел катакомбной культуры XXV–XX веков до н.э. (6 экз.) и памятников сакрального искусства половцев XI–XIII веков (62 экз.)

Странно, что каменные фигуры, относящиеся в XXV веку до нашей эры и к XI веку нашей эры, мало чем отличаются. Это загадка.

Оказывается, в переводе с тюркского языка, баба означает дед, пра-отец. И как бы мне ни возражали, но меня не покидала мысль, что земля заселена посланниками неба, причём, прилетели на землю женщины, уже беременные. Вот почему их скафандры так громоздки. Я думаю, что эти женщины были совершенными, такими, как изображали человека древние греки из мрамора. Но здесь, на территории современного Луганска, не было мрамора, а камни очень трудны в обработке, но маленькие ступни «баб» напоминают о совершенстве.

Каменного истукана Тьмутараканского упоминает автор «Слова о полку Игореве». Одного из древних идолов упоминает князь Н. Львов, который составил проект не построенного памятника. Идол неизвестно куда делся, а вот найденная мраморная плита, размером метр на два и толщиной двадцать сантиметров, потом была привезена в Эрмитаж. Над её загадкой до сих пор бьются учёные. Интересна надпись на предполагавшемся

памятнике по проекту князя: «Свидетель веков прошедших, послужи Великой Екатерине к обретению исторической истины о царстве Тьмутараканском. Найденный, в 1792 году атаманом Головаты, свидетельство его свету сообщил граф Пушкин, из былия извёл Львов Николаевской в 1803 году под началом майора Васюргенцова, при пастыре протоиерее Павле Деменко».

Но не только каменными были идола в древности. Известен идол из чистого серебра, который был привезён в Чернигов из Тьмутаракани князем Олегом Святославовичем. Этот серебряный идол был переплавлен на изготовление Царских врат в Борисоглебском соборе в Чернигове, они сохранились до сих пор, – высотой 4 метра, тонкое серебряное кружево.

Но вернёмся к каменным бабам из XXV века до нашей эры во двор университета. От мыслей о толще веков язычества и их неразгаданности отвлекает современный храм Святой Татьяны, маленький, уютный с иконой «Прибавление ума», маленькой колокольней у входа в храм. Я ставлю свечу у иконы Богоматери Луганской и молю о мире и процветании для луганчан.

Не могу не согласиться с писателем Владимиром Подлужским, который заметил: « не в том ли все беды Новороссии, что в своё время эти благодатные земли вместе с «бабами» были бездумно отрезаны Украине. Хотя по всем духовным и этническим законам принадлежали России. Ведь не зря же американцы по всему миру уничтожают артефакты древних цивилизаций. Война в Новороссии – ещё одно тому подтверждение».

Луганский краеведческий музей

В музей нас, участников конференции, ждали. Нас встретил директор музея Артём Владимирович Рубченко, блистательную экскурсию провёл Иван Владимирович Слётин, мы познакомились с научным сотрудником Ириной Николаевной Ключевой, которая является автором ряда статей по истории музея. На первом этаже мы посмотрели выставку книг-миниатюр и сфотографировались на память.

Луганский краеведческий музей произвёл на меня огромное познавательное впечатление. Диорамы с ландшафтами природы берегов Лугани и Северского Донца, чучела лис, волков, птиц напоминают страницы «Слова о полку Игореве»:

Вещий Боян,
Если песнь кому сотворить хотел,
Растекался мыслию по древу,
Серым волком по земли,
Сизым орлом под облаками.

Глядя на просторы Луганщины, вспоминаешь, как «желая испить шеломом Дона»,

Игорь ратных к Дону ведёт.
Уже беда его птиц окликает,
И волки угрозою воют по оврагам,
Клёкотом орлы на кости зверей зовут,
Лисицы брешут на червлёные щиты...
Прянул князь Игорь горностаем в тростник,
Белым гоголем на воду;

Ты представляешь, как князь обращается к водам Донца Северского:

«Ты, Донец–река!
И тебе славы не мало»...

Мы узнаём историю Луганска, историю строительства чугунолитейного завода, который возглавлял шотландец Карл Гаскойн – специалист, много лет работавший в России. Изучив полезные ископаемые этого края, начал лить пушки из чугуна, а не из меди. Снаряды и пушки производства луганского завода были превосходного качества.

Улица Английская, на которой селились специалисты из Англии, приехавшие на литейный завод, стала первой улицей Луганска. А через некоторое время на этой улице в семье врачдатчанина родился наш великий Владимир Даль – известный писатель, этнограф, автор «Толкового словаря великорусского языка». Немец Гартман организовал здесь общество машиностроительных заводов Гартмана. Это и стало началом славной

истории Луганского паровозостроительного завода, он позже стал выпускать тепловозы, которые экспортировали в тридцать стран.

В середине XVIII века запорожские казаки основывают крупное поселение Каменный брод, где построена первая православная церковь в 1761 году.

Музей был повреждён украинской хунтой в 1914 году, но сейчас эта часть восстановлена. Здесь же экспозиция, посвящённая 5-летию ЛНР. Здесь портрет Валерия Болотова, первого главы ЛНР, погибшего в 2017 году, предметы и документы защитников ЛНР, фотографии гуманитарной помощи России, фото главного хранителя музея Натальи Коченко, погибшей во время артобстрела в 2014 году.

Чернухинская мадонна

Это самая уникальная каменная баба, находящаяся в краеведческом музее. Найдена она в селе Чернухино, поэтому получила имя Чернухинской Мадонны. Уникальная фигура с ребёнком под сердцем. Он ещё не родился, но он есть, скоро появится на свет. И это прекрасная философия вечного возрождения жизни. Так и в Луганской народной республике зреет новая жизнь, которая даст новые ростки святограда Луганского.

Андрей Чернов, луганский писатель, в книге «Код Донбасса» (2019) указывает на культовое начало в момент наивысшего расцвета половецкого камнерезного искусства. Он пишет, что в древности эти степи – правые притоки Северского Донца – были местами кочевий предков древнего Шарукана, его внука – Кончака, того самого, который держал в плену новгород-северского русского князя Игоря Святославича и его сына Владимира. Любопытен и такой факт: после бегства Игоря на Русь Кончак абсолютно добровольно отпустил к отцу Владимира Игоревича, на тот момент вступившего в брак с дочерью Кончака Свободой (в крещении – Настасьей). Поразительно, как древняя земля Луганщины пропитана женским началом.

«В русских летописях говорится, – продолжает Андрей Чернов, – что Владимир вернулся с женой и «дитятем», т.е. ребёнком: «ис половец с кончаковною и створи Игорь свадьбу сынови своему и венча его и с дитятем».

На мой взгляд, «Чернухинская мадонна» хранит секреты, уводящие нас в более глубокое прошлое человечества, гораздо более осведомлённого о сотворении мира и тайнах природы. Так, в интернете я нахожу свидетельства, как каменная баба, как её ни поворачивали, всё равно возвращалась в положение – лицом на восток, как компасы рядом с ней показывали северный полюс прямо у её подножия.

И ещё одну поэтическую ассоциацию родила Чернухинская мадонна. Мне вспомнилась поэма Велимира Хлебникова – «первого Председателя Земли», самой вдохновляющей темой творчества которого была идея единства человечества, слияния его, при сохранении неповторимости личности, в одно единое целое. Во главе человечества должны стоять, ежедневно сменяясь, председатели – представители разных народов и стран – учёные, художники, писатели.

Питательной средой для творчества Хлебникова был эпос на основе народной сказки, или были, послужившие источником многих его произведений: «Каменная баба», «Повесть каменного века», «Венера и шаман», «Три сестры», «Лесная тоска», «Вила и леший». В поэме «Каменная баба» он писал:

Мне много ль надо?
Коврига хлеба
И капля молока.
Да это небо
Да эти облака!

Да, каменная баба заставила поэта посмотреть в небо. Как написал Г. А. Фёдоров–Давыдов, «каменные изваяния, молчавшие столетия, заговорили с ним».

Что надо отроку в тиши
Над серебристою молвой?
Рыдать, что этот Млечный Путь не мой?

Велимир Хлебников, глядя на каменных баб, размышляет об «Уставе любви», об «огромном мотыльке с вишнёвыми огоньками» с «мелькающими крылами», прилёгшим на каменные плиты, спустившись с Млечного пути. «Это сосредоточение ассоциаций, – говорит Фёдоров-Давыдов, – и намёков, из которых рождается у человека ощущение того, что он коснулся истории, которая принимает его и его время как необходимую и закономерную составную часть... Наука разлагает на элементы, анализирует по частям свой предмет; поэзия синтезирует отдельный чувственно неповторимый образ, который продолжает жить в своей оригинальности, тогда как частные научные результаты и достижения уже забыты, они вошли составной частью в новое, более высокое научное открытие».

И каменной бабе огня многоочие
Давало и разум, и очи ей.
Синели очи, и вырос разум
Воздушным бродяги указом.

В заключение поэт призывает смотреть на мир целостным, синтезирующим взглядом. Это похоже на мечту о полёте в космос, до которого он не дожил, умер в 1921 году:

Раньше слепец, сторож овец,
Смело смотри большим мотыльком,
Видящий Млечным Путём.

В. Хлебников хотел, чтобы на его могиле была установлена каменная баба. И потомки поэта нашли такую возможность, привезли её из Киргизии, найденную археологами около озера Иссык-Куль. Потомки Хлебникова посчитали нужным положить каменную бабу, а не поставить. В прорисованной на камне руке «бабы» плод, похожий на гранат – символ вечной жизни.

О воскресении и преображении, о возрождении и торжестве жизни думается в Донбассе, новом типе славянского государства – социально справедливого, идущего по духовной дороге из прошлого в будущее.

Пресвятая Богородица Луганская

Есть в Луганске две иконы Пресвятой Богородицы. Луганск является городом Покрова Богородицы, которая, явившись старцу Филиппу, нарекла его святоградом и царьградом Луганским. В 1905 году 13,14 и 15 июня старцу Филиппу, человеку большой праведности, явилась Божья Мать во сне трижды, и каждый раз в разных возрастах: 40 лет, затем 60-ти лет (по библейским преданиям Богородица прожила 72 года) и в возрасте 18 лет.

По просьбе Филиппа икона была написана неизвестным автором и названа «Ведение во сне. Юго-Западная Трёх-Личная Божия Мать». Эта икона при жизни старца находилась в его маленькой келье, в домике площадью два на три метра, и после смерти Филиппа исчезла. Икона при его жизни была неоднократно сфотографирована и размножена.

После смерти революционера и старожила Политбюро ЦК КПСС (34 года) Клима Ворошилова в советское время Луганск был переименован в Ворошиловград, на что старец Филипп говорил тогда, что город был и останется Луганском, а Ворошилова люди забудут. А кто будет называть икону Ворошиловградской, у «того шишки на языке вырастут». Также старец Филипп предрекал, что будет написана новая икона Богородицы Луганской в воспоминание о событии явления Пресвятой Богородицы над Луганском, она будет прославлена тем, что спасёт Луганск, что приедут чужеземцы и поклонятся ей, а жители города будут петь и радоваться.

В 1992 году по благословению Архиепископа Луганского и Старобельского Ионникия, по просьбам верующих монахов-иконописцев Псково-Печерского монастыря в византийской иконописной традиции была написана икона Божией Матери Луганской. Святой образ защитницы и покровительницы не имеет аналогов в Православном мире. Она находится в соборе Святых Петра и Павла в Луганске, а день её почитания – 13, 14 и 15 июня, – как было сказано старцем Филиппом, Богородица велела чтить эти дни как Пасху.

В эти дни в 2019 году состоялся совместный крестный ход духовенства Луганской, Ровеньской и Северодонецкой епархий.

Торжественное шествие возглавили митрополит Луганский и Алчевский Митрофан и архиепископ Ровеньковский и Свердловский Пантелеймон.

С пением молитв архиереи, духовенство, монашествующие и миряне в преднесении образа небесной покровительницы Луганщины прошли по главной улице города Советской от храма иконы Божией Матери «Умиление» к храму Всех святых.

При совершении праздничных богослужений возносились молитвы о мире и умножении любви среди народа, а также о единстве Святой Православной Церкви.

Тайну иконы Пресвятой Богородицы Трёхличной многие пытаются расшифровать (очень много материалов в интернете): при сложении чисел возраста Богородицы, являвшейся старцу во сне, получается цифра 118. Если прибавить её к 1905, году явления Богородицы над Луганском, то получается 2023 год, на который возлагается надежда на мир и окончательную победу Донбасса над мировым закулисем.

Старец Филипп

Во второй день конференции «Право на слово. Донбасс.ру» участники её отправились на автобусе в Краснодар. По дороге остановились ненадолго, чтобы поклониться праведному старцу Филиппу и коснуться дубовой колоды, превратившейся в камень по божественной просьбе Филиппа. На его могиле построена часовня, а около неё установлена в кружевной металлической ограде часть окаменевшего дерева, которую на глазах у неверующих комсомольцев Филипп претворил в камень, обратившись к Богу.

По благословению митрополита Луганского Иоанникия написано Житие старца Филиппа Луганского.

Дьякон Филипп Алексеевич Горбенко родился 22 ноября 1858 года в крестьянской семье, а умер он в 1956 году в возрасте 98 лет. Он не был в каком-либо церковном сане, чине и звании, в дьяконы рукоположён после войны, исцелял и пророчествовал: например, предсказал распад Советского Союза. Ему не верили. Он взял кувшин со стола и ударил его о стену, попросил подсчитать количество осколков. Их оказалось 15. О будущем Украины говорил: «Бедная моя Украина, поработят её иноземцы и все заводы займут».

На портрете он изображён с булкой белого хлеба. Впервые, он часто раздавал хлеб людям при жизни, а во-вторых, говорил: «Кто вспоминать меня будет и молиться Пресвятой Богородице Луганской, сыт будет хлебом и на земле, и на небе».

Дьякон Филипп говорил при жизни, что у могилы его будет поставлен храм и часовня. Уже сегодня мы можем это увидеть.

Уже сейчас согласно предсказанию Филиппа Луганского, город становится местом паломничества людей со всего мира. Они хотят встретиться, поговорить, увидеть, прочувствовать будущую Новороссию, которая повлияет в духовном плане и на Россию, на её духовное преображение, и вместе с Россией на всё человечество. Это не что-то фантастическое. Всё больше людей на земле понимают, что здесь, в Луганске, проявилась одна из вершин человеческого духа.

Здесь, в Луганской народной республике остались те, кто по-настоящему крепок духом, искренне любит свою землю, любит свою республику, ведь они с оружием в руках отстояли и будут отстаивать свою землю. Здесь произошло, казалось бы, невозможное: сквозь целлофан и санкции глобализма, античеловеческие выпады хунты пробились ростки Новой Руси! Спасение, духовное и нравственное, красота служения Святому Духу идут в Россию и мировое пространство из Луганска.

Александр и Марк

Наверное, у Александра, который рассказал, что он три года был в ополчении, что он владеет всеми видами техники, военной и гражданской, за исключением самолёта, были свои причины назвать своего сына Марком. Мальчик очень умный, приятный, симпатичный, общительный, ходит в детский сад, больше всего любит играть с «Лего».

А мне его имя напомнило вновь старца Филиппа, который видел во сне Богородицу. Эта история относится ко сну, где пресвятой деве Марии около 60 лет. Царица Небесная шла в направлении с Юга на Север, и путь её как бы совершал крестное знамение над городом. Она двигалась в сопровождении монашеского чина с хоругвями в руках, как изображено на иконе Богородицы Трёх-Личной. Старец Филипп увидел впереди идущих с хоругвями монаха со светильником, они пели: «Пресвятая Богородице Луганская, спаси нас и покрый нас Пресвятым Твоим белым покрывалом...»

В то же время старец Филипп увидел, что бесовские силы стали мешать этому шествию, бросая камни. Матерь Божия обратилась к Сыну Своему, и тут невидимой рукой воздвиглась кирпичная стена, отгородив их от нечисти.

Во впереди идущем монахе старец Филипп узнал юродивого по имени Марк (в народе его звали Марочка, жил в Луганске до 50-х годов прошлого века).

Не берусь предполагать судьбу реального Марка, но желаю ему счастливой, долгой жизни, как и всем детям Донбасса.

Краснодон. Музей Молодой гвардии

Какая чудесная экскурсовод – Елена Викторовна Стешенко – нас встречала! Спасибо ей! Она вела нас по священному музею, кровь стыла от ужаса от того, что делали фашисты, и с каждым мгновением росло уважение и восхищение молодого

гвардейцами, 15–16-летними детьми, и росло чувство скорби от подробностей их гибели, после обезображивающих тело пыток.

Молодогвардейцы практически все – выходцы из казачьего рода, дети из семей шахтёров. Они хорошо учились, были талантливыми ребятами: играли на музыкальных инструментах, участвовали в художественной самодеятельности, читали стихи, ставили маленькие инсценировки, увлекались фотографией. Их комсомольские билеты бережно хранятся за музейным стеклом. Мы видим пылающую биржу, поджог которой молодогвардейцами предотвратил угон в Германии 2000 человек, мы видим поднятое молодогвардейцами красное знамя над школой. Потрясают фотографии похорон. Когда фашистов выбили из города, тела извлекали из шурфа, куда на пятидесятиметровую глубину были сброшены юные герои, их лица невозможно было различить, опознавали родители своих детей по одежде.

Позвольте напомнить молодым читателям очерка, что среди 74 участников подполья Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 сентября 1943 года молодогвардейцам Ульяне Громовой, Ивану Земнухову, Олегу Кошевому, Сергею Тюленину, Любови Шевцовой посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. 5 мая 1990 года почётное звание Героя Советского Союза было присвоено также командиру подпольной организации Ивану Туркеничу (посмертно).

Весь мир узнал о подвиге молодогвардейцев после выхода романа Александра Фадеева «Молодая гвардия» в 1946 году. Книга издавалась 270 раз на 40 языках. Уже в 1948 году на экраны вышла кинолента «Молодая гвардия», созданная гениальным С. А. Герасимовым. Елена Викторовна рассказала, как приехали в Краснодон молодые актёры, тогда ещё неизвестные Инна Макарова (Любовь Шевцова) Владимир Иванов (Олег Кошевой), Нонна Мордюкова (Ульяна Громова), Вячеслав Тихонов (Владимир Осьмухин), Клара Лучко (тётушка Марина).

Владимир Иванов был определён на квартиру в семью Олега Кошевого. «Олег», – воскликнула мать Олега Кошевого, когда увидела Владимира Иванова, таково было внешнее сходство реального героя и актёра.

Владимир Иванов был участником войны, был на передовой артиллерийским разведчиком. Он был принят в семью Кошевых. Бабушка Олега Кошевого дала рекомендацию в партию Владимиру Иванову. Со временем он забрал к себе в Москву мать Олега Кошевого. Когда она умерла, на похороны пришли все актёры, снимавшиеся в «Молодой гвардии».

«Самая страшная сцена в картине – казнь молодогвардейцев. Её снимали четыре ночи. Это было по-настоящему страшно! – вспоминала Клара Лучко. – Стояла глубокая осень, было очень холодно. В Краснодоне сохранился шурф, куда сбрасывали ребят. На эти съёмки пришли тысячи людей со всех окрестностей. Приехало несколько машин «скорой помощи».

Горели костры. Когда произносил речь Володя Иванов – Олег Кошевой, местные жители не просто плакали: они рыдали. Родители погибших ребят падали в обморок».

Для моего поколения, у которого родители были участниками войны, всё, что было связано с «Молодой гвардией», было и остаётся священным.

Выйдя из музея, мы подошли к памятнику «Клятва», к стеле «Скорбящая мать», поклонились могилам молодогвардейцев у Вечного огня.

Раньше говорили, что историю делают не правители, а народы. Устарело ли это мнение? Правители сейчас считают, что они делают историю, не считаясь с народом. Исчезла сакральность власти из-за интернета и СМИ. Есть ли народы? Или уже только электорат?

В Донбассе есть, здесь народные республики, а не олигархат. Все герои этого очерка – это подлинные представители народа Донбасса, выразители его боли, побед, выявленных сакральных смыслов, что даёт уверенность в грядущем светлом дне окончательной Победы Донбасса.

«ДОНБАССКИЙ КОД»

Андрея Чернова

Андрей Чернов – литературовед, критик, публицист, секретарь Союза писателей ЛНР, автор книги «Притяжение Донбасса» (Москва, 2016), заместитель главного редактора литературного альманаха «Крылья» – давно занимается изучением истории, культуры и литературы Донбасса, отмечен российскими литературными наградами, медалями ЛНР, живёт и работает в Луганске.

Неоднократно выступал Андрей Чернов в различных изданиях, в том числе в журнале «Берега», с очерками и статьями, посвящёнными духовной сфере жизни в Донбассе, а теперь соединил их в книгу «Донбасский код», которая вышла в июле 2019 года.

«Донбасский код» – это альтернатива «информационному целлофану», в который завернули две республики недобросовестные СМИ. Это книга, построенная на настоящем, живом, подлинном, что носят в душе жители Донецкой и Луганской республик. От смысла к смыслу, от берегов Северского Донца, от исторического осмысления топонима «Донецкий бассейн», от биографии к биографии известных писателей и героев, от Сократа донецких степей и Чернухинской мадонны движемся мы вместе с автором к современности, чтобы попытаться прорваться к перспективам уникального уголка земли, показавшего в эпоху массового потребительства пример духовной высоты для человечества.

Вспоминаются строки современной поэтессы Марины Струковой:

Они рождены, чтобы сдаться...
Но мы рождены – их спасти.

Действительно, в то время, когда руки большинства землян день ото дня, из года в год жмут на кнопки гаджетов, чтобы в ту же секунду забыть, о чём они только что читали, во что они только что играли, когда мир погрузился в мертвящее безволие, под высоким донским небом сохранилось нечто такое, что стало угрозой для тех, кто направил не только информационное оружие, но и реальные бомбы и пули в сторону людей, живущих в непокорённых республиках, сохраняющих русский язык как «маяк собственной культурной идентичности».

Андрей Чернов сосредоточил в своей книге внимание на том, что относится к родовому, православному, русскому, соборному, сквозь слёзы и горе сегодняшнего дня, сквозь вечный «трижды петушиный крик» вышел в стихию действительно слова. Речь писателя сильными толчками движется вперёд в 24 очерках, развеивая мифы проплаченных авторов о якобы «социальном гетто» и «криминализованном населении» на территории ЛНР и ДНР.

Святогорье и Бахмут – древнейшие города на территории Добнбасса – появились в исторических документах в XVI веке как пограничные и сторожевые, чтобы предупредить нападение на Русь крымчаков. Донские и запорожские казаки селились у «перелазов» – мест перехода через реку. В 1721 году Григорий Капустин открыл здесь залежи каменного угля: в Лисичанске, Шахтах. На берегах Северского Донца, Бахмута и Луганя селились славяне, осваивая степи и добычу угля, создав Славяносерию, описанную в книге «Переселение» сербским автором Милошом Црнянским.

Екатерина Вторая, присоединив Крым к России, назвала эти края Новороссией, а затем издала указ о строительстве чугунолитейного завода.

О Донецком каменноугольном бассейне рассказывали многие русские писатели: Антон Чехов, Викентий Вересаев, Александр Куприн, Аркадий Аверченко.

Автор «Донбасского кода» обращает внимание на то, что у них нет упоминания слова «Донбасс», появившегося после

революции 1917 года. Из газет и плакатов шагнуло это слово в литературу, в «Мистерию-буфф»

Владимира Маяковского. А потом, в двадцатом веке, оно прочно срослось с именем Алексея Стаханова, с «Молодой гвардией» Александра Фадеева, с романом «Донбасс» и повестью «Непокорённые» Бориса Горбатова, со стихами Владимира Сосюры и Михаила Матусовского, в 2014 году – с боями у 7-го блокпоста, где киевские каратели не смогли пробиться на правый берег Лугани и не вошли в Октябрьский район Луганска.

Прекрасны страницы истории Луганского чугунолитейного завода, занимавшегося кроме всего прочего художественным литьём. Например, высокохудожественная работа – памятник в честь Победы над Наполеоном в древнем Полоцке, самовары, чашки, блюда, сахарницы из чугуна, но лёгкие, кружевные, с позолоченными деталями. В Горном музее Петербурга хранится шедевр луганского художественного литья – ожерелье с крестом и браслет, говорящие об изяществе, тонком вкусе луганских мастеров. Эстетическое чутье проявилось в выпуске чугунных скульптур Петра Первого, А. В. Суворова. Многие музеи России хранят в своих сокровищах изделия луганского художественного литья с позолотой: ажурные блюда, настенные украшения, статуэтки, а пушка «Крепостной единорог» стала визитной карточкой Луганска и первым памятником города.

Луганск дал России Владимиру Ивановича Даля, создателя словаря русского языка. Здесь родился и вырос Михаил Матусовский. Книга «Луганчане», затем «Семейный альбом», свет которого разливается по всей Вселенной, говорит о душевном трепете и мягкой ласке к родной земле. Кто не знает песни «Подмосковные вечера», переведённой на многие языки мира, или романа «Белой акации гроздьа душистые...»

Донбасс проехали с выступлениями Владимир Маяковский и Семен Кирсанов, в Луганской области родился знаменитый Маршал Советского Союза Андрей Иванович Ерёменко. Великий русский полярник Георгий Яковлевич Седов, действитель-

ный член Русского императорского географического общества – сын донбасской земли.

В край угля и металла приехал впервые в 1916 году писатель Константин Паустовский, поселившись в гостинице «Великобритания» в Юзовке, где останавливались в своё время Александр Куприн и Александр Серафимович.

Первомайск и Артёмовск, Краматорск, Луганск, Донецк питали вдохновением Бориса Горбатова.

В Донбассе появился на свет титан советской журналистики, депутат Верховного Совета СССР, политический обозреватель газеты «Правда» Юрий Александрович Жуков.

В Донбассе чтят память бесстрашной лётчицы Лидии Литвяк, Героя Советского Союза, погибшей в боях за освобождение Донбасса от немецко-фашистских захватчиков.

Писатели Михаил Колосов, Иосиф Курлат, Олег Бишарев, Тарас Рыбас своим творчеством обязаны донбасской земле, небу и водам донбасских рек, внесли свой вклад в культурное своеобразие края.

«Донбасский код» – это родовое чувство, наше тайное духовное единство, наша уверенность в победе света над тьмой, крещенская вода Северского Донца и Лугани, это рубеж-река против либерально-фашиствующих последователей Бандеры, против отчаяния и смерти.

Книга Андрея Чернова говорит о его тесной, гибкой, множественной связи с культурой родной земли, о чувстве сокровенной верности ей, растворённости в ней и любви к дивным донским пейзажам и Божьему миру в сердцах родных луганчан.

ДОРОГИЕ МОИ ФРОНТОВИКИ

Они любили жизнь, мои дорогие ветераны, и святой праздник – День Победы. Их судьбы подобны бусинкам, вплетённым в роскошную косу российской красавицы по имени Победа. «И так сладко рядить Победу, // Словно девушку, в жемчуга!» Эти слова написал Николай Гумилёв в Первую мировую войну, а звучат они и сегодня свежо и ярко, потому что День Победы – священный праздник, требующий поклониться «тем годам, которых забывать нельзя». Кто-то суетно пытается украсть у нашего народа Победу, умалить Её, переписать историю, но Россия боль свою всегда умела переплавить в силу. Сохраняет она потребность поклониться «и живым, и мёртвым» «всем миром, всем народом, всей землёй!» за тот «великий бой», в котором народ, связанный святым братством, совершил великий подвиг, решив исход битвы, неслыханной по жестокости. Мой рассказ звучит устами тех, кто вернулся из боя, выжил «всем смертям назло», но перед тем, как уйти в другой мир, завещал нам жизнь. На разных дорогах встретили они Победу, но все искренне верили, что фашизм, ввергнувший их, их семьи в ад войны, нужно победить, и они это сделали, потому что шли не убивать, а защищать страну.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ РОМАХИН

Путь к Победе у него начался с горестного отступления к Москве из Белоруссии, где он проходил воинскую службу. Закончив учительские курсы в 1940 году, Павел Иванович получил направление на работу в школу на Кубань, в Роговской район, в станицу Джерелиевскую, а осенью его **взяли** в армию. Служил в Гайновке Гродненской области в артиллерии:

– Мне доверили дальномер, я определял высоту, передавал на приборы, а потом по целям била зенитка. В мае 1941 года нас от-

правили в деревню Крупки Минской области на сборы. «Кукурузник» рукав таскает, а мы по нему бьём. Если близко к самолёту стреляем, он крыльями покачивает. Когда началась война, у нас было только две пушки для тренировки, а стрелять нечем. А тут уже Минск бомбить начали. Меня перебросили на артиллерийский склад, доверили нам эшелон с боеприпасами. С фронта приезжали машины, а мы грузили снаряды. К осени вместе с нашими отступающими частями мы приблизились к Москве. На станции Реутово мы выгрузили последние

П. И. Ромахин

снаряды и начали сами делать мины, упаковывая в ящики. У нас не было начальства. Руководил всеми старшина, а я у него был в заместителях. Потом меня перевели в школу миномётчиков. От Сталинграда наша часть была переброслена к Ростову. Здесь фашисты, боясь мешка у Кавказа, сопротивлялись недолго и отступили. И вот Полтава. В памяти навсегда остался случай удивительный, даже мистический. Копаю окоп. Вдруг непонятно откуда к ногам упал лист бумаги, на котором с удивлением вижу портрет А. С. Пушкина. Сложил листок вчетверо и носил в гимнастерке всю войну. И сейчас сохранилась лишь его четвертинка.

Павел Иванович достаёт альбом с фотографиями и показывает стёршуюся четвертинку портрета Пушкина.

– Это моя священная реликвия, может быть, сохранившая солдата на войне. Я всё время думал, как это могло случиться тогда, что ветер принёс мне этот листок. Мы рыли окопы в широком поле, окружённом лесом, до ближайшей деревни километров пять. На войне не до поэзии, тяжёлые солдатские будни, и хотелось как-то объяснить себе, что же это значит, что к моим ногам ниоткуда, можно сказать, с неба упал портрет поэта. Стал вспоминать стихи Пушкина, которые учил в школе. И тут пришли на ум строчки из «Полтавского боя» Пушкина:

Уж близок полдень. Жар пылает.
Как пахарь, битва отдыхает.
Кой-где гарцуют казаки.
Ровняясь, строятся полки.
Молчит музыка боевая.
На холмах пушки, присмирив,
Прервали свой голодный рёв.
И все – равнину оглашая,
далече грянуло ура:
Полки увидели Петра.

– И я себе объяснил появление передо мною портрета Пушкина, как знак предстоявшей победы над врагом. Как шведы были разгромлены под Полтавой, так будут разгромлены фашисты.

С этой верой, с боями Павел Иванович прошёл Украину, а потом – Румынию, Венгрию, Болгарию, Югославию. Как поётся в песне, «мы пол-Европы прошагали», это относится в полной мере и к Павлу Ивановичу Ромахиному.

– Как замечательно нас встречали в Югославии! – вспоминает солдат. – Для нас открыли бесплатные харчевни, приносили нам корзины винограда. Так хорошо, сердечно, дружелюбно к нам относились!

День Победы Павел Иванович встретил в Альпийских горах. О врагах-фашистах мой рассказчик всё время говорит «он» (враг):

– «Он» засел в горах, укрепился на вершинах, и нам нужно было его оттуда выбивать. Альпы – очень красивые горы, но погибло здесь наших солдат немало, – загрустил Павел Иванович. Какой невыносимой ценой досталась Победа!

Мы помолчали, а потом мой герой продолжил:

– Согревала мысль, что здесь когда-то был Суворов. Мне неоднократно предлагали пойти учиться на командира, но я не хотел расставаться со своими ребятами, и остался солдатом.

А потом было возвращение на родину, от Альпийских гор до Каменец-Подольска – пешком. Кроме множества медалей, у Павла Ивановича два ордена Славы. Я прошу рассказать о событиях, предшествовавших этим наградам.

– К первому ордену я был представлен после взятия Днепра. Нам сообщили, что немцы везут снаряды для фронта колонной машин. Это было в плавнях Днепра в 1943 году. Мы эту колонну своими минами расчехвостили в пух и прах, – вспоминает Павел Иванович. – А второй орден – за Будапешт. Это горная крепость. Гитлер планировал её не сдавать. Мы свою огневую позицию установили, а связи нет, где-то провод перебит. По-сылали связиста, он не вернулся. Ещё двоих послали – тоже не вернулись. Послали меня. Я дошёл до перекрёстка улиц и вижу, что там лежат мои мёртвые товарищи. Перекрёсток простреливается, чтобы не дать нам наладить связь. Я высчитал, что «он» бьёт через каждые две–три минуты. И мне понадобилось выскакивать из укрытия на эти две минуты несколько раз, чтобы провода соединить: выбежал – собрал провода, и в укрытие. Выбежал – зачистил зубами их – и в укрытие. Я соединил их и услышал, что миномёты вскоре заговорили...

После демобилизации Павел Иванович вернулся в родную деревню в Рязанской области, а подруга писала ему с Кубани письма. Её звали Надежда Григорьевна, и она стала женой Павла Ивановича. Вместе уехали в Краснодарский край. Работали в школе в посёлке имени Тамаровского. Павел Иванович стал директором школы, преподавал историю, а Надежда Григорьевна – русский язык и литературу. Закончив Московский педагогический институт, он вместе с семьёй уезжает в Сибирь. После войны в деревнях Кубани было мало детей, а значит, часов в школе тоже было немного. И Павел Иванович оказывается в посёлке Котовском, в Яйском районе Новокузнецкой области. Здесь он тоже работал директором школы. В письмах, которые ему слали оттуда позже, ученики писали: «Деревья, посаженные Вами, сейчас превратились в шумящий сад». Дело в том, что Павлу Ивановичу было удивительно, как это люди живут без сада у дома. Деревня большая среди тайги, и одна единственная берёза на улице. По его почину и предложению были высажены сады у домов, у школы, на улице. И все жители потом вспоминали добрым словом директора школы Ромахина.

Павел Иванович с семьёй возвратился на Кубань, поселился в станице Роговской. Здесь были корни его жены, Надежды Григорьевны, далёкие предки которой были выходцами из Запорожья. Здесь, на Кубани, у её прадеда Балахтыря была своя земля, табуны лошадей, стадо коров, а бычков вообще не считать. На месте прежнего прадедовского дома был построен новый дом. И земля приняла нового хозяина.

– Был у меня ещё один случай в жизни, который считаю знаковым. Однажды в 1957 году копал я огород и нашёл мужской серебряный перстень с двумя буквами «П» и «И». Буквы на печатке выбиты такие витиеватые, линии плавные, закруглённые. И я решил, что это знак мне: «Твоя земля, работай на ней, возделывай её».

И Павел Иванович дом построил, сад посадил, растил своих детей и своих учеников. После смерти Надежды Григорьевны в 2003 году Павел Иванович переехал в Балтийск Калининградской области, к дочери Ларисе, тоже по профессии учительнице истории, как и отец. Он вспоминает свой великолепный сад, виноградник и скучает без него. Два года назад Павел Иванович начал писать стихи, хотя раньше, чтобы написать письмо, надо было сделать усилие над собой. Но ведь он с родины Есенина, и не зря ему с неба упал листок с портретом Пушкина.

– Сад ты мой любимый, – складываются строчки у Павла Ивановича. Он вспоминает черешню у дома, грецкий орех, цветущий абрикос, колодец, оставшийся от деда Данилы, громадные кисти винограда, помидоры весом в кило – один.

Две больших толстых тетради стихов Павла Ивановича Лариса с любовью перелистывает и какие-то зачитывает мне.

– Мне все его стихи нравятся, но особенно те, где звучит потрясающая любовь к маме: «Глаза твои свели с ума, // Как много света вижу в них!»

А также в его стихах много описаний природы, – продолжает Лариса. – Он хочет природу очеловечить, чтобы мы понимали друг друга.

Павел Иванович в свои 96 лет был полон любви и нежности к людям, к природе, к своим двум внукам и правнукам.

ГРИГОРИЙ ПЕТРОВИЧ ВОРОБЬЁВ

Григорий Петрович родился в 1922 году в Рязанской области, был жизнелюбивым человеком, открытым, добрым. О войне рассказывать не любил, потому что тяжело вспоминать боль, горечь, муку человеческую. Рассказал он лишь вот какой эпизод:

– Помнится тяжелейший бой у деревни Керново на речке Воронке. Рота, где я служил, получила приказ: выкопать окопы в человеческий рост, и «Ни шагу назад!» Чтобы нас оттуда выкурить, фашисты наносили бомбовые, артиллерийские удары, миномётным и пулемётным огнём нас накрывали. Но мы держались. И тут вдруг наступила тишина. Стали шевелиться, стряхивать с себя землю, попавшую в уши, за шиворот. У немцев передышка. А нам очень пить хочется. Пока не начался следующий обстрел, я решил выбраться в сгоревшую недалеко деревню, чтобы добыть воды. Ползком и перебежками добрался я до места, где была деревня. Жуткая улица, только печи от домов остались. Головни ещё дымятся. Колодец нашёл, а ведра нет. И вижу, что одно здание поодаль уцелело. Решил я в него войти. Оказалось, это школа. Я осторожно ступил на порог, толкнул дверь с коридора, прямо напротив входа. Это была, видимо, учительская, где стоял стол, а на нём – патефон. В эту минуту я забыл о войне, о только что пережитом ужасе от воя снарядов и оглушительной бомбардировки с воздуха. Я рванулся к патефону и завёл его, поставил иголку на пластинку. Полилась чудесная мелодия. Это был «Вальс цветов» из балета «Щелкунчик» П. И. Чайковского. Что это было за потрясение души, я не могу передать. И все волнения, то напряжение физических и душевных сил, которое было пережито во время боя, на несколько мгновений забылись. Такой контраст был между смертельной опасностью и классической музыкой!

Патефон с этой единственной пластинкой я взял и понёс с собой; соседняя с учительской дверь привела в класс, где в левом углу на скамейке стояла кадка – широкое деревянное ведро с металлической ручкой. Я смог дотащить до окопа воду вместе с патефоном. Заведя его, я смотрел, как смягчаются лица солдат,

Г. П. Воробьёв

О себе Григорий Петрович рассказал так:

– У моих родителей было три сына и одна дочь. Я был призван на действительную службу 6 октября 1940 года после окончания техникума. Во время войны сражался в действующих войсках береговой службы Балтийского флота, начиная с первого дня войны. Участвовал в обороне Лиепайи, Ленинграда, а затем – в прорыве блокады и освобождении Прибалтики в звании сержанта, командира отделения, помощника командира взвода. После победы, 30 января 1946 года, переведён в Пиллау (Балтийск) в составе строительного управления флота с дислокацией в Фишхаузене (Приморске). Принимал активное участие в ремонте, в строительстве военных и гражданских объектов. 12 декабря 1956 года назначен директором строительной школы, где учились дети из детских домов. Всего 2000 человек получили документы о строительном образовании. С 1 сентября 1961 года в школе стали готовить матросов I класса – рулевых и рыбообработчиков. Всего обучено и выпущено 8000 специалистов на все типы судов Калининградрыбпрома. В 1965 году награждён знаком «Отличник профтехобразования». 1 июля 1987 года училище было закрыто, и я был назначен начальником дорожного участка Горкомхоза. Тогда было заасфальтировано 6000 квадратных метров до-

когда звучала мелодия Чайковского. Патефон передавали из рук в руки по окопу и слушали, согреваясь музыкой, пока пластинка окончательно не затёрлась. Уже после войны, находясь в гостях в Минске, я уговорил своего брата пойти в Академический театр на балет «Щелкунчик». Брат долго сопротивлялся:

– Тащишь меня на детскую сказку.

А потом, после спектакля, вместе радовались миру, находясь под воздействием волшебного спектакля.

рог и тротуаров, посажено около 1000 деревьев, восстановлен 1 километр ливневой канализации. С 1 июня 1997 года я на пенсии. Состою в Совете ветеранов, принимаю участие в военно-патриотическом воспитании молодёжи. Жена – Воробьёва Лидия Константиновна – участник войны, минёр, умерла в 1997 году. У нас одна дочь, двое внуков и два правнука.

Григорий Петрович Воробьёв награждён орденом «Отечественной войны II степени» и 30-ю медалями. Среди его реликвий письмо, которое он получил уже после окончания войны. В нём написано: «Спасителю моей жизни». На просьбу рассказать, как это было, Григорий Петрович скромно отвечает, что это было на Троицкой высотке, что это письмо одного бойца, которого раненым вынесли с поля боя на плащпалатке четверо солдат.

– Я был одним из этих четверых, – тихо произносит ветеран и замолкает. Как расскажешь о том, что ещё до сих пор не сказано...

КЛАВДИЯ ВАСИЛЬЕВНА ГОЛЕНКОВА

– Я вернусь, мама! – говорила Клавдия Васильевна, уходя на войну. Она родилась 20 мая 1924 года в деревне Гаврилово Ногинского района Московской области в крестьянской семье. – Нас, детей, было шестеро, – вспоминала Клавдия Васильевна. – Один брат, остальные – сёстры. Отец наш умер в 30-е годы. Мать воспитывала нас одна. Брат был призван служить на Дальний Восток, но потом был переведён со своей частью под Смоленск, где и погиб.

В школу мы ходили в соседнее село, расположенное за шесть километров от нашей деревни. Одежды и обуви не хватало, поэтому один приходил, раздевался, разувался и передавал следующему ребёнку. Две старшие сестры в школу не ходили, а помогали по хозяйству дома. У нас была корова, но молока мы не видели, потому что сдавали его по госпоставке. Налог присылали платить за всё: молоко, мясо, яйца, шерсть. Есть это

К. В. Голенкова

в хозяйстве или нет, не имело значения – заплати. Я после школы поступила в педагогическое училище, но не успела его закончить. Началась война. В мае 1942 года в 9 часов утра я была в военкомате. Нас погрузили в вагоны – и вперёд! Прибыли в Выползово Калининской области. Там распределили – куда, кому, на какие курсы. Я попала на курсы водителей автомобилей. Обучение длилось месяц, а потом я оказалась в 75-м БАО (Батальоне аэродромного обслуживания), села за руль полуторки на автозаправку. Мы прибыли на озеро Селигер. Две недели я была стажёром, и вот самостоятельный выезд на аэродром. Нужно подвезти на машине горючее в случае вылета самолётов на боевое задание.

Я выехала одна. К дороге близко подступал густой кустарник. И вдруг машина заглохла. Я вышла из машины и подняла капот. Поняла, что ничего не могу сделать, и горько заплакала. Со слезами на глазах стала шевелить проводки, и вдруг... машина заработала. Всё дежурство я её не глушила, так как боялась, что она не заведётся, когда надо будет выезжать на аэродром. Постепенно я стала привыкать к машине. И ребята хорошие были в автороте. Всегда помогали, никогда не оставляли в беде. Но командир роты – капитан Вишневский – был очень строгим и требовательным. Служба была очень тяжёлой. Недосыпали, ходили впроголодь. Утром в столовой выдадут сухари или пайку хлеба – и вперёд! Во время дежурства есть хочется, достанешь сухарь, а он бензином пахнет, солидолом, но жуёшь. И всё время мечтала, как закончится война, вернусь домой, буду месяц отсыпаться.

Много испытаний поджидало Клавдию Васильевну на войне: бомбёжки, окружение, обстрелы. Однажды она ехала в ко-

лонне по лесной просеке, замыкая вереницу машин, везла цистерну топлива. Дорога была настолько ужасной, что пробила сразу три колеса. Остановилась. Колонна ушла вперёд. Вокруг ни души. Она двинулась на край просеки и увидела вдали советскую машину, а рядом двое солдат. У них закончилось топливо. Клавдия предложила им бензин взамен на ремонт шин её автомобиля. Водитель машины согласился и направился к полуторке Клавдии.

– А где шофёр? – спрашивает он у Клавдии.

– Это я, – отвечала девушка.

Ей не верили, пока она не показала свои руки, сбитые, с мозолями, с пятнами гари. Все три колеса ей быстро отремонтировали, и Клавдия догнала своих.

Как хотелось мирной жизни! Однажды на Курской дуге ждало Клавдию Васильевну маленькое потрясение, которое не забылось до конца дней. Она проезжала по местам крупного сражения: всюду кровавые трупы, вздыбленная воронками земля, изувеченные деревья и техника. От больших деревьев стояли высоченные пни, потому что подрублены были снарядами. Стояла жара, ужасно хотелось пить. И вдруг Клавдия выехала к реке. Остановила машину, вышла, наклонилась над рекой, чтобы попить и... с содроганием отшатнулась от берега. Вода была красная от человеческой крови, в реке угадывались человеческие тела. Тогда Клавдия решила подняться вдоль берега вверх по течению, и минут через двадцать перед ней открылась нетронутая войной зелёная поляна с цветами на ней, а у берега чистая, прозрачная вода над песчаным дном. Показалось, что она в раю, что перенеслась в счастливую мирную жизнь. Вспомнилась родная деревня. Красота природы перевернула всю душу, но и дала ей, измученной, какую-то новую силу, чтобы жить и сражаться дальше.

В апреле 1945 года часть, где служила Клавдия Васильевна, вброд переправлялась через Неман. На середине реки мотор машины захлебнулся. Не раздумывая, Клавдия разделась до белья и прыгнула в ледяную воду. Стояла ранняя весна, воздух был холодным и влажным. А вода в реке казалась ещё холоднее.

Машину удалось завести, и Клавдия выехала на берег. Однополчане уже несли ей тёплую одежду и спирт.

Окончание войны наступило для Клавдии Васильевны в городе Шадов под Ригой. И вот, наконец, 29 сентября 1945 года она демобилизовалась.

Она вернулась, как и обещала маме, в свою деревню. Но Клавдия Васильевна, которая прошла три года войны, дома вдруг заболела, целых полтора года не могла выкарабкаться.

– Вернулась домой с деревянным чемоданчиком, денег ни копейки не было, деревня разорена. Всё, что было в доме, выменяно на хлеб. На войне ни разу не чихнула, даже насморка ни разу не было, – говорит Клавдия Васильевна, – бывало, сырую воду пьёшь, даже в болоте мох раздвинешь и напьёшься, и была здорова, а после войны, видно, спало напряжение, да и питание скудное, лекарств никаких в деревне. Только травы пила, этим и спаслась, приехав в Балтийск к своей старшей сестре. Работала коком на корабле, в военторге, ходила на расчистку послевоенных завалов, а позже устроилась в филиал завода «Газавтоматика». Работала токарем–оператором, обслуживая 15 станков. Выйдя на пенсию, не сидела дома, а старалась подработать, ведь после смерти мужа приходилось рассчитывать только на себя.

Вышла замуж она в Балтийске, оставив свою девичью фамилию, мотивируя тем, что из Голенковых одна осталась. За руль машины, теперь уже новенького «Москвича», она снова села лишь в 1983 году. Женщина за рулём в те времена выглядела экзотично. Но главное, Клавдия Васильевна была человеком прекрасной души, верной подругой и общественницей. В праздники она надевала свои боевые награды: орден Отечественной войны II степени и множество медалей, среди которых и «Ветеран труда».

ГЕРОЙ РОССИИ – ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ КРЕТОВ

Когда я пишу о ком-то, то стремлюсь к тому, чтобы люди знали и понимали, что рядом с нами живут сильные, душевные люди. Совершив героические поступки, они остаются в тени, и мы мало знаем о них. В основном, для многих людей источником информации остаётся телевидение, не стесняющееся выносить на всеобщее обозрение человеческую подлость, гнусность, низменные инстинкты.

Но нам необходимо знать, что в нашей жизни на самом деле есть место самоотверженным поступкам и доблести. И сегодня мой рассказ об удивительном человеке, скромном и мужественном калининградце Павле Крете. Он первым из строевых лётчиков России совершил ночную посадку на палубу тяжёлого авианесущего крейсера «Адмирал флота Советского Союза Кузнецов» с последующим взлётом, за что был удостоен звания Героя Российской Федерации в 2000 году.

На вопрос, заданный Павлу Павловичу, о том, как он оказался в полку корабельных истребителей, он рассказал:

– Началось всё с 90-х годов, когда я был вовлечён в историю посадки самолёта на палубу авианосца. Накануне перестройки в Советском Союзе, в частности в Крыму, в районе города Саки, задумывалась советская «Силиконовая долина». Предполагалось, что в этом Центре будет работать 5000 человек. Филиалы его планировались в Киеве и Санкт-Петербурге. Но распад Советского Союза не позволил осуществиться этим планам.

Насмотревшись в Ютубе видеосъёмок посадки истребителей на палубу авианесущего крейсера «Адмирал Кузнецов», ознакомившись с историей крейсера и историей жизни учителя Павла Павловича – Героя России Т. А. Апакидзе, – я ловлю каждое слово Павла Павловича.

Центр боевой подготовки корабельной авиации был образован в 1988 году на базе 39-го Управления корабельной авиации (Саки-4) и просуществовал до 1993 года. Планировалось, что центр будет заниматься подготовкой всех корабельных лётчиков страны: истребителей, штурмовиков и вертолётчиков. После перехода под юрисдикцию Украины центр входит в состав Ганиц (Феодосия), потом переподчиняется 5ВА (Одесса), а в конце 1993 года на его базе развёртывается командование морской авиации Украины. В её руках оказался уникальный корабельный тренажёр НИТКА. Лишь после присоединения Крыма российские лётчики смогли повести подготовку на уникальном корабельном тренажёре НИТКА в Саках. Наземный имитирующий тренажёр корабельной авиации (НИТКА) – точная копия палубы тяжёлого авианесущего крейсера «Адмирал Кузнецов». Стальное лётное поле длиной 290 метров с трамплином и аэрофинишером – устройством для торможения самолёта. Специальные механизмы могут даже имитировать морскую качку, как на корабле.

В марте 1992 года в Минске проходила встреча глав государств СНГ. На эту встречу с обращением к президентам направился начальник воздушно-огневой и тактической подготовки 1063-го центра полковник Т. А. Апакидзе, на тот момент он был первым из двух строевых военных лётчиков, совершивших посадку на авианосец. Полковник Апакидзе пользовался огромнейшим авторитетом у подавляющей части офицеров центра, умел чётко и убедительно излагать свои мысли, имел дар красноречия. Он был предан корабельной авиации и понимал, что будущее её под угрозой. В то время в прессе шла массированная кампания по воздействию на сознание обывателей: мол, авианосцы нам не нужны, они очень дороги в эксплуатации, им нет места в военной доктрине России. В то время как в США тогда активно нарабатывались умения лётчиков-истребителей. Уезжая в Минск спасать авианосцы, Тимур Автандилович понимал, что эта поездка может дорого стоить ему: снятие с должности, отстранение от лётной работы и увольнение из рядов ВС, но и за корабельную авиацию кто-то ведь должен был постоять.

Его не приняли ни в Минске, ни в Москве, ни президенты, ни министры обороны СНГ, но текст обращения он смог передать в нужные руки. С его обращением высокие должностные лица были знакомы.

– Наш коллектив, – вспоминает Павел Павлович, – который должен был быть частью центра научных разработок в Саках, оказался на Севере. Наш руководитель Тимур Автандилович Апакидзе прошёл на Севере вместе с нами долгий период восстановления или становления во второй раз. С середины 90-х годов мы приступили к полётам на корабль. Крейсер проходил второе рождение. Снова вовлекались все в этот процесс, когда и авианосец возрождался, и мы, лётчики, были настроены на результат. Хотя часть инженеров и документации осталась на Украине, мы теперь уже на Крайнем Севере, в Мурманской области, в более суровых условиях вновь начали нелёгкий путь. Апакидзе сыграл ключевую роль в сохранении авианосца «Адмирал Кузнецов» в составе Военно-Морского Флота России. Ведь в те годы у Российской Армии не было средств на содержание палубной авиации: на горючее для учебно-тренировочных полётов, на постройку новых машин, происходили сокращения личного состава. В тех условиях Т.А. Апакидзе поставили задачу: посадить эскадрилью самолётов на палубу, иначе авианосец должен был разделить участь своих недостроенных собратьев – пойти под нож. Постепенно мы освоили корабль, сходили на боевую службу в Средиземное море, прошли Атлантику и показали миру, что Россия может многое, а мы, корабельные лётчики, в состоянии достойно представлять интересы Родины в любом уголке мира.

14 октября 1995 года на тяжёлый авианесущий крейсер «Адмирал флота Советского Союза Кузнецов» была осуществлена 800-я посадка; её совершил на самолёте «Су-25 УТГ» командир смешанной авиадивизии полковник Т.А. Апакидзе. Мужество и героизм при освоении новой техники были отмечены награждением группы первых корабельных лётчиков авианосца Золотой Звездой Героя России.

В 1996 году отмечалось 300-летие Российского флота, которое ознаменовалось значительным событием в истории

отечественного ВМФ. Несмотря на сложное финансовое положение, в котором оказался и флот, его командование успешно провело первый длительный поход в Средиземное море отряда боевых кораблей и вспомогательных судов ВМФ России в составе двенадцати кораблей и судов трёх флотов во главе с ТАВКР «Адмирал Флота Советского Союза Кузнецов». Мы, калининградцы, затаив дыхание, следили тогда за новостями, так как на маршруте перехода к ним присоединились сторожевой корабль «Пылкий» и легендарный танкер «Олёкма» Балтийского флота. Экипажи кораблей и судов отряда отрабатывали в Атлантике элементы совместного плавания, проводились учения с применением корабельной авиации, организации поиска иностранных подводных лодок и слежения за ними; обнаружения, наблюдения и слежения за авианосными ударными группировками ВМС НАТО.

Тогда крейсер «Адмирал Флота Советского Союза Кузнецов» посетил у берегов Туниса командующий 6-м флотом ВМС США. Группа адмиралов и офицеров была приглашена на многоцелевой авианосец «Америка», пришедший для встречи с российскими кораблями из района своего боевого патрулирования в Адриатическом море. Там наши лётчики В. Г. Пугачёв и Т. А. Апакидзе приняли участие в полётах с авианосца в качестве членов экипажей американских самолётов F-14 «Томкэт» и С-3А «Викинг». Этот поход подтвердил, что Россия может и должна вступить в четвёртый век своего регулярного флота, оставаясь великой морской державой.

Но вернёмся к нашему герою, ведь главным достоинством российского авианосца является его авиагруппа. В её составе находятся поистине уникальные самолёты и вертолёты. Прежде всего, это «Су-33» – единственный в мире тяжёлый истребитель, который может садиться на корабль и взлетать с него без катапульт.

– Следующим этапом, – продолжает свой рассказ Павел Павлович, – стало освоение авианосца ночью. И когда мы все посадки выполнили, завершился полномасштабный процесс принятия на вооружение этого корабля. Освоение ночных по-

лётов и посадок на авианосец корабельного истребительного авиаполка поднимающиеся в небо грозные «Су-33» показывают всем, что порох у нас в пороховницах ещё не отсырел. И по окончании этих событий была награждена целая плеяда инженеров, техников, военнослужащих орденами, медалями, и три человека получили государственные премии. Среди награждённых Указом Президента РФ оказался и я, получив Героя России. Это звание – итог труда огромного коллектива людей: инженеров, конструкторов, лётчиков. Формулировка Указа: «за посадку самолёта на авианосец в ночное время». Но это стало уже обыденностью. Посадок было много. Учения – это когда уже всё апробировано, и ставится точка. Учения – это подведение итогов. А у нас был результат того, чего в России ещё никогда не было, в Советском Союзе тоже не было. Это новый шаг в самолётостроении и в кораблестроении. Новый этап, в котором моя задача – посадить самолёт на палубу корабля и взлететь с неё.

– Когда Вы в первый раз это сделали, что Вы чувствовали? Какое время года было, какое время суток? – интересуюсь я подробностями.

– В корабельной авиации говорить о чувствах очень сложно. Осторожность, также насторожённость присутствуют всегда. Нет ничего сложнее, чем взлететь с корабля. Дама с косой ходит совсем рядом, потому что это очень опасно, поэтому о чувствах можно подумать лишь потом. Я работал, а чувства приходят после сделанного. Эти чувства невозможно как-то передать, как-то охарактеризовать. Можно лишь попытаться сравнить, как я читал у одного американского лётчика, с радостью первого свидания с женщиной и спуска на велосипеде с крутой горки. Если это соединить всё вместе и умножить на сто, только тогда можно получить приблизительное понятие о том, какие чувства и переживания испытывает лётчик во время посадки на корабль. Медики нас всё время сопровождали, у нас были специальные приборчики, показывающие пульс, давление и т.д. Во время посадки пульс доходил до 150 ударов!

Все переживания приходили потом, а во время работы ты настраиваешься и отделяешь себя от всяких эмоций, от опас-

ностей, страхов. Если ты поддашься эмоциям, ты не выполнишь задач. Я заставляю себя работать, а не чего-то ожидаю.

– А сколько времени отходите от пережитого? Как выражается это в настроении и самочувствии?

– Около месяца, а то и двух, всё прокручивается в сознании, сон нарушается, и снова и снова переживаешь посадку и взлёт. Потом плавно отпускает.

Это огромная психологическая нагрузка, потому что за короткий промежуток времени ты должен выполнить большое количество действий, и не просто выполнить, а чётко и правильно, в определённой последовательности, быстро, профессионально. Колоссальное психологическое напряжение! Действия должны быть исключительно верными и профессиональными.

– Расскажите, пожалуйста, как это было впервые.

– Это был октябрь, межсезонье на Севере, когда день переходит в ночь: полярная ночь ещё не пришла, но уже была близко. Время уже подходило к тому, что осень могла резко смениться зимой, а погода в это время не бывает хорошей. Но погода была рабочей. Хотя волнение на море было, но небо было безоблачным. Рабочая погода, что способствовало выполнению задачи. Очень многое зависит от слаженности коллективов корабля и лётчика – это главное. Это было ночью, в 23 часа, были все готовы. Командир Апакидзе принимал решение, когда начинать полёты. Была поставлена задача: завершить процесс освоения авианосца выполнением ночных посадок. И мы это сделали, несмотря ни на что! Так было ознаменовано окончание тысячелетия.

Мы сделали огромное дело, оно могло произойти гораздо раньше, и если бы всё пошло по плану, по тому сценарию, который был задуман в Саках, то сегодня, возможно, международная ситуация была бы другой.

– Посадка на авианосец производится командой или лётчик в самолёте один?

– В самолёте–истребителе лётчик один.

– Повторили за Вами Ваш подвиг другие лётчики?

– И достаточно много... Сейчас молодые ребята делают это лучше нас, более профессионально. Бывшие подчинённые сейчас уже выше по профессионализму. Видимо, учили хорошо. Они радуют своим лётным мастерством.

– Чем-то запомнилось награждение в Кремле, в Георгиевском зале?

– Да, я там познакомился с Капустиным Женей. Он был танкистом, метко стрелял в Чечне, попадал с первого снаряда, и у него не было потерь. Такой скромный парень, мне очень понравился.

– Как прокомментируете эпизод при присоединении Крыма, когда наши лётчики напугали американских, массово написавших рапорт об увольнении?

– Это показатель нашей готовности и американской. Они привыкли к комфортной жизни. И когда что-то выбивает их из комфорта, это приводит в замешательство. Но не надо обольщаться. Они свои недостатки быстро ликвидируют, улучшают технический и моральный уровни, они постоянно воюют с конца Второй мировой войны, у них опыт. Так что нельзя заниматься шапкозакидательством. Они постоянно тренируются. Военные люди – они постоянно в деле. У них другие подходы, и они быстро реагируют на свои оплошности. Тщательно подготовлены. Отпустили тех, кто попросился уйти, и пришли другие. Лёгких отношений с ними не предвидится.

– По участию в Сирии – Ваша оценка наших лётчиков.

– Наши лётчики показывают хорошие результаты в готовности защиты России. Дальняя авиация участвовала в выполнении таких задач впервые. Если армия не воюет, то чаще нужно учения проводить. Не подвергать застою, не самоуспокаиваться. Как военный человек, отбросив политику, несущую жертвы, разрушения, боль, рассуждаю с позиции защиты интересов государства. Третья мировая война уже идёт давно, начавшись в Югославии. Пожар идёт. Война идёт за ресурсы, а мы богатейшие в мире в этом плане. У кого-то возникает желание поживиться. Все войны двигались на восток. Иллюзий питать не надо. Обстановка сложная.

Полковник запаса Павел Кретов – один из пионеров отечественной палубной авиации. Налетав в общей сложности свыше 2500 часов, он в совершенстве освоил 10 типов самолётов и внёс значительный вклад в развитие тактики воздушного боя истребителей «Су-27» и «Су-33». Всего за годы службы офицер осуществил 170 посадок на авианосец. За подвигом стоит тяжелейший труд, безграничное мужество в стремлении к цели, огромнейшие физические, психологические нагрузки до дрожи рук, до ватных ног. Опасность подстерегала на каждом шагу, риск аварий и катастроф ходил рядом. Приходилось и катапультироваться, были посадки на авианосец не с первого и не со второго захода. Но мудрый, вдумчивый наставник Апакидзе, его методики и разработки, точное и безукоризненное следование им, максимальная концентрация, молниеносная реакция, ювелирная точность, хладнокровие помогли Павлу Павловичу освоить ночные взлёты и посадки на корабль – сначала на «Су-25 УТГ», а затем на палубный истребитель «Су-33». Приходят новые поколения опытных лётчиков России, но нельзя забывать тех, кто первым с риском для жизни, своим интеллектом и мужеством проторил дорогу к величайшему прорыву в истории отечественной палубной авиации.

Короткая биографическая справка. Родился 7 декабря 1958 года в селе Тымовское Кировского района Сахалинской области. В 1980 году окончил Ейское высшее военное авиационное училище лётчиков им. В. М. Комарова. В 1980–1990-х годах служил в частях ВВС Балтийского флота. В 1993 году окончил Военно–Морскую академию им. Н. Г. Кузнецова. После окончания академии переведён в ВВС Северного флота. В 1996 году назначен командиром 279-го отдельного корабельного истребительного полка морской авиации, дислоцированного в Североморске-3. С 1999 года – заместитель начальника отдела боевой подготовки ВВС Северного флота. В дальнейшем продолжил службу в ВВС Балтийского флота, был назначен начальником боевой подготовки ВВС Балтийского флота. С 2009 года – в отставке. Председатель Калининградского регионального отделения российской общественной организации Героев России и Советского Союза, член Общественной палаты Правительства Калининградской области, депутат Калининградской областной Думы.

ДРАМА МИРА И ВНУТРЕННЕЕ ОФОРМЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

«ВНУТРЕННЕЕ ОФОРМЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

в творчестве Николая Арсеньева

Семья философа русского зарубежья Н. С. Арсеньева принадлежала к тем кругам русской аристократии, которые умели совмещать высокое положение в обществе с преданностью православной Церкви и с любовью к России. Род этот блистательно представил брат философа – Василий Сергеевич Арсеньев в книге «Род Арсеньевых». Николай Сергеевич Арсеньев в своей итоговой книге «Дары и встречи жизненного пути» (1974) писал о своей семье: «Со всех сторон меня захватывали потоки живых интересов, связанных с историей человеческой мысли, литературы, общественных устремлений, истории народов, истории искусства».

Уже первая книга философа «Жажда подлинного бытия» обращена к духовным поискам человечества, к древнейшим источникам различных культур, свидетельствующих о глубинах духовной жизни человека. Это надписи на каменных плитах Верхнего Египта, поэзия Древнего Вавилона, Махабхарат Древней Индии, поэзия и философия Древней Греции и Рима. Во всех источниках находит мыслитель примеры «томления духа» и «искания выхода», «искания опоры в Вечном, Реальном». Арсеньев рассматривает «томление духа» как «жажду подлинного

бытия» и удовлетворение её Откровением свыше, ощущением Полноты жизни, жизни в любви, которая – он считает – может быть актом волевого усилия.

Интерес к «внутреннему оформлению человечества» берёт свои истоки в семье Арсеньевых. Князь Юрий Алексеевич Долгорукий и его жена Елизавета Петровна (урождённая Давыдова) были родителями бабушки Николая Сергеевича по отцовской линии. Они знали Хомякова и ценили сочинения швейцарского пастыря Александра Винэ (1797–1847), профессора истории литературы Лозаннского университета. Винэ мечтал о сближении между христианами, взаимопонимании, особенно между протестантами и католиками.

Долгорукие интересовались Оксфордским движением 30–50-х годов XIX века. «Отсюда началось, – писал Н. С. Арсеньев, – усиленное стремление многих выдающихся представителей Англиканства к сближению с Православной церковью, отсюда началась дружественная переписка А. С. Хомякова с одним из виднейших деятелей Оксфордского движения В. Пальмером. Когда в 40-х годах Пальмер приезжал в Россию, он часть лета провёл у Долгоруких в их имении Красное, Новосильского уезда, Тульской губернии. Арсеньев рассказывал о ряде посещений России некоторыми членами Англиканского Епископата. Приехавшие в Россию на коронацию императора Николая II, англиканские иерархи вели беседы о возможности сближения Англиканства с Православной церковью. Англичанин Джон Беркбек, который стремился познакомить соотечественников с учением Православной церкви, особенно с её литургической жизнью, издал переписку Хомякова с Пальмером, трактат Хомякова «Церковь едина» в переводе на английский язык. Беркбек 18 раз приезжал в Москву, и был знатоком православного богослужения. Он говорил, что во всем христианском мире нет ничего равного по красоте московским службам Страстной недели и Светлого воскресения. Большая заслуга Арсеньева состоит в том, что в книге «Единый поток жизни» он собрал сведения о влиянии Православия на европейскую культуру. Он приводит примеры церковных деятелей и авторов книг, чьи сердца от-

крылись «духовным сокровищам Православия». «Образы русских святых – Сергия Радонежского, Серафима Саровского, Тихона Задонского, образы Оптинских старцев – стали (особенно с появлением на Западе русской эмиграции) знакомы и дороги многим западным читателям. После первой мировой войны религиозное воздействие христианского Востока на Запад усилилось чрезвычайно (тут сыграли роль литургическая красота Православной церкви, русская икона, Достоевский и религиозные русские мыслители)». Таким образом, книга «Единый поток жизни» опровергает до сих пор бытующее мнение, выраженное, например, Вышеславцевым: «Из того, что пишется и говорится на Западе, я вижу, что русский народ и русская судьба всё ещё остаётся полной загадкой для Европы. Мы интересны, но непонятны; и, может быть, поэтому особенно интересны, что непонятны. Мы и сами себя не вполне понимаем...»

Индивидуальное, национальное и вселенское в русской литературе

Хотелось бы подчеркнуть, что Арсеньев немало сделал для того, чтобы мы, прежде всего, «были сами себе понятны». В книге на немецком языке «Русская литература нового времени и современности в их духовной взаимосвязи», которую, к сожалению, до сих пор никто не перевёл, а мой перевод нигде не опубликован, автор, рассуждая о специфике русской философской мысли, пишет, что она заключается в призыве к служению «вселенскому духу любви». По убеждению Арсеньева, этому великому призванию Россия часто оказывалась неверной, недостойной. Но это чисто русская мысль, именно славянофилы сформулировали «смысл жизни и истории человечества» как «свободу морального развития личности и вместе с тем любовь, объединяющую нас воедино с братьями в великий живой организм». Заветы славянофилов оказали воздействие на всю отечественную духовную, не только религиозно, но и светски ориентированную традицию русской философской мысли, най-

дя отклик и в западной мысли. Среди этих заветов особая роль принадлежит соборности, которая по Арсеньеву, – не внешний авторитет, а это наша собственная, более высокая жизнь. Причём, Арсеньев подчёркивает, что не только русский народ стремится к абсолютному добру. «Религия и философия всех народов задолго до христианства установила, что человек и даже всё мировое бытие влечётся сознательно или бессознательно ввысь к абсолютному совершенству, к Богу. Различие между людьми и народами состоит в том, в какой форме и в какой степени осуществляется у них это стремление вверх и под какие соблазны они подпадают при этом».

«Высший цвет человечества» Арсеньев видит в лице святых, которые есть в каждом народе. Они вместе с тем и высший цвет нации, произведшей их, но они не укладываются в рамки национальные, как и вообще все лучшие духовные и культурные ценности человечества. Русские святые поэтому, –уверен Арсеньев, –сверх национальны, ибо из сверх национального и Вечного черпают свою силу. Они высшее достижение человечества.

Русская литература открывается Арсеньевым как всечеловеческая ценность. Духовная глубина произведений русской литературы предстаёт во взаимосвязи национального, индивидуального и вселенского. Арсеньев утверждает, что именно литература конкретного народа в первую очередь даёт представление о его духе, его духовной сущности. При этом нельзя отбросить индивидуальность и своеобразие каждого художника, так как общественное внутренне скреплено с индивидуальным. То, что глубоко национально, то является всечеловеческим. Конкретно-индивидуальное и всечеловеческое неразрывно связаны, потому что духовное содержание ищет совершенную форму.

Арсеньева волнует будущее России и роль в этом будущем духовной культуры: «Немо ли для нас и для будущей свободной России русское прошлое или есть живая связь? Вот вопрос решающего значения. Решающего оттого, что не может поток течь вперёд, если он отрезан от своих истоков, и не может расти ввысь дерево, лишённое корней. Ибо жизнь есть одно органи-

ческое нераздельное целое. Без традиции нет истории, нет жизни народа, но традиция эта динамична, она устремлена вперёд и уходит вглубь. К художникам, выходящим на «общечеловеческое, вселенское и вечное», Арсеньев относит Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Картины толстовского мира Арсеньев называет «динамизмом жизни», выражающимся в мелочах мира человеческого и мира природного. Он выделяет в творчестве Толстого поклонение красоте и теплу русской семейной традиции, «укоренённости» в родном быте и участие в западной культуре. Л. Н. Толстой и глубоко народен, и общечеловечен. Тоска жизни, утверждает Арсеньев, недоумение над жизнью, боль и сознание «тщеты» поначалу мало проявляются в его творчестве. Жизнерадостность помогает ему преодолеть тоску жизни. Творчество и красота обновляющейся природы есть главное противоядие этой тоске. А потом супружеская любовь! И охота, и верховая езда, и природа, и интерес к народу, и динамическая устремлённость вперёд, и внутренне питание души могучей духовной традицией, питавшей предыдущие поколения. А далее – кризис, из которого Толстой вышел, но с точки зрения Арсеньева, найденное им решение – «безблагодатно».

Не признавая благодати, Толстой, по убеждению Арсеньева, ставил человека одного перед лицом превышающих его человеческие силы «требований ригористической морали». В то же время Арсеньев убеждён, что Христос для Толстого «был в противовес его рационалистическому отрицанию», всё-таки больше, чем учитель совершенной морали.

Центральная тема творческих исканий Достоевского – существование Бога. Арсеньев считает, что Достоевский своим мировоззрением связан со славянофилами, которые ощущали своё дело не только как глубоко национальное, но также как всемирное. Эту всемирную работу продолжил Достоевский. Корни мировоззрения писателя, как и у славянофилов, в русском народе, он, как и его народ, «тоскует по тому, что свято». И Достоевский приходит к «уравновешенности, к умственной зрелости и одухотворению», так как это есть «у нас в аскетической традиции церкви», и в «народной душе». Герои Достоев-

ского, являются примером самоотверженной, отдающей, смиренной любви, «этой огромной силы», как считал Достоевский. Отмечая одностороннюю ироничность, несправедливость отношения Достоевского к другим народам, Арсеньев находит объяснение ей в «горячей любви к своему народу». Но его завещание – «захватывающая Пушкинская речь» – полностью «пронизана большой всемирной точкой зрения о взаимопонимании народов». Высокое предназначение своего народа он видит в том, чтобы «вызывать это взаимопонимание, принимать души других народов братски. Эта всемирная, всечеловеческая широта духа» – особенность гения Пушкина, как явления «пророческого». То же можно сказать и о Достоевском. Его миссия, его предназначение – «пророческое».

Внутреннее преображение человека и технический прогресс

Современник и друг Арсеньева Г. Н. Трубецкой спрашивал: «В настоящий исторический момент человечество стоит на перепутье. Что же победит в нём – культурный зоологизм или «сердце милующее»? Чем надлежит быть вселенной – зверинцем или храмом?» Арсеньев развивает свою мысль в рамках идеала преображения. Выбор один: Апокалипсис или преображение. В русской литературе XIX века мотив преображения явно и неявно присутствует у многих авторов. В лирике Пушкина, например, преображение героя – основной принцип. По мнению Арсеньева, метафизическая струя у Пушкина может носить невольный характер, но этим добавлением ничто не ослабляется, так как душа поэта «стремится прикоснуться к основному, благому Смыслу Жизни». И в этом стремлении личность его просветляется, преображается. Поэтому «так умирительно» действует на него молитва Св. Ефрема Сирина и образ простой, смиренной праведности в русском народе – «и няня его, и Татьяна, и чета Мироновых, и благочестивый быт русской семьи». С ним совершается чудо или он сам поднимается до та-

ких вершин духа, где становится способным простить, принять, покаяться, то есть измениться, преобразиться под действием тех благодатных стихий, к которым он прикоснулся в момент озарения. Арсеньев утверждает, что «Пушкин – без излишней теоретизации – знал лучше многих других, что такое есть традиция духовной культуры». Его стихотворение «Пророк», задуманное вначале как некий нравственно–политический призыв, перерастает эту первоначальную тональность и приобретает характер религиозного зова». По мнению Арсеньева, бессмертие творчества Пушкина, вдохновлённого «музами, античным миром, Куницыным, Жуковским, Шенье, Державиным, может быть, ещё больше Кремлёвским пожаром, битвами 1812 года, судьбами русского народа», состоит в «назаглушимо звучащем в его душе и будящем нас зове к служению Высшей Красоте и Правде».

Арсеньев не одобряет тех, кто стремился преобразить мир усилием воли через революцию. Христианская идея преображения здесь была извращена, потребность в вере была заменена партийностью. В русской духовной жизни таится великое мессианское ожидание. Обоженное человечество – конец и цель истории и единственное положительное решение загадки существования.

Заключение

В отличие от многих своих современников, Н. С. Арсеньев, констатируя всеохватывающий кризис культуры, показывает возможность создания «жизнеспособной духовной культуры». Он понимал, что познание общечеловеческих ценностей и оснований культуры начинается с усвоения и осмысления культуры «изнутри», через личную судьбу, историческую судьбу народа, национальных гениев, героев. Будущее и настоящее России в её «реформаторских порывах» невозможно без осмысления исторических традиций и особенностей русской культуры, их сохранения. Народ, не сохраняющий свои традиции, нищает

духом, оскудевает, «превращается в чернь». Где нет духовной преемственности, там «буксуют реформы».

Арсеньев, переосмыслив главные достижения мировой духовной культуры, приходит к выводу, что православный путь святости и есть «ответ на загадку человеческой жизни». «В свете ужасных потрясений, перенесённых нашим народом, много ложных ценностей пало, многое подверглось переоценке, многое забытое или казавшееся забытым, воссияло опять перед нашим взором». Он уверен, что культура развивается и обогащается в диалоге с другими культурами, но акцентирует внимание на национальных чертах характера, особенностях русского способа постижения мира, связывая его с возрождением своего народа. Перспективы национального развития, проблемы смысла жизни сочетаются с проблемой исторического призвания народа. Пробудившийся в нем дух искания, ориентация на православные ценности, открывают его духовному взору значение исторических явлений. Вязкости рассудочных сомнений он противопоставил веру как явление духовной свободы, обратившись к глубинам национального духовного опыта, к нравственному, «внутреннему оформлению» русского народа и человечества.

Николай Сергеевич Арсеньев (1888–1977) – русский религиозный философ, культуролог, писатель и поэт. Большая часть жизни Арсеньева, имеющая косвенное отношение к знаменитому произведению И. Бунина, давшего фамилию известного в России дворянского рода своему главному герою (писатель был дружен с Натальей Сергеевной Арсеньевой, сестрой философа Николая Сергеевича), прошла в изгнании, её можно разделить на три периода: российский (до 1920), кенигсбергский (1920–1948) и американский (1948–1977). Его перу принадлежит 60 книг и сотни статей, проникнутых мыслями о судьбе России, о её возрождении, о её вкладе в духовную сокровищницу человечества.

ПЕСОК В КОЛЕСА ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ МАШИНЫ

Возврат к национальной традиции —
вот истинная новизна для нашего
времени.

Г. В. Свиридов

Ф. М. Достоевский говорил, что «здравый рассудок при-
молкает, как сирота, когда кончаются вопросы». И вопросов,
слава Богу, хватает. Мы свидетели или участники битвы чело-
века с постчеловеком? И если участники, то на какой стороне?
И каким будет пейзаж после этой битвы? Постомодернизм под-
сунул ноль в знаменатель дроби известной толстовской форму-
лы о человеке. Цивилизационная машина деконструирует цен-
ностные оппозиции, налагает запрет на чёткое разграничение
смысла и бессмыслицы, добра и зла. С исчезновением культур-
ной и духовной традиции исчезает человек, он умирает после
объявленной «смерти» Бога. «Утрачивается историчность, как
размерность человеческого бытия, базирующаяся не только
на открытости будущему, но и сбережения, ценности прошед-
шего». «Вместо тотальности прошлого мы имеем тотальность
будущего»¹. Говорили об изменении человека и мира, сейчас
встал вопрос о сохранении и сбережении. Ставится вопрос об
обречённости мира, вытеснившего своё духовное содержание.
Цивилизационная, «нетрадиционная», ориентация проистекает,
по выражению И. А. Ильина, из слепоты к божественному,
порождающая отсутствие благоговения к священному, тупое
безразличие или лицемерие.

В то же время несомненна правота Б. Пастернака в том,
где родились основные плоды, ценности мировой культуры
и возникшая вне России, но из её корней, русская религиозная

философия, ещё не совсем возвращённая и не прочитанная у нас, утверждавшая верность традициям духовной русской культуры, конституирующая человека на началах веры и любви. Вязкости рассудочных сомнений, она противопоставила веру как явление духовной свободы. Уточняя своё призвание, свой предмет и метод в свете всех пережитых блужданий и крушений, отойдя от подражания западным образцам, она обратилась к глубинам национального духовного опыта, стала убедительным и драгоценным исследованием духа, дала русскому народу и человечеству «нравственное оформление».

К этой глубинно мыслящей плеяде философов русского зарубежья принадлежит Н. С. Арсеньев. Мне хотелось бы представить некоторые его мысли из пока ещё не переведённой на русский язык книги, посвящённой русской литературе, изданной почти 90 лет назад, но по-прежнему отвечающей на вопросы современности¹. Динамическая традиция, – считает Арсеньев, – раскрывает сущность культурного процесса. Это не отдельные вспышки духа, а единый поток жизни духа, вытекающий из глубины прошлого, творящий жизнь – настоящее и будущее. «Жизнь есть одно органическое нераздельное целое: нельзя его разрезать на куски и удовольствоваться отрезком настоящего, ибо получится кусок трупа»².

Философия и литература рассматриваются им как формы русского самосознания. Арсеньев обращается к русской литературе, потому что она в первую очередь даёт представление о духовной сущности народа, раскрывая полноту жизни, которую даёт лишь «опора в Вечном, в Свете истинном, просвещающем человека»³. Художник, творец – очевидец мировых тайн и духовных прозрений, поэтому писатели «могут свидетельствовать, могут будить, смотреть вперёд и громко говорить о будущем, могут устремлять свой взор в прошлое

---

¹ *Arsenjev N. Die russische Literatur der Neuzeit und Gegenwart in ihren geistigen Zusammenhängen. – Mainz, 1929.*

² *Арсеньев Н. С. Из русской культурной и творческой традиции. – Франкфурт-на-Майне, издательство: Посев, 1959, с. 8.*

³ Там же – с. 124.

России и приближать прошлое к настоящему, могут подымать взор свой к сверхсовременному и Непреходящему источнику всякого творчества и смысла»⁴.

К таким художникам, наряду с Пушкиным, Толстым, Достоевским, Чеховым, Арсеньев относит Глеба Успенского, сейчас забытого и не прочитанного, но актуального в логике идей девальвации человеческого в постмодернизме. «Есть тайная сила в его трудах, и глубокое внутреннее единство, и естественность изображения»⁵. По Арсеньеву, писатель страстно искал истинное. Успенский увидел, «как всё больше подрываются основы всех областей жизни человека в городе, чем дальше он внутренне отчуждается от деревенской работы. Отчуждаясь от земледелия, он теряет свою внутреннюю опору, внутренний стержень»⁶. Органическое единство произведений Успенского в «тайне земли». Она состоит в том, что «народ, который мы любим, удерживает так долго свою мощь и кротость из-за господства над ним «власти земли», над его умом и совестью»⁷.

Писатель считает, если крестьянин своё «крестьянство» забудет, «тогда не будет больше этого народа, тогда не будет больше мировоззрения народа, не будет больше душевной теплоты, которая от него истекает. Останется только пустой аппарат пустого человеческого организма»⁸. Успенский болезненно ощущает духовный упадок и разложение, которые увеличивались с ростом технической цивилизации. В его творчестве, как в зеркале, отражается российская действительность сегодня. Если оглянуться на последнее двадцатилетие в России, то не явилось ли спасительным для сохранения человека в человеке, возможно, инстинктивное обращение

---

⁴ Арсеньев Н. С. Дары и встречи жизненного пути. – Франкфурт на Майне, 1974, с. 188.

⁵ Arseniev N. Die russische Literatur der neue Zeit und Gegenwart in ihren geistigen zusammenhängen. – Mainz: Verlag Dioskur, 1929, s. 191.

⁶ Там же, s.192.

⁷ Там же, s. 195.

⁸ Там же, s. 196.

к кусочку земли, огорода, участку. В первые годы перестройки, ломки всех основ жизни, невыплаты зарплаты, лишь небольшой процент населения выходил на демонстрации, митинги, на рельсы. Народ искал спасения во «власти земли», возвратившись к ней, в какой-то степени обрёл себя, выжил. Но, как и все природное, считает Успенский, – это также и инстинктивное, тёмный, властный порыв, но не одухотворённый и не озарённый, – что-то животное. В русском народе (историческое определение – богоносец) живут и святость, и оказанство. Нужно эту тёмную, инстинктивную народную душу облагородить и осветить нравственным служением правде»⁹.

Эту миссию у Успенского осуществляют «глашатаи и учителя нравственной правды», как, например, Тихон Задонский, который покупал для крестьян семена, сельскохозяйственный инвентарь, писал за них ходатайства, добровольно отказался от своего первосвященства. «Интеллигентность» и образованность святых божьих людей вносила в глубину души русского народа нравственную и физическую опрятность, определяла национальное своеобразие русского человека, а в отношении писателя – глубину поднятой проблемы русского, национального. «Успенский думает, как нужны теперь народу такие образы. Они были необходимы ему всегда, но теперь, когда жизнь во многом противоестественна, где фальшивая цивилизация охватила все своими ресторанами, музыкальными ящиками, новыми городскими товарами, щегольством, жадной развлечений, нежеланием работать и разрушением нравов, где нравственный упадок народной жизни – вверху и внизу – так бросается в глаза, вдвойне необходимо служение духовности народа»¹⁰.

Духовное разложение народа приводит к духовной смерти. «Это ледяной гроб, покрытый серебряной парчой, и в нем находится уже мёртвое, хотя богато украшенное тело»¹¹. Писатель достигает трагических оттенков в описании душной,

⁹ Там же, s. 203.

¹⁰ Там же, s. 197.

¹¹ Там же, s. 204.

мрачной, абсурдной жизни человека: массовое пьянство мужчин и молодых женщин в многочисленных трактирах, зловоние плохих пивных, развратные сцены, которые можно видеть на улицах. Всё это суммируется в словах: «Победа антихриста». Успенский ищет людей, которые могут быть проводниками божественного в нравственном очищении его народа и создаёт именно такие образы. Так, например, писатель рассказывает, как на той самой рыночной площади, где находятся зловонные питейные заведения, на противоположной стороне сидит слепой музыкант. На старой шарманке играет он бесконечное количество псалмов и молитв, сопровождая их тихим речитативом: «Сжался, Господи, сжался надо мной». «Эти слова, – пишет Н. С. Арсеньев, – устремляются из терпеливой человеческой души и проникают в такую же терпящую душу. На распухшие пьяные лица ложится печать детского умиления. Можно услышать глубокий стон или рыдание. Здесь все число людей превращается как будто в одного страдающего человека с «изломанным сердцем», который совсем не похож на то внеличностное, чисто физическое существо, чья сила изношена в бессмысленной работе или в смердячем пьянстве... Успенский чувствует благодарность всем «неприметным», но одарённым людям, которые находят способ разбудить лучшее «я» в народе» («Слепой музыкант») ¹².

Писатель создаёт целый ряд положительных образов: мужественный, полный сострадания и при этом деловитый Циммерманн, который помогает бедным людям построить их избы, энергичная Анна Петровна Иванова, акушерка земской службы, благодаря посредничеству которой крестьяне получили графское поместье.

И если снова обратиться к похожей ситуации в начале перестройки, то трудно представить, до какой степени произошло бы разложение россиян, если бы не открылись храмы, не вернулась, наконец, в Россию «запрещённая» литература, философия из русского зарубежья.

---

¹² Там же, s. 200.

Для Арсеньева важна в творчестве Успенского тема веры: «Он изображает спасительное и возвышающее влияние религии даже на твёрдые сердца, даже на большие народные массы»¹³. В праздничном перенесении чудотворной Тихвинской иконы Матери Божьей из Тихвина в Старую Руссу приняли участие не только бедные, но и богатые люди («За одно мгновение»). Они внутренне были так взволнованы, что позаботились о бесчисленных бедняках и нищих. «Да, так божественно это было! – сказал молодой крестьянин. – Как будто Господь по нашей земле прошёл! Сколько наделено обделённых, сколько голодных накормлено! Когда такое было? Сколько лишённых средств вернулись домой одарёнными. Нечасто жадный человек становится таким хорошим, как тогда Божья Матерь его хорошим сделала!»¹⁴

Любовь к народу сделала Успенского «видящим материализацию жизни, утрату души». «Он противостоял этому из всех сил своих, – пишет Арсеньев, – и зывал, выл от отчаяния. Это носило характер духовного устремления. Он дал нам изображение недавнего прошлого, может быть, больше, чем какой-либо другой писатель, показал нам духовную борьбу, которая актуальна и сейчас – теперь ещё сильнее, чем тогда, хотя уже среди других форм, и до сих пор она играет роль в душе русского народа. Успенский приходил снова и снова к убеждению, что есть только один выход, только одно решение: подчинение чему-то высшему, Божественному, благочестивому, нравственному закону»¹⁵.

Успенский показал жизнь этого народа без всякой рисовки. «И смеялся Успенский не так, как фальшивые народники – над внешностью, а над сердцем своей правдивой душой, горьким словом Гоголя»¹⁶. Арсеньев заостряет эту мысль, прибегая к рассуждениям В. Г. Короленко, который русских писателей называл «исстрадавшимися чужими страданиями подвижниками

¹³ Там же, s. 208.

¹⁴ Там же, s. 208.

¹⁵ Там же, s. 209.

¹⁶ Там же, s. 210.

литературы». Короленко рассуждает о Гоголе, Чехове, Успенском, как о писателях, делавших попытку смеяться над русской действительностью. Но он приходит к выводу: в «русском смехе есть что-то роковое: неужели реакция прирождённого юмора на русскую действительность, употребляя терминологию химиков, – неизбежно даёт ядовитый осадок, разрушающий всего сильнее тот сосуд, в котором она совершается, то есть душу...»¹⁷ Как тут не вспомнить о сегодняшних бесконечных вечерах юмора и смеха на телеканалах, подсказывающих, где смеяться, и когда телекамера попадает в зал, мы всё-таки замечаем лица тех, кто чувствует «ядовитый осадок» подобного смеха.

Боль и переживание за Россию связаны с религиозной слепотой и глухотой современников писателя, нежеланием полностью осознать величайшую ценность православия, уроки «древней глубины общенародной памяти», поэтому так важно для Арсеньева, что «в последний период писательской деятельности Успенскому приходили слова: «Бог», «Бог в душе»¹⁸. Вокруг «этого решения идёт духовная борьба» в душе русского народа, считает Арсеньев. «На этой почве, религиозно-моральной, куда уже поднялся Успенский, должно вырастать решение дальнейшей судьбы русской народной души»¹⁹.

Арсеньев более всего ценит в писателе постижение роли традиционных духовных ценностей, их благотворного влияния на людей. Обращение к истории, к русской национальной культуре позволяет находить смысл современного существования России. В пронзительном по своей остроте художественном стиле Успенского прослеживается метафизический подход к постижению национальных проблем и особенностей народа. Личность вне национального контекста не мыслима. Необходимым условием её рождения является осознание себя, как части целого, православного мира, родной природы и языка. В русском человеке заложен потенциал, позволяющий надеяться на преодоление последствий «нравственной невме-

¹⁷ Там же, s. 210.

¹⁸ Там же, s. 211.

¹⁹ Там же, s. 211.

няемости» сегодняшнего дня. Дух искания, ориентация на православные ценности, открывают ему правоту и жизненную силу, внутренний смысл и духовное значение исторических явлений. Основные черты преемственности исторической культурной жизни – считал Арсеньев – это устремлённость вперёд в создании новых ценностей, но в солидарности с предыдущими поколениями, а связующая нить между прошлым и будущим культуры – любовь. Люблю, чтобы понимать, – таково было кредо Арсеньева. Причастность личности к бытовому укладу и традициям своего народа – это высочайшая ценность человеческого бытия. В системе ценностей мировой культуры конкретно-индивидуальное связано с всечеловеческим. То, что глубоко национально, то является всечеловеческим. Конкретно-индивидуальное и всечеловеческое неразрывны, потому что духовное содержание ищет совершенную форму, а душа устремлена к Божественному совершенству. Мыслитель убеждён, что «ясность мысли, убедительность вдохновения, трезвенно-мужественная закваска мирозерцания – ценнейший из плодов, которые русская эмиграция принесла в дар русскому народу»²⁰. Если только разнеженные внешним комфортом «цивилизации», мы не «обречены идти всё мимо, мимо» (Н. Гумилёв).

М. Фуко предсказывал, что человек исчезнет, как нарисованное на песке слово. Однажды мне привелось услышать фразу: «Что вы всё о традиции, это всё ушло в песок». И если «это» ушло в песок, то не стал ли он золотым, светоносным песком в колёсах техногенного механизма, очищающим средством от мазута постмодернизма, той почвой, на которой будет длиться Россия, служа тому, что не проходит, сохраняя и продолжая «духоносную» традицию народа.

---

²⁰ «Памяти Франка», под ред. В. Зеньковского при участии Н. С. Арсеньева. – Мюнхен, 1954, с. 396.

КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ СОЗНАНИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Когда мы говорим о культурной интеграции, то предполагаем состояние внутренней целостности культуры и процесс, результатом которого является взаимосогласование, соответствие между культурными нормами и реальным поведением носителей культуры, взаимное приспособление друг к другу. В то же время заблуждением было бы рассматривать культуру как статичную и неизменную, поэтому постоянно возникающая рассогласованность – важнейший фактор культурной динамики. Носители культуры принадлежат к разным социальным группам, занимают неодинаковое общественное положение, имеют неравные социальные статусы, поэтому создают разные виды культур. Это явление, называемое культурным плюрализмом, чревато катастрофой и гибелью народа при игнорировании тех процессов, благодаря которым разрозненная сумма индивидов одной национальности превращается в качественно новое формирование – единый народ, обладающий собственной культурой. Картина современного мира характеризуется падением статуса национального государства, управляемого законами универсального «глобального рынка», приводящего к такому понятию как «зависимость». «Способ, которым сегодняшнее общество «формирует» своих членов, диктуется в первую очередь обязанностью играть роль потребителей» [1; 115]. З. Бауман говорит о рабстве, называя его «пристрастием»: «В потребительском обществе все является вопросом выбора, за исключением навязчивого желания выбирать, – навязчивости, которая превращается в пристрастие и больше не воспринимается как навязчивость» [2; 81]. Международные взаимоотношения сегодня все больше

поражает яд «цивилизационной исключительности и превосходства» западного либерализма, вынуждающего представителей других цивилизаций искать способы сохранения своей культурной идентичности, что демонстрирует, например, исламская цивилизация, проявляя устойчивость к внешнему культурному и ценностному воздействию. Всплеск исламского фундаментализма – это реакция на экспансию и навязывание западных ценностей, чуждых ей. Как полагает Э. Гидденс, «фундаментализм – ответная реакция на глобализацию [3; 64]. Что касается России, то масштабные трансформации последних двух десятилетий отразились на самосознании людей, на их идентичности в разнovidностях. Идентичность в России – конгломерат региональной, локальной, этнокультурной, религиозной идентичностей. В современных условиях она достаточно кризисна: в ней соединены традиционалистские и модернизационные тренды.

Если обратиться к истории культуры, то можно сделать вывод о том, что в результате войн и революционных конфликтов в первую очередь страдала культура, прерывалась духовная традиция. Оскудение духовно–нравственной составляющей общества и государства, кризис мировоззрения приводят к особенно угрожающей ситуации в современном мире, уже не отдельной культуре или народу, а всему человеческому роду. С позиций долговременной социокультурной перспективы при поддержке великих религий представителям мирового гуманистического сознания – мировой интеллигенции, необходимо, опираясь на человека, взыскающего смысла, разоблачать антигуманную сущность вестернизации–глобализации.

Необходима мировоззренческая переориентация, выявление с новой силой извечных ценностей, которые присутствуют во всех духовно–культурных традициях народов, населяющих Землю.

Развитием техники глобальные проблемы не могут быть разрешены. Не всегда человек оказывается способным духовно преодолеть нечеловеческие условия своего существования и сохранить в себе личность, неискажённое мировоззрение.

Диалог культур – наиболее продуктивная парадигма современности – предполагает равенство культур, взаимную информированность и открытость, когда её носители могут, не владея культурными кодами, знать их содержание, могут, не разделяя ценностей друг друга, знать их базовые компоненты, демонстрируя стремление к пониманию друг друга. Высокие ценности мировых культур естественным образом воспринимаются всем мировым сообществом: русский балет, французский импрессионизм, итальянское оперное искусство, немецкая философия, русская литература XIX века. Условием эффективного взаимодействия людей становится именно сфера культуры: общая сакрализуемая история, искусство, как источники жизненной, нравственной силы, нивелирующей логику вражды, предвещающей противостояния между народами.

XX век стал не только веком войн, терроризма и геноцида, но и веком науки, которая является как мощным инструментом в руках человека, так и силой, объединяющей человечество. Но здесь следует выделить следующий момент. Казалось бы «стремление веровать было заменено партийностью», религиозное мышление и научное мышление взаимно друг друга исключали. Но человечество подошло к глубокому синтетическому разрешению этого конфликта на данном этапе развития своего сознания. Физические явления и внутридушевные различаются, но теоретики увидели аналогию в понятийном охвате явлений, наблюдаются ли они в лаборатории или в глубине собственной души.

В этом направлении сделала качественный рывок вперёд русская религиозная философия. С. Л. Франк подчёркивал, что его исследования не ставили целью обанкротить рациональное знание, это было бы ложное и вредное направление, но, опираясь на понятие реальности, как на нечто большее и иное, что уже постигнуто, философ сделал выводы о том, что и человек есть нечто большее, чем мы думаем, что мы сильнее, чем думаем о себе. Драматический конфликт между наукой и религией Франком, как и другими учёными, был снят. Научная мысль охватила всю планету, все государства. Однако пока человечество

не выработало нравственные и духовные качества, которые соответствовали бы его планетарной роли. Человечество вошло в новую реальность, когда политики наступают на пятки учёным, чистым рационалистам, потому что отдельные силы науки реально угрожают существованию планеты, научные открытия и достижения несут новые угрозы человечеству. История затаила дыхание, и философии необходимо дать ответ на то, что отказ от составляющей веры в мировоззрении и миропонимании влечёт за собой их ущербность, неполноту, ограниченность. Мир не есть только то, что он из себя представляет, он есть и то, чем мы сами способны его представить, противопоставив творчество, иррациональное воображение, истинную любовь – опустошению душ, их абсолютной истерпанности.

Сегодня учёные ставят вопрос о том, что такое образ мира и как он отражается в нашем сознании. Как пишет Б. Кригер, «самым существенным элементом в системе культуры является мировоззрение» [4.32]. Если мы обладаем целостным мировоззрением, мы понимаем, что являемся частицей природы и Космоса. Мы одновременно и творения, и сотворцы Космоса. Тогда мы понимаем не только свою ответственность, но также осознаём свою неповторимую ценность сотворцов. Холистическое мышление даёт нам обширные перспективы, поскольку позволяет преодолеть тесные материалистические границы, очерченные редукционистским подходом, который распространился в обыденном мышлении, подсказывая удобное оправдание человеческой безответственности. Уже на рубеже XIX и XX веков оформилось русско-славянское философское течение – космизм. Оно априори утверждало органическое единство всего со всем. То, как мы понимаем мир, имеет влияние и на наши этические принципы. Существенно то, поняли ли мы в нашей познавательной позиции по отношению к Миру принцип собственного участия в жизненном процессе, в эволюционном процессе, а потому и ответственность за форму нашей жизни.

ДРАМА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, И МЫ ВСЕ

Выступление Томислава Шолы, хорватского учёного, всемирно признанного знатока музеев мира, профессора кафедры музеологии и управления наследием Загребского университета, которое состоялось в мае 2018 года в Калининграде, в Музее мирового океана, вызвало эмоциональную и мыслительную реакцию. Несколько слов об учёном. В России Томислав Шола известен своей книгой «Вечность здесь больше не живёт. Толковый словарь музейных грехов». Он автор 8 книг и более 250 статей на темы сохранения и актуализации в современном мире культурного наследия, является основателем и руководителем фестиваля музейных проектов «Лучшие в наследии», ежегодно проходящем в Дубровнике (Хорватия).

О том, что услышала и подумала я, хочу коротко сказать.

Да, мир совсем не такой, каким бы хотели его видеть культурные, интеллектуальные, ответственные, нравственные люди. Что им делать, когда идёт война против культуры и окружающей среды? Под ударами бомб только за последние двадцать лет столько погибло памятников культуры в республиках бывшей Югославии, Ираке, Сирии и других странах! В тайных лабораториях идут разработки по созданию искусственного интеллекта, роботов, готовящихся к вытеснению человека, руки которого не нужны, робот всё сделает бездушно, но точнее точного. Спорт, массовая культура стали на платформу индустрии с единственной целью – прибыль. Окружающая атмосфера, в том числе и космос, загрязнены техногенным мусором. Кто-то называет это бархатным тоталитаризмом, кто-то – войной с реальностью. Огромное количество СМИ занимается поиском жареных фактов и созданием

лживых новостей. Незначительные события преподносятся как тектонические подвижки пластов всемирной истории. Происходит заражение пространства вирусом негатива. Люди, не имея сил на культуру, не чувствуют своей безопасности на работе и в социуме. Идёт дегуманизация образования, навязывается жадность как идеология. Происходит сосредоточение всех богатств земли в руках отдельной кучки людей. Их мало, они могли бы вместиться в один автобус. На другой чаше весов семь с лишним миллиардов человек. Ещё одна проблема – производство товаров краткосрочного потребления. Мы выбрасываем вещи, впрочем, как мир выбрасывает и людей. Не прощаем, ссоримся, отвергаем. Это менталитет современного человека. Модернизм создал такой настрой. Мир – без качества, опустошён, обесценен, живёт по принципу: и так сойдёт... «Один хорват мне сказал, – поделился Томислав Шола, – чтобы управлять обществом, нужна мудрость». Но откуда ей взяться? Существует такой термин, как усталость. У людей нет желания отдавать. Со спектакля или концерта мы уходим, как от чужих, с чувством усталости.

Мы находимся вне знаний, погружены в информацию. Знания служат таким целям, как качество жизни, ответственность, этические нормы, направляющие общество в сторону мудрости. Знания вне информации, но она все заслоняет собой. Музеи, архивы, библиотеки, центры документов прошлого – сектор общенациональной памяти. Они свидетельствует о процветании общества, которое может передавать последующим поколениям коллективный опыт. Это социальная память. Коллективный опыт формирует наследие, общенациональную память. Что такое наследие? Мы используем музеи, чтобы выявить прошлое. Фридрих Ницше писал, что все науки обязаны готовить основания, чтобы решить проблему ценностей, выстроить иерархию. В русской традиции – это понимание того, что не течёт река, если отсечь её исток, не растёт дерево, если подрезать его корни.

Мы все, каждый из нас, можем взять на себя миссию – делать мир лучше, человечнее, гуманнее. Нас объединяют на-

ука, знания и общенациональная память. Мы не одни. Человечеству нужна система, включающая стратегию, где важен профессионализм и партнёрство, потому что мир намеренно ухудшается. Происходит глобальный процесс депрофессионализации. Мы живём в мире караоке. Можно стать звездой без знаний и этической позиции. Происходит производство отсутствия знаний, производство страха, производство несправедливости.

Мы, как общество, атакуемы угрозами и опасностями. Человек страшится неизвестности, исчезновения, социального хаоса, несправедливости, болезней, забвения. И человечество создаёт защиту себе профессиями. От болезни – врач, от социального хаоса – ряд государственных структур.

А что такое поэт, писатель? Он может иметь любое образование, но главное – этический кодекс, высокие стандарты этических целей. Идеальная цель – доступная среда сообщества вокруг меня. Сделать читателей и слушателей более понимающими, а это важно для общего блага.

Изменение образа мышления – это изменение отношения к чему-то. Как распространять добродетели, как обладать ими и пользоваться? Сейчас происходит интерпретация мира, а его нужно изменить. Служить миру, чтобы гармонично существовать. Любая угроза имеет противодействие. Кто же спасёт мир? Мы все. Мы можем сыграть свою роль в спасении мира.

Прекрасно знать и разбираться в своей области занятий. Образовывать, воспитывать, распознавать ложь, исцелять с помощью искусства и гармонии, красоты. Они очень важны для нашей жизни.

А зачем нам нужны поэты? Зачем духовные лидеры? Чтобы делать добро! «Я на то родился и на то пришёл в мир, чтобы свидетельствовать об истине», – Евангелие от Иоанна, гл. 18, ст. 37–38. Приход в мир, выступление в мире не для того, чтобы приобрести власть над людьми, а для того, чтобы свидетельствовать об истине благородства и великодушия, и единомышленники могут найтись везде, в любой стране.

Драма современного мира в том, что кто-то принимает решения, не спрашивая нас и нашей автономии. И если при-смотреться, то в любой стране возникает ощущение: всем всё равно. Кто-то финансирует проекты, которые нам не нравятся, а деньги, как правило, в руках плохих людей. В Англии, например, есть специальное постановление о том, что зарплата женщины не должна быть больше, чем у мужчины. Мы не можем выражать всё в денежном эквиваленте, но важно осознание того, что мы важны и сильны. Богатство – это не то, что звенит в кошельке, оно в голове. Мы не храбры, но являемся возможной силой. Мы можем верить в важность своей профессии, своего дела.

Прошлое является фундаментом и площадкой для строительства будущего. Но мы видим, как постоянно перекраивается, перешивается история, подвергаются сомнению прежние признания, кто есть кто, что чем является.

Многие народы пытаются построить своё прошлое, отстаивают его, борются за него. Писатель, в особенности поэт, в какой-то степени проповедник. Он возвращает и отдаёт.

В нашем плохом Мире есть возможность вернуть украденное в процессе колонизаций и войн, исправить систему ценностей. Мы можем внести вклад в изменение общества, сыграть свою роль в спасении мира. Самое простое – добиться принятие хороших решений от тех, кто принимает решения. Мы можем представить это как насущную актуальность, правду, беспристрастность. Мы все важны именно на этой стороне. Мы можем противопоставить себя гнилой информации, которая создаётся под чьим-то началом, готовится под чьи-либо интересы. И мы непредвзяты, когда ищем своё место в стратегии развития человечества, в инновационном мышлении, опираясь на благородное наследие. Изменением мысли мы можем участвовать в том, что актуально.

Земной шар становится парком развлечений, планетой ка-раоки. Думающие люди страдают морально и профессионально, когда повсюду встречаются с принципом: все сойдёт. Лживые новости, троллинг, приобретая легитимность, не только

оскорбляют нас, они истребляют в нас душу. Становясь частью нашей реальности, они являются угрозой для нас, это нас всех касается, потому что люди становятся лишь внешне людьми. Понимание, мудрость, честность, знание контекста, поддержка, профессионализм и хорошая команда могут изменить ситуацию в контексте лучших проектов. Нужно иметь хорошую связь с обществом, чтобы противостоять великой мистификации. Большинство, пытаясь избежать нашей роли в обществе, является жертвами различных источников убеждений, манипуляций, ублажение инстинктов, служа индустрии обогащения на инстинктах.

Что важно? Производство незнания, безграмотности – это же опасно для человечества. Рабство сегодня – это духовное рабство, а именно любой ценой получить прибыль. Нам нужно вернуться к этике, совести, традиции, чтобы строить приличное общество и стать на позитивной стороне реальности, в стоянии против безвкусицы, всего вульгарного и пошлого, ранящего наши чувства. Писатель, поэт – явление культуротворчества и самотворения, где духовность – основа и сущность Человека.

ИНТЕРВЬЮ

«ПОЛКОВНИК ЧЕХОВ»

**Интервью с Председателем СПР
Николаем Ивановым**

– Когда Вы были в чеченском плену, Вас там охранники называли то полковником, то Чеховым, имея в виду, что Вы писатель. А когда возникла мысль о писательстве? Чья-то судьба так вдохновила, что захотелось об этом написать? Каковы источники вдохновения? Когда Вы поняли, что Вы писатель?

– О-о-о, Чехов – это было хорошо. Если «Чехов, на выход», то бить не будут. Если вытаскивали наверх как «полковника», значит, или опять на расстрел, или просто будут бить. Азбука плена... А писатель Иванов родился из читателя Коли Иванова, который очень любил книги и читал их запоем. Кто-то восхищался сделанными машинками, самолётами, а я – книгами. Как это можно было написать? Так интересно? Старший брат как-то начал сочинять поэму о моих детских похождениях, потом он ушёл в армию, а тетрадь осталась. Я её отыскал, стал продолжать «свои» похождения. Не было ничего, кроме сюжета. Оттуда, наверное, уважение к сюжету в том числе при создании литературного произведения. Надо уважать читателя, чтобы ему было интересно, увлекательно читать тебя.

...Так что вдохновила на творчество, как ни странно, собственная судьба. Воображаемая.

– И чья судьба интереснее? Личная или та, из первой поэмы?

– Жизнь богаче любой фантазии. Она преподносит такие коллизии... Практически все мои книги имели документаль-

ный посыл – то ли ситуация, то ли судьба человека, то ли фраза...

– На сегодняшний день Вы автор двадцати книг прозы. Вы говорили, что в прозе Вам надёжнее, чем в стихах, при любви и уважении к поэзии в прозе у вас там свои окопы, охваты, карты... И, безусловно, Ваши книги говорят о высоком профессионализме как военного журналиста, так и писателя. В чём секрет Вашего мастерства? У Вас были какие-то особенные учителя? Или всё дело в Вашем интеллекте и обаянии личности?

– Давайте отставим последнюю фразу нарциссам: глядя только в зеркало, человек становится на цыпочки. А по жизни надо идти уверенным шагом во всю ступню. Учитель был, и его звали – Желание. Огромное желание научиться писать красиво, увлекательно. Во Львовском училище завёл себе амбарную книгу, в которой на одной странице наклеивал понравившиеся мне материалы, рядом на странице делал разбор: насколько понравился заголовок, начало очерка, какие сравнения восхитили, как закончился материал. Писал и о том, что не понравилось. Препарировал все материалы, на которых останавливал взгляд. Возможно, этот журналистский приём позволил впоследствии работать над новеллами, в которых не то что слова – буквы лишней и неуместной не должно быть.

– Краткость – сестра таланта...

– Но враг гонорара! Так шутили во времена, когда поэтическая строчка стоила 3 рубля... Но особая моя благодарность всегда – это руководителю Псковской писательской организации Александру Александровичу Бологову. Я только приехал служить во Псков в десантную дивизию и однажды увидел вывеску организации. Набрался смелости (тельняшка на груди!) и зашёл в здание. Представился. Сан Саныч попросил принести первые мои рукописные рассказы. Через день вернулся и сказал: «Приноси завтра, но сократи на полторы страницы». Вот так учил сжимать пружину сюжета, выбрасывать лишнее.

– А как рождаются такие захватывающие, динамичные сюжеты, где так много познавательного, глубокого психологизма,

тончайшего проникновения в душевные движения героев? Что Вас вдохновляет?

– В душе я, наверное, драматург. А там свои законы жанра: если один герой сказал «Да», то второй обязан сказать «Нет». И температура на страницах всегда должна быть выше 37 градусов, иначе человеку с его 36.6 станет не интересно. Уважаю читателя. Думаю о нём. Потому, как обыкновенный мастеровой, стараюсь складывать кирпичики в здании–произведении так, чтобы держать и в напряжении, и давать какую-то интересную информацию. Я люблю добывать информацию, мало кому известную. Для этого, конечно, приходится куда-то лететь, ехать. Сидя на диване, можно насочинять намного больше книжек, но... Оставим это диванным войскам. Как вы понимаете, выражение пошло после событий в Крыму, когда многие, лёжа на диванах, руководили политикой, вводили и выводили войска... Я лучше сам поеду и посмотрю своими глазами, КАК и ПОЧЕМУ эти войска двигаются. А психология... Люблю героя ставить в безвыходную ситуацию. И выбираюсь из неё вместе с ним, порой, не зная концовки. Именно по психологии, поведенческим нормам, заданным в характере героя. Открою некий секрет – люблю заставлять героя делать поступки, за которые читателю становится стыдно, и он краснеет и восклицает: «Как же так? Не должен!» Но температура-то 37 и выше... Главное, что будет в итоге, в конце.

– *На фейсбуке на Вашей странице я увидела фотографию подаренных Вам фигурок медведей из разных материалов. Эти подарки в знак восхищения героем «Медведем» в Вашей книге «Черные береты»?*

– Абсолютно нет. Это мои брянские медведи. Как-то остановился в сувенирной лавке и вдруг увидел: попугаи, удавы, обезьяны, верблюды, слоны – на полке есть все, что угодно, вся мировая живность, кроме русского медведя. И это в каждом городе. Да что же это такое!!! Что обезьянничаем, что как попугаи даже в сувенирном мире? В какой-то степени это был протест. Коллекция пополняется, уже начинают друзья дарить. Пока же самые лучшие Мишки из Томска – и гармонисты – они

оттуда у меня, и охотники, и пивовары. Очень ценна керамическая фигурка из Питера «Маша и медведь». Стоят у меня за спиной в рабочем кабинете.

– Будучи автором 18 книг, я бы могла рассказать истории некоторых своих произведений, после того, как они уже вышли в свет, что с ними происходило. Книги обретают свои биографии, живут своей жизнью. А у Вас найдутся такие истории?

– Историй множество. Самая занятная – с книгой «Наружка». Меня допустили к работе «семёрочников» – тех, кто подсматривает и подслушивает. Филеры. Кстати, вся наша Лениниана в мемориальных досках на зданиях – она основана на филерских донесениях. После выхода моей «Наружки» был разговор на уровне Лубянки, потому что открыл некоторые секреты московского метро, имевшего на каждой станции свои передатчики, замаскированные под лепнины, статуи, люстры. Согласен, оперативная информация. Благо, стремительно развивалась мобильная связь, и подземные передатчики отошли в прошлое. А потом был Указ президента о гостайне, куда подпали и оперативные методы работы. И это правильно. Есть у Родины тайны, которые умирают вместе с солдатом.

– Самая новая Ваша книга «Новеллы цвета хаки». Хотя до этого я уже читала Ваши книги «Операцию «Шторм» начать раньше», «Гроза над Гиндукушем», «Наружка», «Спецназ, который не вернётся», некоторые новеллы, например, «Брянская повесть», потрясли величием и благородством героя, но заключительная новелла в сборнике, которая называется «Комбатанты», просто сбивает с ног, ошеломляет талантом автора. И Вы ведёте курсы «Экстремальная журналистика». Вы встречаетесь с молодёжью, которая навек запоминает Ваши курсы, а Вы навсегда в списке лучших учителей. Как родилась эта идея новеллы и экстремальных курсов? И что Вы скажете о молодёжи, которую Вы обучаете?

– Люблю молодёжь на своих курсах по экстремальной журналистике, потому что эти ребята готовы пробовать себя в горячих точках, экстремальных ситуациях (наводнения, землетрясения, пожары и проч.), а не крутиться в сальных скандалах

шоу-бизнеса и светских тусовок. В то же время считаю своим успехом преподавателя, если половина обучаемых после курсов скажут: «Нет, не моё, я на войну не поеду никогда». И это очень хорошо, потому что остаются профессионалы, а не туристы на войну. Комбатанты родились из реальных ситуаций, которые моделируем на курсах. Только и потребовалось перенести время плена в конец новеллы, а не в начало, как было на самом деле. Освоиться на этой кухне – когда что и за чем готовить и подавать к столу – как раз и есть обычная работа писателя.

– Книга *«Вход в плен бесплатный, или расстрелять в ноябре»* помогла Вам освободиться от нечеловеческого напряжения, от постоянной угрозы смерти, можно ли говорить о каком-то очищении, внутреннем освобождении от пережитого?

– Да. Из плена я вышел, лишь закончив книгу, то есть пережив ситуацию ещё раз. После её выхода вспоминать плен было не так ножево остро. Помню, в плену заболел зуб. Я его убаюкивал, потому что боевики предлагали его выбить прикладом (хотя я просил плоскогубцы, чтобы самому вырвать его). После освобождения в санатории Руза сразу к стоматологу. Увидев, что я боюсь старой допотопной бормашины, выключил её и решительно указал на дверь: «Тут рядом деревня Петрищево и памятник Зое Космодемьянской. Иди, наберись мужества у человека, который был в плену». Он не знал, откуда я.

– И что дальше?

– Я остался сидеть в кресле. Говорю: «Включай свой агрегат времён Первой конной. Я тоже из плена»...

– *Некоторое время назад на сайте Росписатель Вы писали: «Сейчас работаю над романом с условным названием «Реки помнят свои берега» – там многие события будут разворачиваться в нашем селе Страчево, в Суземском районе Брянской области. Как подвигается эта Ваша книга?*

– Плохо. Нет, текстом я доволен вроде. Не доволен скоростью написания. Но это плач всех писателей. Однажды мы, военные писатели, спросили у В. Пикуля: откуда у него такая работоспособность? Он ответил, что от лени. Как только начнёт писать новую книгу, так сразу лень её продолжать. Вот и ра-

ботал ночами, чтобы побыстрее от неё освободиться... А мы, выходит, не такие ленивые. В этом году планирую значительно продвинуться вперёд в романе. Потому что нашёл ситуацию, в которой моему герою действовать. Это читатели «Берегов» могут знать. Отрывок «Камерный полковник», который печатался у вас, – из романа.

– Меня удивила Ваша фраза опять же на Росписателе, что поэзия новейшей России сильнее прозы. Неужели так плохо с прозаиками? И кто же из поэтов заставил так высоко отозваться о поэзии?

– Не плохо с прозаиками, а хорошо с поэтами. Мощнейший всплеск в поэзии нерва дали события на Донбассе.

– Я хочу Вам задать вопрос, который может Вам не понравиться, и заранее прошу прощения. Вы можете на него не отвечать. Поэт Николай Гумилёв после первых 10 дней на передовой в первую мировую войну написал своему другу Лозинскому: «Я чувствую себя перед опасностью, как старый пьяница перед бутылкой коньяка». Можете ли Вы о себе, человеке, который столько раз был у «бездны мрачной на краю», сказать, что тоже испытываете потребность в чувстве опасности? Этой потребностью заболевают многие, кто прошёл через «горячие точки». Это лечится? Это интеллектом побеждается?

– Когда я перешёл в журнал «Советский воин», то в командировки в Афган ездил только сам, не пуская других, потому что я реально оценивал свой опыт службы там. А насчёт опьянения опасностью... Знаете, что удивляло всегда в горячих точках? Я встречал там практически одних и тех же людей. Армия огромна, а воевали практически одни и те же офицеры. Журналистов тысячи, а встречаешь в тесноте БМП Сашу Сладкова или Евгения Поддубного. И это хорошо. Уж где-где, а на острие событий должны работать проверенные и опытные люди. Умеющие войти в тему с колёс. Меньше жертв, реальнее выполнение боевой задачи и уважительнее, насыщеннее репортажи. Тему-то всё равно будет кто-то освещать. Лучше это сделаю я под пулями, чем кто-то, не выходя из редакции, высосет картинку, глядя в телевизор. История, как правило, – это

не то, что происходило на самом деле, а как об этом написали или отсняли. Первую чеченскую компанию мы проиграли информационно, потому что наши телевизионщики того периода показывали уверенных, сытых, красивых бородачей, а по «несчастливым, убогим» солдатам лишь скользили камерой для контраста. Насмотревшись таких картинок, матери и рванулись на Кавказ, увозя сыновей домой при помощи правозащитников и некоторых депутатов эшелонами. Я хочу правды о военных страницах своей страны.

– *Но вроде бы пишут много о войне...*

– Много. Километры книжных полок. К сожалению, войну в книгах издатели, гоняясь за короткими, быстрыми деньгами, поставили на поток. Бей и круши. Все «ворошиловские стрелки», стреляющие налево и направо без разбору. Я однажды сказал, что понимаю боевиков, которые отрезали нашим солдатам головы, потому что наш солдат в наших же книгах – это пьянь, рвань, стрелок во всё, что движется без суда и следствия. Офицеры – идиоты, генералы – дебилы. А только в Чечне погибли сыновья семи генералов! В Чечне впервые после Великой Отечественной в процентном отношении стало больше офицеров, закрывающих своей грудью солдат, хотя по солдатской святости должно всё же быть наоборот. Как сказал Омар Хаям: В окно смотрели двое. Один увидел грязь// Другой – листы зелёной вязь, весну и небо голубое.//В окно смотрели двое.

– *Есть у Вас какие-то правила жизни, которых Вы держитесь непреклонно?*

– Не позволяй себе, чтобы на тебя смотрели с сочувствием и жалостью. Но более всего по мозгам ударило, когда за моим освобождением пошли оперативники и тоже пропали, потому что обмен мой назначили на ночь в горах. И их жёны ходили и рыдали, обнимая берёзки в парке. А когда вернулись, они спросили мужей: «Что за человек Иванов? Стоило ли ради него рисковать?» Кто ты, полковник Иванов?

– *По-Вашему, три главные вещи для писателя?*

– Писатель должен уметь слушать. Кажется, это Чехов сказал. Конечно, видеть. И все это круто замешивать. Рутинка. Есть

ещё четвертое – брать за шиворот свою Музу и усаживать вместе с собой за писательский стол.

– Многие творческие люди довольно суеверны, например, Александр Пушкин. Вы верите в приметы?

– В друзей надо верить. Первый мой боевой выход в Афгане я не спал всю ночь – боялся, что солдаты уснут, и нас просто вырежут на блок-посту... Потом уже меня самого командиры заказывали с собой в поход на боевые – я вроде мог заменять любого вышедшего из строя офицера. Тяжко в бою отдавать свои боеприпасы соседу, у которого кончился боезапас: а как будешь вырываться из окружения ты сам? Самым надёжным солдатом, я считаю, является тот, которому командир доверяет нести фляжку с последним глотком воды.

– Как бы Вы продолжили фразу: «У писателя вся жизнь...»

– Думаете, скажу что-то высокое? У писателя вся жизнь – это стремление не наделать в своей работе глупостей, потому что слишком многим ты выставляешь на показ своё творение...

– По Вашим пьесам идут спектакли в драмтеатрах. Расскажите о себе, как драматурге. Довелось ли самому участвовать в постановках?

– В Брянске ставили «Белый танец». События на Кавказе. И вдруг оказалось, что НИКТО из труппы не служил в армии. Как они носили автоматы! Как они передвигались под обстрелом! Отдельная песня)). Пришлось самому покататься по сцене на репетициях, побросать автоматы из рук в руки, зашнуровать берцы... Но в целом, спектаклем остался очень доволен, он шёл три года, пока не пришёл новый директор театра. Тему армии изжили как класс. Даже театр Российской Армии сколько лет не ставит спектакли на военную тему. Десятки. Переключился на постановку спектаклей по произведениям школьной программы. Деньги, сборы... В этой вотчине много странного, но там царят иные интересы...

– А мечтаете ли Вы об экранизации своих книг? Это было бы здорово, потому что в них просто захватывающие приключения, выходы из труднейших ситуаций.

– Недавно вышел 12-серийный фильм «Городские шпионы». По моей «Наружке». Все серии написал сам. К сожалению, режиссёр добавил соавтора. Тот из «семёрочников» сделал обыкновенных ментов... Я отошёл от такого кино. В этой индустрии от писателя мало что зависит. Точнее, надо быть готовым, соглашаясь на кино. Что это будет коллективный труд, в котором главный – далеко не ты. На Шукшинском кинофестивале на Алтае летом прошлого года вдруг выявили закономерность: лучшими признаются всё же те киноленты, которые шли от литературного произведения, от Слова. Пример Бондарчука-отца с «Судьбой человека» и Бондарчука-сына со «Сталинградом» – яркое тому подтверждение.

– *Есть ли у Вас хобби, что-то Вы любите делать своими руками?*

– Уже два лета не выпускаю из рук топора. Словно генетическая память проснулась. Так что в родительском доме обихаживаю всё. Этим летом освоил дело каменщика, сантехника, стекольщика, не говоря уже о плотницком деле, малярном. Само собой, вся деревенская работа вдруг стала по плечу – вспахать, скосить, засеять, собрать – сохранить урожай. Потому эти два лета так мало и написал. Хобби перебывало))). А люблю собирать грибы. Особенно чёрный груздь.

– *Как продвигается восстановление храма в Вашем родной деревне Страчево, где Вы принимаете активное участие?*

– Храмы сейчас восстанавливаются многие. Жаль, священников на все не хватает. В Брянске мне сказали – послали учиться в Москву 20 человек, вернулось лишь пять батюшек, остальные оседают в столице... А восстановление... Пока не осознали, что восстанавливать надо всем миром, ничего не получалось. Все сидели и ждали спонсора. А как начали собирать денежку по дворам, с каждого – кто сколько может – так сразу стали заглядывать в храм: а как работа движется. Сопричастность...

– *В заключение я хочу выразить Вам благодарность, что Вы дали согласие войти в редакционный совет журнала «Берега», за Ваши уникальные очерки о Крыме, за потрясающие новеллы,*

связанные с темой Украины и Новороссии, опубликованные на страницах «Берегов», пожелать Вам вдохновения и выхода новых книг.

– Берега все же должны быть. И наш журнал «Берега», и берега, к которым мы плывём в этом житейском море...

Николай Фёдорович Иванов – Председатель Союза писателей России, драматург, автор 20 книг прозы. Лауреат литературных премий: «Сталинград», им. Н.Островского, М.Булгакова, ФСБ России, «Прохоровское поле» имени Юлиана Семёнова в области экстремальной журналистики, конкурса журналистского мастерства «Слава России». Родился в 1956 году в деревне Страчево Брянской области. После окончания восьмого класса поступил в Московское суворовское военное училище. По его окончании продолжил учёбу на факультете журналистики Львовского высшего военно-политического училища. С 1977 года – в военной журналистике, начинал с корреспондента солдатской газеты в Воздушно-десантных войсках, закончил главным редактором журнала «Советский воин». Воевал в Афганистане, награждён орденом **«За службу Родине в ВС СССР»** III ст., медалью **«За отвагу»**, знаком ЦК ВЛКСМ **«Воинская доблесть»**. Имеет более 60 парашютных прыжков. Полковник. Как военный корреспондент, Николай Иванов побывал во многих «горячих точках». Довольно часто Иванов сам выходил на операции вместе с героями своих репортажей и книг. Одним из самых горьких и ярких впечатлений за период военных командировок, стал плен у чеченских боевиков, освобождён из которого через 4 месяца в результате спецоперации.

ПОЧЕМУ В РОССИИ СЕЙЧАС ХОРОШО?

Интервью с Николаем Петровичем Бурляевым

– *Николай Петрович! Вы сказали, что в России сейчас хорошо. Почему Вы так считаете?*

– Я проехал Англию, Шотландию, Италию, Францию. Я там бывал и прежде, но на этот раз увидел, что кризис у них, а не в России. Это кризис духовный, выражающийся в дехристианизации, демонизации. Увидел атакующий арабский мир. «Почернела» и «пожелтела» Франция. Идёшь по Парижу и думаешь, где же ты находишься? Где лица французов? Подсчитал, что увидел лишь примерно 20% людей, похожих на французов. Очень это печально, и это то, что разъедает весь западный мир. В других странах то же самое. Это нечто чужеродное, которое разъедает коренную культуру. И очень агрессивное оно, как оказывается. В России – всё иначе. У нас нет кризиса духовного, наоборот, у нас духовное возрождение. Я лично благодарю Бога и Запад – за санкции. И молю Бога, чтобы ещё какое-то время нас оставили в покое и не поднимали цены на нефть. Так Россия сейчас «сосредотачивается», как говорил Столыпин. Потенциал у нас огромный.

– *Какой фундамент у Вашего оптимизма?*

– Лет пять назад я стал утрачивать присущий мне оптимизм, видел, что в области культуры у нас воцаряется та же вседозволенность, что и на Западе. Чиновники от культуры поступают так, как говорил бывший министр культуры Швыдкой: «Надо сделать всё, чтобы подвинуть нашу культуру на панель». Это он говорил на коллегии министерства, и он это сделал. Но сейчас я стал оптимистом, после того как президент услышал нас, и в частности – меня. Я 15 лет говорил на разных трибунах, в том числе на Патриаршем совете по культуре, что в стране

нет стратегии государственной культурной политики. 15 лет я эту мысль долбил, даже начал думать, что, возможно, я не прав, так как один я говорю об этом. Но на Патриаршем совете по культуре я выступил, поставив две задачи: надо повышать культурный уровень общества, во-вторых, в стране нет стратегии культурной политики. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл услышал меня и обратился к президенту России с посланием, где эти два пункта были главными: повышать свой культурный уровень и выработать стратегию культурной политики государства. Президент услышал патриарха, дал полгода на разработку этого вопроса. 24 декабря 2014 года был подписан исторический указ «Основы государственной культурной политики». Этот Указ будет помогать очищать наше культурное пространство.

– Жизнь показывает, что все позитивное и здоровое происходит, скорее, вопреки, а не благодаря чиновникам от культуры... Лучшие произведения литературы и искусства, опираясь на национальное наследие, выходили на вселенский уровень, отводя России особую миссию в мире.

– Это особенно понимали русские люди, жившие на Западе. В частности, Николай Рерих, он говорил, что «спасение России есть спасение мира, гибель России есть гибель мира». У нас сейчас есть все шансы и самим не погибнуть, и миру этого не дать сделать; показать, как надо жить и какова должна быть подлинная культура. В России сейчас удивительное время. Раньше я думал: «О, за границей! Какой там аэропорт, как здорово!» Сожалел, когда же будет такой у нас. И вот прилетел в Домодедово и подумал: «Извините! У них, в Англии, 4 звёздочки, у нас – шесть. И кухня лучше». У них там поесть негде. Идёшь по городу, а там же кругом фастфуды, в Италии – надоевшие спагетти, это лодыри их делают, им лень что-то ещё готовить, кроме пиццы и спагетти. А у нас: приехал я в Сергиев Посад, зашёл в кафе «Ого-го!» А там – пельмени, пироги русские: капустные, рыбные, – любые. Всё лучше у нас, и люди лучше. Хотя молодое поколение подросло неоднозначное. Когда объявили перестройку, то радио «Свобода» говорило: «Цель перестрой-

ки в том, чтобы приблизить русских к западным стандартам, чтобы произошла мутация русских. Задача – выбить русских из традиции». Получилось у них? Да, во многом, благодаря преступной политике наших чиновников и правительству «младореформаторов».

– *Какова роль киноискусства в современном мире?*

– Экран, кинематограф – это духовно–стратегическое оружие. Это Америка знает. Киноискусство или поднимает человека, или опускает в бездну. Я думаю о современном кино иначе, чем наш министр. Я сказал, что мы пришли к катастрофе кинематографа в России, к духовной катастрофе, которую предсказывал мой друг Андрей Тарковский. На исходе своей жизни Тарковский жил на Западе и видел их духовную катастрофу, катастрофу рыночного кино. Мои коллеги делают фильмы, чтобы вписаться в западный мир, в убегающий от них эффектный паровоз под названием Голливуд. Коллеги делают картины, чтобы их там тоже показали. Плохо делают: плохая режиссура, разучились люди писать для кино. Актёры играют плохо, раз плохая режиссура. Настроили кинотеатров, где едят попкорн, сидя в кресле, наделали фильмов – по 80 фильмов в год, а каких фильмов наделали? На чьи деньги они сделаны? Наша продукция – в подражание им. Это катастрофа, потому что если положить на одну чашу весов то, что сделано до перестройки, и что – после, то какая перевесит? Что до перестройки? Сергей Эйзенштейн, Александр Довженко, Лев Кулиджанов, Станислав Ростоцкий, Сергей Бондарчук, Андрей Тарковский, Сергей Параджанов. Много сюда можно положить. А что на другую чашу весов? Никита Михалков всё тот же, который и держит марку, и даёт понять, что кино должно быть искусством.

– *Какие вопросы решает Патриарший Совет по культуре?*

– Патриарший совет был и есть не то, чтобы альтернативой, а он находится параллельно совету при министерстве культуры. Собрано 39 выдающихся деятелей русской культуры и 10 представителей церкви, председатель – Святейший патриарх. Мы обсуждаем самые главные темы культуры и нравственности. Подлинная культура должна решать именно эти задачи.

– *«Золотому витязю» уже много лет! Расскажите о нём.*

Международный форум «Золотой Витязь» объединяет известных представителей кинематографа и многих видов искусств под девизом: «За нравственные идеалы, за возвышение души человека». За 25 лет существования «Золотой Витязь» провёл более шестидесяти форумов, включая кинематографический, театральный, литературный, музыкальный, живописи, экологический и форум русских боевых искусств. «Золотой витязь» ставит своей главной задачей – вовлечение в единое движение всех, кто не желает растворяться в безнравственном, бездуховном потоке глобальной массовой «культуры», кто хочет сохранить свою личную самобытность и самобытность своего народа, хочет передать своим детям традиции культуры предков и высокие нравственные идеалы. Это попытка собрать и выявить позитивные силы в стране. «Золотой Витязь» объединяет многие страны. Хотя начинали как всеславянский форум, теперь приезжают из разных концов земли. Из Америки я мало приглашаю. «Золотой Витязь» отличается своим стоянием, непреклонностью перед деструктивными силами, перед пятой колонной, борясь за сохранение наших идеалов.

– *Николай Петрович! Расскажите о Вашем взаимодействии с МЧС России.*

– 1,5 года назад Министерством по чрезвычайным ситуациям мне предложено возглавить институт культуры МЧС. Я согласился, и мы провели огромную работу – около 50 полномасштабных программ только за первые 8 месяцев. Открыли 20 кино клубов «Золотой витязь» по всей России, в структурах МЧС. Дарим им по 50–100 фильмов безвозмездно. В нашей коллекции 8 тысяч фильмов, и все они соответствуют девизу: «За нравственные идеалы, за возвышение души человека». Создан государственный хор МЧС. Министр был удивлён тем, как мы быстро работаем. Сейчас практически создали телевидение института культуры МЧС. Есть техника, которая позволяет снять качественные программы. Я приехал из Ставрополя, где прошёл VII Славянский форум искусств «Золотой Витязь». Снят фестиваль киноискусства, ансамбль казацкой

песни, ансамбль Моисеева, приехал туда Болгарский театр. Мы привезли аппаратуру, которая позволила транслировать прямой эфир нашей главной программы: «МЧС-112» (МЧС–Медиа). Это начало работы нового телевидения. Пока очень скромно, но это начало.

– *Ваш фильм «Лермонтов» – потрясающий. Каждую секунду ты находишься во внимании, пристальном и волнующим. Каждый кадр несёт правду и красоту. А как великолепно Вы читаете Лермонтова! Вы работаете над каким-то новым фильмом?*

– Я шёл вразрез с нашей культурной политикой, критиковал её и министров культуры, поэтому трудно было получить постановку. Я поставил фильм по роману Василия Белова «Всё впереди» в 1991, а потом я не желал участвовать в рыночном пошлом искусстве. Я человек другой эпохи, мой учитель и друг Андрей Тарковский вообще презирал этот рыночный процесс и мне говорил: «Уровень режиссуры в мире настолько низок, что подняться над ним не составит никакого труда», он признавал лишь пять–шесть имён в режиссуре в мире. Он удивлял меня. Я где-то его не понимал в его отвержении многих кинодеятелей, а сейчас я понимаю, что он был прав по большому счёту, и я, как его наследник – духовный, экстремально отношусь к нашему кино, которое я охарактеризовал как духовная катастрофа и предательство киноискусства. Все ударились в «доходный промысел», как говорил Иван Ильин, в «эффект пустоты», а я не хочу работать в пустоту.

– *Какие ближайшие задачи стоят перед Вами?*

Мы можем делать фильмы о героях нашего времени. Мы сможем показать истинную Россию, показать, какой должна быть культура в России, какое должно быть кино, телевидение и театр, остановить засилье лжи, издевательства над классикой, продолжать и сохранять русские культурные традиции.

– *Благодарю Вас, желаю Вам и дальше так же прекрасно выглядеть и чувствовать себя, и новых творческих успехов!*

Справка журнала «Берега»: Николай Петрович Бурляев – Президент Международного Форума «Золотой Витязь», член правления Союза кинематографистов РФ, лауреат Государственной премии Югославии, академик Международной славянской академии, президент Фонда культуры казаков России, член Патриаршего совета по культуре, член Общественного совета при министерстве культуры Российской Федерации, член Союза писателей России. Автор книг: «Одолеевая радостью страданья», «Летопись «Золотого Витязя». Автор поэтических текстов к художественным фильмам «Живая радуга», «Детство Бемби», «Юность Бемби». Автор публикаций поэзии, прозы и публицистических статей в периодических изданиях, снялся более чем в 70 фильмах, среди которых «Мальчик и голубь», «Иваново детство», «Птицам крылья не в тягость», «Русская рулетка», «Какая чудная игра», «Любовь и правда Фёдора Тютчева», «Адмиралъ» и др.

Режиссёрские работы: короткометражные фильмы: «Егерь», «Ванька-Каин», «Выбор», «Круг»; полнометражные художественные фильмы: «Лермонтов» – сценарий, режиссура, исполнение главной роли (1986, Мосфильм), «Всё впереди» – сценарий и постановка (1991, «Беларусьфильм»). Родился 3 августа 1946 года в Москве. Закончил актёрский факультет театрального училища им. Б. В. Щукина (мастерская Л. М. Шихматова) и режиссёрский факультет ВГИКа (мастерская М. И. Ромма и Л. А. Кулиджанова).

«БЕЗРАЗЛИЧНА К ИЗЛИШЕСТВАМ, ДОРОЖУ НЕОБХОДИМЫМ»

**О переосмыслении и неизменном во взгляде
на вселенское, российское, советское главный редактор
журнала «Берега» Лидия Довыденко беседует
с поэтом и публицистом Сэдой Вермишевой**

– Дорогая Сэда Константиновна! Возникла необходимость продолжить беседу с Вами, потому что масштаб и потенциал Вашей личности, поэта, публициста требует того. Вы написали как-то мне в письме, «как я могла поверить в советское время, что Россия – тюрьма народов?» Многое переосмыслилось в жизни, в судьбе у человека, жившего в СССР, а что-то в мировоззрении осталось неизменным. Что Вами по большому счёту рассматривается сегодня иначе, чем раньше, а что остаётся неизменным?

– Спасибо, Лидия Владимировна, за добрые слова, за прошлую беседу. Она действительно принесла не только доброжелательные отклики читателей, за что им моя благодарность, но и саму меня заставила задуматься и осмыслить многое из прошлого, соотносить с реалиями нынешнего времени. Это можно отнести и к заданному Вами вопросу о царской России, как «тюрьме народов». Отвечу сразу – с этим определением я познакомилась после того, как пошла в школу. Именно в школьных учебниках такая формула предваряла определённые разделы, и печаталась жирным крупным, крепко западающим в сознание школьника шрифтом. В качестве иллюстрации преподносилась русско-кавказская война, длившаяся почти пятьдесят лет (1817–864) и сопровождавшаяся с обеих сторон жертвами и жестокостью. Однако обвинялась в этом только одна сторо-

на – царская Россия. Обходилась или умалчивалась сложная геополитическая обстановка в регионе, в частности – интересы, преследуемые Англией, вынуждавшая Россию к ответным действиям. Ситуация преподносилась расширительно и по умолчанию распространялась и на другие территории и народы, добровольно присоединившиеся или завоёванные царской Россией. Хотя история их присоединения и включения в состав Российской Империи носила далеко не столь драматический характер. Русская классическая литература, с её гуманистическими традициями, работала в том же направлении. Горские народы Северного Кавказа, страдающие от деспотизма царской России, были единственной иллюстрацией к вышеупомянутому тезису, являя собой типичный пример того, когда единичное явление представляется как массовое, что в корне меняет подход к нему и его оценку. Но советской власти нужно было создать в народе негативный образ царской России, и на этом фоне ярче высветить преимущества советской системы. Такова была реальность моего детства. Но в то же время была и другая реальность – мои родственники, которых я знала лично или по рассказам. Тезиса о тюрьме народов она не подтверждала. Но воздействие пропаганды перевешивало. И только совсем недавно я усомнилась в справедливости заученной с детства формулы, опираясь, прежде всего, на собственную родословную. Приведу примеры. Мой далёкий предок Иосиф Аргутинский–Долгорукий – предводитель армянской паствы в России, архиепископ, впоследствии католикос, прибыв в Россию, невзирая на свою принадлежность к церкви, стал сподвижником Суворова и Потёмкина, участвовал как в Крымских походах, так и в присоединении Новороссии. Был приближен ко двору Екатерины Второй (у меня бережно хранится подаренный ею Иосифу Аргутинскому, исполненный по её личному заказу сервиз замечательной красоты и тонкости, из севрского фарфора). Княжеского звания Российской Империи Павлом Первым был удостоен не только Иосиф, но и его братья, в добавление к аналогичным армянским и грузинским титулам этого древнего армянского рода Захаридов. Как активному участнику потёмкинских и су-

воровских походов и завоеваний, ему были дарованы земли в Крыму и в Новороссии. Одним из его наследников является мой прадед – князь Александр Аргутинский–Долгорукий. Оба его сына – гвардии полковники. При этом старший – полковник легендарного Преображенского полка, а дочь, моя бабушка, окончила в Петербурге Институт благородных девиц и была зачислена во фрейлины Императорского двора. Ближайший родственник князь М. З. Аргутинский–Долгорукий имел звание генерал-адъютанта его Величества, генерал-лейтенанта, и за военную доблесть и победы на Кавказском фронте был удостоен высших наград Российской Империи: орденов святого Александра Невского, Святого Георгия 3-й степени, Святого Владимира 1-й степени, Святой Анны 1-й степени, Белого Орла и других.

Мой дед Христофор Вермишев – видный общественный деятель, один из лидеров кадетской партии Закавказья, окончил Петровскую земледельческую и лесотехническую академию. Имя его было выгравировано на почётной доске академии среди лучших студентов этого учебного заведения. Занимал пост городского головы Тифлиса, был редактором и издателем 2-х ведущих, выходивших в Баку на русском языке, газет: «Баку» и «Кавказский Телеграф», собственным корреспондентом по Закавказью крупнейшей в России газеты «Русские ведомости».

Что касается материнской линии, то мой прадед Иван Карганов тоже принадлежал к дворянскому сословию. Будучи офицером царской армии, рано вышел в отставку. Жил в Тифлисе, где провёл конку, трамвай, водопровод, фуникулёр, был удостоен звания почётного гражданина города, владел в Грузии именем. Оба сына и дочь получили высшее образование. Старший – в Бельгии, младший – в Москве, а дочь, приходящаяся мне бабушкой, как я уже говорила в нашей первой беседе, – в Париже, где окончила Академию художеств. Замуж она вышла за Георгия Мелик-Каракозова. Его отец Павел Мелик-Каракозов – также из дворян, занимал должность Председателя Суда Кавказского края. Дочери его получили прекрасное домашнее воспитание, а уже их дочери впоследствии окончили

в Петербурге лучшие в России женские Высшие Бестужевские курсы. Сыновья же и младшая дочь моего прадеда высшее образование получили в Берлине. Старший из братьев, мой дед, дополнил его музыкальным образованием в Брюсселе. Об этом я тоже упоминала в прошлой беседе. В дальнейшем все они занимали соответствующее их происхождению, образованию и личным качествам место и положение в российском обществе. Особенно это касается обоих моих дедов, ярких политических и общественных деятелей Кавказа. Уровень жизни всех, кого я перечислила, как и тех, кого по тем или иным причинам не упомянула, был достаточно высок. Лично я помню дом моей бабушки в Тифлисе, в котором я жила во время эвакуации в годы Великой Отечественной войны. До революции дом принадлежал бабушке, она получила его в виде приданого от своего отца. Дом имел подъезд с широкими мраморными ступенями, высокими потолками, просторными комнатами с венецианскими окнами. Комната, в которой мы тогда жили, до революции служила хозяевам дома, моим бабушке и дедушке, залом для приёма гостей. Поставленный на широкую ногу дом этот собирал в своё время лучших представителей культурной, политической общественной жизни Тифлиса. Посетить его считали за честь приезжавшие на Кавказ деятели из Москвы и Петербурга. В комнате, под названием «зал», в которой мы жили, было площадью 60 квадратных метров. Я это хорошо помню, так как метраж комнаты позволял, по моему мнению, считать его виновником моей неважной успеваемости в школе. Размеры комнаты, преодоление расстояний в ней, считала я, отнимали всё моё время, которое можно было бы посвятить приготовлению уроков. Я убеждённо и настойчиво объясняла это маме. Не знаю, насколько я могла её убедить, но сама я искренне в это верила, как и в то, что царская Россия была «тюрьмой народов». Но сделанная впоследствии «инвентаризация» своей родословной заставила меня в этом усомниться. Думаю, и читателя тоже.

– *Что Вы можете ответить, Сэда Константиновна, на возражения, что все, кого упомянули, были представителями высших слоёв российского общества?*

– На это я могу ответить, что царская Россия была сословным обществом, а это изначально означает наличие в стране социального неравенства. Формулировка же «тюрьма народов» предполагает неравенство этническое, что не соответствовало действительности, и это – закономерно, ибо Империя – многонациональное государство, дискриминация по национальным, этническим признакам вызывает в многонациональном государстве, каковым по определению является Империя, обратную реакцию – стремление к этнической обособленности с неизбежным переходом в сепаратизм и к угрозе распада государства. Российская же Империя была близка Византийской традиции, где даже Императорский престол мог занимать представитель любого этноса, если его личностные характеристики соответствовали столь высокому званию.

Монолитность общества, его устойчивость не должны подвергаться националистическим, как и шовинистическим соблазнам, неизбежно ведущим к распаду многонационального государства, к его гибели. Со стороны государствообразующей, самой многочисленной нации, чья культура, в том числе политическая, являются для всех граждан определяющей, возможен, даже уместен патернализм, или что-либо близкое к нему.

– *Что служило, на Ваш взгляд, гомогенизации многонационального государства – Российской Империи?*

– На мой взгляд, важнейшим фактором являлся, прежде всего, принцип и действовавшая практика административно-территориального деления Российской Империи, когда внутренние границы определялись и устанавливались безотносительно к проживающим на данной территории этносам. Территориальное деление носило исключительно административный характер, и границы уездов и губерний определялись экономическими, транспортными и прочими факторами, а не территориями компактного проживания какой-либо этнической группы, входившей в состав Империи. Это предвосхища-

ло возможность возникновения этнической обособленности, изоляционизма, национализма, сложностей сосуществования и взаимной адаптации различных разнородных культур на территории одного государства. Это шло бы в ущерб общегосударственным интересам многонациональной страны, и поэтому являлось необходимой предпосылкой выработки на всей территории Российской Империи общих, единых для всех населяющих её народов, включая русских, стандартов и норм. Это так, потому что в задачу всякой Империи входит, повторюсь, интеграция, инкорпорация населяющих её народов в целях гомогенизации общества, создания условий их совместного гармоничного сосуществования и развития.

Обращаясь к истории, отметим, что первоначально территория России делилась на 250 уездов, и это вело к излишней раздробленности и сложностям в управлении государством. В конце 1708 года Пётр Первый провёл реформу укрупнения административно-территориального деления России, создав 8 губерний, непосредственно подчиняющихся центральной власти. Таким образом, гений Петра предвосхитил идею, сформулированную в более поздние времена (1831–1891) и по другому поводу Константином Леонтьевым: «Централизация власти – императив внутренней идеи России». Продолжение этой цитаты гласит: «Разрывая путы этого деспотизма, явление гибнет», в чём, к сожалению, мы смогли, и не раз, убедиться.

– *Как Вы определите роль языка в консолидации общества?*

– По вопросу о роли языка (и литературы, и культуры в целом), как необходимых факторов консолидации и гомогенизации общества я хотела бы подчеркнуть, что процесс этот носит двусторонний характер. В результате развития и распространения языка и культуры Империи и языков этносов, населяющих Империю, как и их культур, литератур, происходит встречное движение и, в зависимости от собственных внутренних сил и ресурсов, создаётся поле имперской культуры, которое, как правило, покрывает всю территорию Империй.

В советское время эта тенденция только усилилась. В качестве яркого исторического примера такого рода можно

с успехом привести и Рим, латинский язык, который в ходе расширения римских территорий привёл к латинизации полмира, определив основу романо-германских языков и сумел оказать влияние на литературу, написанную на этих языках, на всю мировую культуру и её развитие, продолжающееся и по сей день. И разве Европейский Союз – не модификация Священной Римской Империи Оттонов, вплоть до той роли, которую в нём занимает нынешняя Германия? А влияние античности, эллинизма, Афинской демократии разве не лежат в основе всех современных европейских демократических систем со всеми их понятийными, смысловыми атрибутами и содержательным наполнением, – кворум, форум, консенсус, статус и пр.? А древнее Римское право – не является ли основой современного, европейского и не только европейского, гражданского права? И коль мы заговорили о Римском праве, почему бы не вспомнить и об одном из главных его постулатов – «священной частной собственности», который, в том числе и благодаря употреблению слова «священной» перед словом собственность, и по сей день оправдывает, и цементирует, и освящает капиталистическую основу современного мира и выводит за рамки закона протест?

– А как бы Вы охарактеризовали специфику русской цивилизации?

– Всё сказанное, с некоторыми оговорками на местную специфику, можно отнести к Российской Империи, которая может быть названа, в соответствии с ролью русской культуры и русского языка в ней, русской цивилизацией, перешедшей в советскую, внёсшей новые фундаментальные, не всегда совпадающие с романскими, смыслы. И не это ли фундаментальное несовпадение лежат в основе всех нынешних противостояний Запада, наследника Римской империи, с Россией? Но это реплика в сторону. Вернёмся к теме языка. И понимание значения русского языка в Российской Империи многократно возрастет, если мы учтём, что среднее и высшее образование в ней можно было получить только на русском языке. На языках других населяющих Россию этносов преподавание шло

лишь в начальных классах приходских школ. Таким образом, владение русским языком открывало дорогу как к среднему, так и высшему образованию, к службе в государственных, и не только, структурах, давало возможность быть приобщённым к мировой культуре. В доказательство сошлюсь на собственную родословную, раз уж мы взяли её в качестве доказательной базы, и отмечу, что как со стороны отца, так и со стороны матери родным языком для всей моей родни и широкого круга их общения, был русский язык. На нём говорили, думали, творили, входили в историю Российской Империи – то есть возникала новая реальность, которая была идентична исторической реальности России и потому уместен разговор о возникновении такого феномена, как русская цивилизация, со своей генетической основой, структурой и иерархией смыслов, определяющей специфику мышления, саму ментальность, характер этой цивилизации. По мысли выдающегося филолога-слависта позапрошлого и начала прошлого века А. Потебни, «язык можно сравнить со зрением, подобно тому, как малейшее изменение в устройстве глаза неизбежно даёт другое восприятие и этим влияет на всё мироощущение человека, так каждая мелочь в устройстве языка должна давать без нашего ведома свои особые комбинации элементов мысли (А. Потебня. «Язык и мысль». Киев, 1997 г., переиздание 1913 года).

Эти «особые комбинации элементов мысли», как результат накопленного этносом исторического опыта, и определяют специфику русской цивилизации, и её значения, как объединяющего фактора человеческой общности многонационального государства... Язык – великий связной. Используя язык какого-либо этноса (в данном случае речь идёт о русском языке), ты формируешь собственное сознание, аналогичное тому этносу, язык которого ты употребил. Отсюда роль русского языка для создания в стране русской культуры, среды, с единой шкалой ценностей, мировоззренческой спецификой. Отсюда и та пропасть, которая разделяет сегодня русскоязычных граждан бывшего СССР от граждан, являющихся носителями языка других, населяющих Россию, этносов.

– Что является главнейшим условием гомогенизации многонационального государства, на примере Российской Империи?

– Таким условием является, прежде всего:

1) соответствующее административное деление территории страны, которое строится не по национальному признаку;

2) максимальное распространение единого для всех языка (в данном случае – русского) на всём пространстве рассматриваемой территориальной единицы, будь то Российская Империя, Советский Союз, Российская Федерация или грядущее новое образование;

3) решающая роль в этом принадлежит образованию и культуре на основе единого для всех языка, принятого в качестве государственного.

Подводя же общие итоги, следует отметить, что в неравном положении были в России народы нехристианского вероисповедания. Сама формула «Православие. Самодержавие. Народность» изначально предполагает такое неравенство. Реально же неравенство в стране носило сословный, социальный характер, что и привело, в конечном счёте, к революции 1917 года.

– Что ещё переосмыслилось Вами сейчас о советской действительности?

– Вопросом, который всегда занимал меня как в советское, так и в постсоветское время, то есть уже в зрелом возрасте, и на который я нашла ответ сравнительно недавно, – это о возможности построении социализма в одной, отдельно взятой стране, поставленный Лениным в Апрельских тезисах. У меня были сомнения в справедливости этих слов, с одной стороны, а с другой – я жила в стране победившего в одной отдельно взятой стране социализма. Что есть миф и что реальность? Я думала об этом. Ответ пришёл неожиданно. И не помню как, по какому поводу я наткнулась на закон общей теории систем, который гласит «ОДИН ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ В СОСТОЯНИИ, КАЧЕСТВЕННО ИНОМ, ЧЕМ ВСЯ СИСТЕМА». Так я нашла ответ и объяснение тому оглушительному обвалу, которым закончился, несмотря на принесённые неисчислимые жертвы, социализм в одной, отдельно взятой стране. Страна

рухнула, как любое сооружение, с неверно рассчитанным фундаментом, похоронив под собой все неоспоримые достижения и принесённые жертвы... И лозунг о том, что все пути ведут нас к коммунизму, оказался бравадой, потому что пришли мы не к коммунизму, а к обществу, построенному на криминальной основе, и лихорадочно ищем выход из критической, как внутренней, так внешнеполитической ситуации...

Мысль о построении социализма в одной, отдельно взятой стране, закономерно переходила к мысли о призыве Ленина «превратить войну империалистическую в войну гражданскую». В результате, как известно, страна получила войну и гражданскую, и империалистическую. Чтобы ответить себе на вопрос о правомерности ленинского призыва, я провела небольшое исследование с выводом: «... к 1918 году советской властью было утеряно три четверти территории царской России...» (С. Вермишева. Тектоника внешних и внутренних границ СССР. Москва. 1997) И хотя, пройдя через невиданные жертвы, невосполнимые потери, страну всё же удалось восстановить, повторение такого опыта мне представляется чреватым катастрофой вселенского масштаба, учитывая фактор наличия у противоборствующих сторон атомного оружия. Так что можно говорить и в этом случае о переосмыслении мною собственной позиции, которая была, наверно, данью героике гражданской войны, в том числе создаваемой советской литературой. Для справедливости отмечу, что эта героика, несомненно, имела место. Но с возрастом ценность человеческой жизни возрастает, и здесь думать и думать каждому, принимать или не принимать этот ленинский лозунг. Я свой выбор сделала.

Пересмотрен мной и вопрос о способности кухарки управлять государством. При этом не в пользу символической кухарки. Вопрос этот не простой, требующий специального разговора, в частности о сословиях, кастах, генетике.

Без изменения осталось моё негативное отношение к расточительству, к излишествах, неумеренности, потребительству, как цели и смыслу жизни. И если в детстве оно носило субъективный, то в настоящее время носит вполне осознанный

характер. Первый раз это отрицательное отношение проявилось в раннем детстве, в дошкольном возрасте, когда я получила в подарок роскошную, говорящую куклу. Прислали мне её американские родственники. Я кукол не любила. Никогда в куклы не играла, предпочитая велосипед, санки, лыжи... А тут – кукла, почти моего роста, шевелит руками, ногами, говорит «мама». В те годы такая кукла была большой роскошью. Меня же она озадачила. Особенно её имитационный характер, – в ней всё было «как бы»: она как бы двигается, как бы говорит, как бы плачет... Но всё это было не настоящим. Я делала вид, что рада подарку, на самом же деле думала, как от него избавиться. И вот придумала: я отвела кукле место около своего детского столика, усадила её в своё детское кресло, как бы демонстрируя всем свою заботу и любовь к кукле, дала ей имя своей двоюродной сестры. А потом, украдкой от взрослых, села ей на колени. Кукла издала жалобный звук, означавший слово «мама», после чего её голова благополучно отвалилась. Это было то, что мне нужно, хотя я постаралась не демонстрировать свою радость и сделала печальное, горестное лицо. Но дело было сделано. Туловище обезглавленной куклы недолго занимало место в моём любимом детском креслице.

Уже в годы войны, в эвакуации, в Тбилиси, меня тяготили не только размеры комнаты, нашей «залы» (о чём я упоминала выше), но и многое в моей бабушке, в которой я видела признаки барственности. Особенно, когда она брала меня на прогулку, надев свой любимый, ненавистный мне, «плисовый» жакет, а на голову – шапочку с серебряной брошкой. Слово «плисовый» и серебряная брошь меня отвращали от бабушки, и я старалась выпростать свою руку и поскорей убежать от неё подальше, заведя издали приближающуюся фигуру знакомого или соседа, чтобы не быть причастной ни к брошке, ни к «плисовому» жакету, ни к самой бабушке. С неприязнью я воспринимала и сервировку нашего стола. Стол накрывался посудой дорогого фарфора лучших образцов Европы. Но есть на этом фарфоре было практически нечего. Нечем было и топить камин из белого мрамора, а когда всё же топили, обогрев был минимальным.

Стены нашей комнаты были оклеены не обоями, а материей. Они были задрапированы ею до самого потолка 4-х метровой высоты. Ткань была мягкой, шелковистой. Но в складках драпировки накопилось много пыли, а сама эта, когда-то несомненно, красивая драпировочная ткань, давно выцвела. Но менять её было некому. И я любила уходить от всех этих бесполезных вещей, призраков прошлой эпохи, к своей подружке Вете, которая жила в комнатухе, где от входной двери до конца комнаты было всего несколько метров. Обогревалась она вполне сносно керосинкой, на которой её бабушка, в прошлом прачка в бабушкином доме, готовила и щедро угощала меня вкуснейшими пирожками. И не было на столе ни фарфора, ни хрусталя. Но были пирожки. И это было главным... Стены комнаты были оклеены обычными обоями. Мне было тепло и уютно. Вот тогда-то, мне кажется, и сформировалась у меня неприязнь к излишествам, особенно в условиях отсутствия необходимого. Сформировалось и укоренилось и понимание бесценности необходимого и бесполезности излишеств в условиях отсутствия необходимого. На сегодняшний день я этого отношения не изменила, – безразлична к излишествам, дорожу необходимым. Насколько такой подход отвечает вызовам времени, можно судить по сделанному Римским клубом в начале 70-х годов знаменитому докладу «Пределы роста», суть которого в том, что ресурсная база Земли убывает, численность населения растёт. Эта диспропорция и определяет будущее человечества, его перспективы, не исключая катаклизмов планетарного масштаба. Моя интуиция в далёком детстве меня не подвела.

Не изменилось и моё отношение к собственности. Государственная собственность на средства и орудия производства, как в советское время, так и в нынешнее, рыночное, для меня предпочтительна. В основе моего отношения лежит этическое чувство, но и с точки зрения практической я считаю, что будущее за государственной, а не за частной собственностью. Мне представляется, что на большом временном отрезке её преимущества неоспоримы.

– Большое Вам спасибо, Сэда Константиновна!

НАЗВАНИЕ БУДЕТ?????? У ВСЕХ ЕСТЬ

Интервью с поэтом Анатолием Аврутиным

Л. Д. Анатолий Юрьевич! Вы являетесь русским поэтом каждой строчкой Вашей поэзии, каждым словом. Каковы истоки этой любви к русской поэзии, русскому языку?

А. А. Понимаю – Ваш вопрос вызван тем, что я родился и живу всю жизнь в Беларуси. Но родился я в то время, когда у всех нас была одна общая Родина – Советский Союз. И по-русски в Минске, как, кстати, и сейчас, говорило подавляющее большинство населения. У нас дома, сколько себя помню, была библиотечка русской классики, любовно собранная отцом – Пушкин, Чехов, Толстой, Лермонтов, Куприн, Некрасов... Эти имена вошли в мою плоть с молоком матери. Именно мама сидела со мной дома, когда я был совсем маленьким, и в каждую, свободную от домашних хлопот минуту, читала мне книжки, хранившиеся на этажерке. В детстве у меня была очень хорошая память – почти любое прочитанное стихотворение или сказку я полностью запоминал с первого раза. И все пушкинские сказки уже в неполных четыре года декламировал наизусть... Поэтому было бы странным, начини я писать стихи на каком-нибудь другом языке. Кстати, в белорусской литературе легко прослеживается такая тенденция – уроженцы города пишут на русском, уроженцы села, где белорусские национальные традиции выражены куда сильнее, на белорусском...

Л. Д. Когда Вы поняли, что Вы поэт, что это главный Ваш талант и предназначение?

А. А. Стихи я начал сочинять куда раньше, чем научился писать – мои первые творения бережно записывала в тетрадку мама. И даже сберегла четверостишие, которое можно считать

моим первым стихотворением. Я ведь дитя репродуктора, который в нашем доме не выключался никогда. И параллельно с пушкинскими сказками в моё сознание входили имена генеральных секретарей компартий, столицы стран мира, оперные арии, футбольные репортажи Вадима Синявского. Я, кстати, и первые уроки белорусского языка получил из передач местного радио... И вот, наслушавшись победных сводок о достижениях тружеников советского села, я выдал своеобразную оду трактору:

Трактор, трактор, ты пойдёшь
По полям станицы.
Много хлеба привезёшь
Жителям столицы.

Согласитесь, форма стиха выдержана безукоризненно, что для четырёхлетнего карапуза огромное достижение. Форму я всегда чувствовал интуитивно. А вот ни хлебного поля, ни пахущих его тракторов, ни тем более станицы тогда ещё и в глаза не видал... А вот серьёзно я стал относиться к поэтическому слову куда позднее, когда впервые по-настоящему влюбился. В замужнюю женщину с двумя детьми, которая была намного старше меня. Потерял голову и несколько общих тетрадей исписал стихотворными строчками о несчастной любви – дама моего сердца благосклонно складывала стихи в особую папочку, но взаимностью мне не платила... Потом юношеская пылкая влюблённость сменилась на куда более сильное чувство, но именно тогда я понял, что поэтическое слово несёт в себе заряд огромной силы, способный не только вмешиваться в судьбы людей, но и порой кардинально их изменять...

Л. Д. Хотелось бы заглянуть в Вашу творческую лабораторию. Как рождаются стихи? Всё-таки не «из сора». Мне кажется, Анна Ахматова немного кокетничала, когда так написала.

А. А. Полагаю, что думаете вы правильно. Причём здесь сор? Лично на меня стихи как бы снисходят, чаще всего в самое неподходящее для этого время. Например, ночью. Успе-

ешь подхватиться, заставить себя встать и записать – повезло. Если нет, пиши пропало – стихи уйдут безвозвратно. Самое мучительное состояние – между двумя озарениями. Живёшь и мучаешься – а вдруг оно больше не придёт? За десятилетия творчества выработался своего рода «график» – в месяц пишутся два–пять стихотворений. Не больше, но и, слава Всевышнему, не меньше. Года за полтора–два собирается на новый сборник...

Л. Д. Кругом подмены, симулякры, ложная информация. Как Вам удаётся оставаться самодостаточным и органичным?

А. А. Но ведь это от нас зависит, как мы реагируем на ту или иную информацию, как себя ведём, чем интересуемся. Кто нам мешает отмечать те даты, которые дороги именно нам, а не назначены в качестве праздников в неолиберальном календаре? Слава Богу, черпать интересующую тебя информацию есть где. Почти не смотрю телевизор, поскольку мне не нравятся нынешние аналитические, а тем более – развлекательные программы. Помню, в одну из новогодних ночей, когда мы с женой одни встречали праздник, вместо телевизора отыскивали в интернете запись большого концерта Муслима Магомаева и с наслаждением послушали вначале его, а потом ещё и песни в исполнении Майи Кристалинской... Получили огромное наслаждение. То же самое и в литературе. Не признаю никакого постмодерна, никаких витиеватых километровых верлибров... То есть пусть они себе существуют, но меня это не касается. И русской литературы, на мой взгляд, тоже... Сколько бы их авторы ни примазывались к русской словесности...

Л. Д. Вы несомненно больше всего любите Пушкина. Почему, откуда истоки этого предпочтения?

А. А. Я бы не стал утверждать, что Александр Сергеевич – мой единственный любимый поэт. Просто это тот человек, который, по существу, создал современную русскую литературу, та глыба, без которой не было бы вообще ничего. Можно превзойти Пушкина в каких-то элементах творчества (скажем,

в техническом отношении Александр Блок заметно сильнее). Так в спорте наши современники с лёгкостью бьют рекорды великих чемпионов – прыгают выше, поднимают больше, метают дальше... Но это только в каких-то единицах, поддающихся измерению. Величие же пушкинской личности, его роль в становлении отечественной словесности превзойти вообще невозможно.

Вот я сейчас назову несколько имён, а те, кого не упомянул, непременно обидятся... Поэты – люди ранимые. И говорить им слова признательности нужно при жизни, чтобы они их услышали. Тем не менее, осмелюсь все же перечислить несколько фамилий – Светлана Сырнева, Екатерина Полянская, Наталья Егорова, Надежда Мирошниченко, Людмила Щипахина, Валентина Ефимовская... Как видим, всё это женщины-поэтессы. Добавлю к ним ещё имена и своих землячек – Валентины Поликаниной, Елены Крикливец, Татьяны Жилинской, Елены Агиной, Татьяны Лейко, Елизаветы Полеес, неувядаемой Светланы Евсеевой... Мне кажется, именно женщины на сегодняшний момент взвалили на свои плечи основную тяжесть спасения русского поэтического слова. Хотя и мужчины-поэты, такие, как Виктор Кирюшин, Андрей Шацков, Николай Рачков, Владимир Бояринов, Валерий Хатюшин тоже являют своим творчеством пример благородного служения отечественной словесности.

Л. Д. Переводческая деятельность... Из какой потребности она родилась? От античности до современных авторов. Что открылось Вам при переводе какого-то писателя или поэта, кого Вы особенно почувствовали и глубоко поняли во время работы над переводом?

А. А. Меня всегда интересовала античность. Ведь если вдуматься, кого мы знаем из тех, кто жил пять-шесть тысяч лет назад? Несколько самых кровавых императоров и... поэтов. Вергилия, Горация, Овидия, Катулла, Сапфо... Почему так получилось, что именно их имена сохранила история? Да потому, что человечество на каком-то подсознательном, генном уровне осознает – именно присутствие поэзии в общественной сфере

позволяет гомо сапиенсу оставаться человеком, а не превратиться в тупиковую ветвь развития обезьяны...

Другое дело, что бессмертные творения античных классиков долгое время казались скучны для рядового читателя. А все потому, что классики русской литературы к переводам относились весьма поверхностно, передавая исключительно содержание стихотворения без малейшего намёка на форму. В результате вместо Катулла мы читали ажурный пушкинский стих. В советские времена за дело взялись академические переводчики, которые, наоборот, первейшее значение придавали форме, но сами были поэтами в основном – посредственными. А потому читать то, что выходило из-под их перьев, было интересно разве что единицам. Я же попытался в работе с текстами античных мастеров сохранить и форму, и поэтическое изящество. Не мне судить о том, что получилось, но специалисты, да и рядовые читатели отзываются о моих усилиях весьма положительно.

Постепенно захотелось попробовать донести до современного русского читателя и творчество поэтов Эпохи Возрождения, гениальных французских, немецких мастеров. И, разумеется, всю жизнь с удовольствием перевожу своих коллег, пишущих по-белорусски. У меня в книге избранного «Просветление», которая была удостоена Национальной литературной премии Беларуси, очень большой раздел занимают переводы именно с белорусского. Михась Поздняков, Микола Метлицкий, Михась Башлаков, Владимир Мозго, Владимир Скоринкин, Микола Шабович – замечательные белорусские поэты, творчество которых заслуживает того, чтобы стать известным далеко за пределами Беларуси.

Л. Д. Что Вам даёт редакторская работа в журнале «Новая литературная Немига»?

А.А. В первую очередь – возможность открывать новые литературные дарования, помогать им становиться на ноги. И, разумеется, укреплять творческие контакты с коллегами из других стран – в первую очередь, из России. Вот и с «Берегами» мы уже давно, как говорится, «дружим семьями». Наши авто-

ры – частые гости на страницах вашего журнала, ваши – у нас... И так – со многими изданиями: «Нашим современником», «Молодой Гвардией», «Невским Альманахом», «Подъёмом», «Вертикалью»... В наше время, когда связи между писателями бывшего СССР основательно разрушены, именно такие творческие контакты помогают вдохнуть в творческий процесс искорки жизни... Но этим «Немига...» не ограничивается. Творческие связи налажены со многими русскими изданиями, выходящими в дальнем зарубежье – «Литературным европейцем» и «Мостами» (Германия), «Новым журналом» и «Альманахом поэзии» (США), «Витражами» (Австралия)... Так что наших авторов знают и на других континентах.

Л. Д. Есть ли у Вас история с каким-то автором, какой-то книгой, стихотворением?

А. А. Могу говорить только о том, как люди реагируют на моё собственное творчество. В наше время поэзией увлекаются далеко не все. Но те, кто понимает её значение и предназначение, порою врачуют собственные души именно стихами. В моей жизни встречалось несколько человек, судьбы которых меняли мои стихи... Не буду вдаваться в подробности... Просто живу с чувством гордости от того, что кого-то мои скромные строчки удержали на краю пропасти...

Л. Д. Расскажите о Вашей музе. Это внезапно появляющаяся «гостья с дудочкой в руках» или какой-то другой образ?

А. А. Чтобы писать стихи, поэт просто обязан быть влюблённым. Иначе ничего не получится. Убеждён, что любовь одна и даётся человеку на всю жизнь, но на протяжении этой самой жизни порой переходит на разные объекты. Точнее, на разных женщин, способных на какое-то время вдохновить, озарить, осчастливить... Я человек влюбчивый, и таких Муз на моем жизненном пути встречалось немало – достаточно посмотреть на количество посвящений с женскими инициалами в моих книгах... Хотя всю жизнь за их меняющимися образами стоит образ главной Женщины моей жизни – жены Зои, с которой мы вместе уже свыше сорока лет, и которая своей самоотверженностью всегда придавала мне жизненной силы и стойкости.

Л. Д. Есть ли у Вас в жизни, в творчестве какие-то судьбоносные события?

А. А. Смотря что называть судьбоносным... Некогда, совсем ещё «зелёным» автором, познакомился с народным поэтом Беларуси Пименом Емельяновичем Панченко, который очень поддержал меня, высоко оценив рукопись первого сборника. Помочь выпустить его в свет он, несмотря на все усилия, не смог, но тёплый рукописный отзыв на книгу народного поэта я храню до сих пор. Потом судьба свела меня с другим замечательным писателем – Михасём Стрельцовым, уникальнейшего таланта и эрудиции человеком. Мы на какое-то время очень тесно сдружились, Михась порой жил неделями в нашем доме... Именно он помог мне выпустить в свет первый сборник... Не могу не вспомнить и замечательного прозаика Ивана Сабилу, с которым мы родились и росли в Минске на одном крохотном Автодоровском переулке. Тогда дружбы между нами быть не могло – мне было шесть, а Ивану четырнадцать. Но впоследствии, когда Иван Иванович уже жил в Петербурге, где много лет возглавлял областную писательскую организацию, мы отыскиали друг друга и подружились уже навсегда. Именно Ивану Сабилу я обязан тем, что меня стали замечать и печатать редакторы многих российских литературных изданий...

Л. Д. Как случилось, что Вашим именем названа звезда? Чувствуете ли Вы её влияние? Или это просто лестный эпизод в Вашей жизни?

А. А. Думаю, что последний вариант наиболее правильный... Звёздочка крохотная, пятнадцатой величины, ни в какой телескоп её не рассмотришь. Но приятно, не скрою... И какую-то дополнительную ответственность за уровень написанного подспудно испытываю...

Л. Д. Как Вы стали членом различных академий? Насколько это важно для Вас?

А. А. Для меня важно не само членство в этих авторитетных сообществах, а то, насколько это может мне помочь в работе по пропаганде русской словесности Беларуси за пределами нашей

страны. Дело в том, что десятилетиями созданное в Беларуси на русском почему-то считалось чем-то заведомо второсортным – не белорусской литературой, и не русской. Так, русскоязычной, что вообще-то сродни ругательству. Это при том, что русское слово в Беларуси имеет свои могучие корни, берущие начало от великого Симеона Полоцкого и продолжившиеся в творчестве многих известных писателей. Я могу на эту тему долго рассуждать... Скажу только, что факт признания того, что в Беларуси есть известный русский поэт – а членство в Академиях разных стран тому подтверждение, –автоматически придаёт веса и всей русской литературе Беларуси, заставляя взирать на неё более внимательно и доброжелательно. Кстати, сравнительно недавно пришло известие из Болгарии, что меня избрали действительным членом Международной Славянской Академии. Значит, впереди новые горизонты...

Л. Д. Расскажите о Ваших любимых: поэт, художник, композитор, фильм, сказка, место на земле, женский образ.

А. А. Если коротко, по ночам перечитываю Блока и Рубцова, люблю картины художников Эпохи Возрождения, а также Репина, Шишкина, Левитана, русских передвижников, добрые советские кинофильмы вроде: «Иронии судьбы», «Кавказской пленницы», «Вокзала на двоих» и «Москва слезам не верит...», верю в то, что любая царевна-лягушка при определённых условиях может обратиться в Василису Прекрасную – нужно только её сильно полюбить... Одним словом, верю в Любовь, которая и есть высшее чудо на земле.

10 ОТВЕТОВ

Валентина Курбатова на вызовы современности

«...неужели, мне будет 80 – и какое счастье!»

Дорогой Валентин Яковлевич!

От имени редакции журнала «Берега», его авторов и читателей поздравляем Вас с 80-летием и присуждением высокой награды – Государственной премии за вклад в сохранение и развитие традиций русской литературы! Мы благодарны псковским берегам, которые подарили миру Ваш огромный писательский дар и вдохновенный талант! Желаем Вам прекрасного самочувствия и отличного настроения, здоровья и сил на новые произведения, которых мы всегда с нетерпением ждём.

Почвенники, славянофилы и либералы, западники... Это разделение – проклятие русской литературы, русского общества или движущая сила? Или что-то ещё?

Василий Васильевич Розанов писал когда-то, печалась о Пушкине, что, «поживи Александр Сергеевич подольше, мы не разделились бы на славянофилов и западников», – такую целостную Россию он содержал в себе. Глядишь, постыдились бы. Хотя вряд ли... Червячок-то с первой оглядки Петра Великого, с его «окошка в Европу» завёлся, за что староверы ласково звали его Антихристом. Да и матушка Екатерина одной рукой собирала Россию, прибавляя к ней Крым, а другой немножко оставалась дома, в Германии, кокетничая с Вольтером. Да и у самого Александра Сергеевича – почитайте-ка: «Пока Наполеон был далеко, молодые люди говорили обо всём русском с презрением и равнодушием», а как оказался на пороге, так «гостинные наполнились патриотами: кто высыпал французский табак и стал нюхать русский, ... кто отказался от лафита и принялся за кис-

лые щи». Только теперь думаешь, что и, не окажись Наполеон на пороге, молодые люди не принялись бы за кислые щи, а всё так и цедили бы о родном с презрением и равнодушием. Да и сам-то Александр Сергеевич вон чего писал: «Я, конечно, презираю отечество моё с головы до ног – но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство». Это в ссылке, в живой досаде. А мы «на воле» презираем. Бог даст, до поры. И даже не до испытания, не до Наполеона (сохрани Бог!), а просто по духовному взрослению. Что сделаешь... Видно, нам на роду написано наше «евразийство» с его невольным раздвоением. Только у тех, первых «делильщиков», по слову Герцена: «сердце было одно», а у нас уж вон и вовсе никакого сердца, одно взаимное противостояние Красной и Болотной площади. Однако опять ободрюсь, не обманывая себя, – до времени, когда из населения станем народом.

Что такое по-Вашему современный литературный процесс, его составляющие, и есть ли у Вас оптимизм по его поводу?

А современный-то литературный процесс куда денется? Он дитя этого деления. Загляните в «Завтра» или «Коммерсант» – ведь это газеты разных, не граничащих друг с другом государств, как радио «Эхо Москвы» и «Радонеж» или в телевидении каналы: «Дождь» и «Спас» – дети противостоящих информационных систем.

Вон позвали меня 24 мая в администрацию о Кирилле и Мефодии поговорить, а в Псковском университете в этот час проходили в рамках подготовки к Ганзейским дням наши «родные» «нетворкинги», «воркшопы» и «кесс-чейнджи». Вот тебе и День славянской письменности и культуры!

Вот и в литературе одни ещё договаривают старые живые правды, как, скажем, Роман Сенчин, Антон Уткин, Гузель Яхина или Петр Краснов, а другие уже и жанры определяют, как «фэнтези», «хорроры», «палп-фикшны», «стендап-комиксы» или «роман нуары» (наши, наши определяют!) и брезгают реализмом, конфузясь перед Европой, – не буду называть фамилий – авось, ребята ещё вернутся «домой». Читаю, вон, в жюри Премии «Ясная Поляна» через край этих «хорроры» и «роман

нуары», но всё отчётливее вижу, что с выравниванием мира и литература устаивается и понемногу обустроивает хоть и не дом ещё, а таун-хаус, но всё жилище под небом, и надеюсь, надеюсь...

Что Вы думаете о современных издательствах, которые даже хорошие книги подают под отвратительными обложками, как «читиво»?

А художники книги делятся не так отчётливо, как писатели, и всякому естественно по домашнему честолюбию хочется подать книжку поэффектнее (и автора представить, и себя немножко показать), так что по обложке уже не отделишь честного консерватора от подлеца-постмодерниста. Зайдите в книжный магазин, тотчас и увидите это соревнование честолюбий: и меня купи! И меня! До содержания ли тут – от обложки отшатнёшься... Но тоже в своем таун-хаусе нет-нет и родное вспомнят, так что и тут не без надежды.

Помню, в одном из писем Вы сказали: «Пойду разобью телевизор о камень!» Действительно, на разных каналах ТВ совершается окончательное предательство своего народа, который воспринимается, как Вы говорите: «как пассивное неразумное большинство, управляемое сотней умных подлецов».

Про телевизор лучше не начинать. И, правда, лучше «о камень», а то девки наши расскажут Малахову про всех своих любовников, а те потом перебьют друг друга, а дети узнают всё о родителях, как бы те ни изворачивались перед детектором лжи. А старые актёры успеют искраснеться за своих молодых возлюбленных, если их не перебьют новости о Зеленском, которого по-прежнему будут именовать не Президентом, а «бывшим комиком», и не бояться быть вызванными на дуэль и застреленными (это вы о «чести» что ли? – что это такое?). Богатые ребята хорошо платят, чтобы человек не спрашивал, где он берёт деньги, а смотрел и утешался, что всяк человек – подлец, и можно не стесняться своего падения: всё вокруг такая же дрянь – «ведь правда, Вань?». А вон теперь ещё и «цифрой» грозят с сотней новых каналов. Когда думать-то? Только успевая переключать!

Ваш «Подорожник» – дневник Ваших путешествий с великими людьми: Цветаева, Антокольский, Пришвин, Тарковский, Свиридов и множество других лучших творческих людей. Это полотно и Вашей личной судьбы. Вы сами их искали, или они искали встреч с таким человеком, как Вы, любящим героев своих книг? «Несомненное право, самому выбирать свою жизнь» – это, перефразируя Николая Гумилёва. Вы сами выбирали своих героев? Вы говорили о Случайном, как о «дивном романе жизни»?

Начался «Подорожник» действительно случайно – взял да подарил Ю. Н. Куранов, которого теперь в Калининграде знает каждый читатель, мне на день рождения толстую канцелярскую тетрадь, где пиши да пиши, и сам написал первую страницу. А мне уж после него, которого я чтит высоко до неловкости перед ним, что и сам что-то пишу, писать дальше было неловко.

А скоро приехал в Псков Пал Григорьевич Антокольский, который потом рекомендовал меня в Союз писателей, и я дерзнул попросить его об автографе. Ну и уж тут тетрадь была обречена. Да и куда из себя матушку-провинцию денешь. Деревенский же! Как не похвалиться перед сверстниками? Погляди-те, как и не деревенские даже сочинители конца XIX – начала XX века, хвалились, что вот побывали у Толстого и он сказал то-то и то-то. Вы думаете, они действительно ездили за спасительной мудростью, чтобы начать жить по-другому? Вспомните хоть Зинаиду Гиппиус с Дмитрием Мережковским, которые и сами тогда капризничали: кого принять, кому отказать от своего дома. Похвалиться хотела Зина. И Дмитрий Сергеич, хоть и стеснялся Зининою желанием, но и себя всё-таки хотел показать, свою модную на ту пору мысль.

У меня этих притязательностей не было (себя показать), а вот похвалиться, что видел и говорил с великими: вот, де, вчера Арсений Александрович Тарковский сказал, а Анастасия Ивановна Цветаева написала – как тут устоишь? О печати действительно не думал – друзьям бы показать да самому укрепиться. Ну и теперь вот вижу, что и писатели-то (и великие!) – тоже дети и им хочется утвердиться, что нужны, что слышны миру: особенно и просить не надо. А уговорил иркутский издатель

Геннадий Сапронов: «На сундуке с сокровищами сидишь, – говорит, – чего не поделиться?» Тем более, что многих уже не было в живых, и любое их слово уже прописывалось в истории литературы. Уже и грех было бы скрывать-то.

Ну, а уж как первое издание вышло, то и «расчёт» явился – сознательное желание хранить «домашнюю» историю литературы. А в последнее время, так уж и привычка и просто желание в одинокий час (ездишь-то с годами всё реже) взять зимним вечером тетрадь и вспомнить день и час нечаянного или подстроенного свидания и обмануть себя, что имеешь какое-то отношение к «процессу» литературы и жизни. И уже ищешь «контекста», провоцируешь авторов, отсылая к другим авторам – как они слышат друг друга. И тем будто на минуту и связываешь их друг с другом – тоже вроде и от тебя польза, и твоя страница в счастливом романе случайной жизни, когда ты уже строишь «случай» и чудо живого дня.

Когда я прочла Вашу книгу «Наше небесное Отечество», хотелось читать и перечитывать, что я и делаю, восхищаясь и Вашим стилем, и слогом. И никого не могу поставить рядом с Вами, кто так бы впитал в себя национальную культуру и так гениально выразил её в книге. Откуда у Вас такие духовные корни? Такая глубокая слитность с нашей верой?

А это уж просто «везение». Дедушка был молитвенник. Мы пять лет (с 1942 по 1947) после того, как переехали с мамой в связи с её работой из посёлка Салаван, где я в 39-м году родился, жили с ним в землянке, потому что дедушку в свой час «раскулачили» за то, что у него было тринадцать детей – вон сколько рабочей силы! – непременно захочешь всех прокормить. Избу у дедушки отняли и увезли, но милостиво позволили жить в погребе во дворе, где летом хранили продукты. Он вставил в погреб окошко, сложил печь, и жил да молился в родной деревне. И меня, внучка, пока мама была на работе (путевой обходчик на станции Бряндино под Ульяновском), решил выучить псалтыри. И выучил!

А потом я уже был «как все» (не живите долго, а то вы узнаете, что первым «как все» хотел быть собеседник Гиппиус

и Мережковского М. М. Пришвин, о котором я писал книгу ещё в «Советском писателе», который вскоре из просто Совписа, как «Советского писателя», стал Совписом, как стыдливым «Современным писателем»). Потом я был пионером, но крестик, зашитый в школьную куртку, носил с тайным пониманием вызова. А там уже и без всякого вызова был комсомольцем (и даже печалился, когда меня с первого раза не взяли – чуяли какую-то «порчу»). И совсем было позабыл о Боге за четыре года на флоте. А демобилизовался в Псков (расскажи всё подряд – никакого журнала не хватит), а уж тут при храмах-то на каждом шагу не вспомни-ка! И я потихоньку, ещё работая в молодёжной газете, прилачился заглядывать в три действующих храма (остальные были сосланы в «памятники»), а там уж и петь в одном из них. И вот с той поры пятьдесят с лишним лет и не выхожу из церкви.

А когда на пороге нового тысячелетия выпала возможность оказаться в Константинополе, а там и в Мирах Ликийских, – как было устоять? Вот и повадился, и за пять лет поездок и книгу накопил про «небесное Отечество». И в храме, читая «Апостол», уже лучше слышал Павловы слова, потому что помнил солнце, под которым его послания складывались, и пыль дорог и соль моря, которое для него было той же дорогой.

И сейчас, в пору шатания родного слова и выветривания смыслов на базарном языке эпохи, тем и держись, что небесный корень слова помнишь, адамову райскую простоту наших глаголов.

Может ли или нужно ли писателю быть политиком?

Конечно, и в повседневные заботы эти первоначальные смыслы проталкиваешь, хотя бы даже и в политику (а мне довелось сживать в разных Советах, в Общественной палате России и сейчас вот в Президентском Совете). Художники обычно бегают от политики, даже с подчёркнутой брезгливостью. Виктор Петрович Астафьев, помнится, корил Валентина Григорьевича за его согласие войти в Президентский совет при Горбачеве. Но сам-то тоже в депутатах ходил и нет-нет похвалялся, что «трудящиеся его района спят спокойно, потому

что у них депутатом писатель Астафьев – образование шесть классов, беспартийный, русский, не судим...». И Валентин Григорьевич в депутатах и Совете писательского слова не ронял. Как и Василий Иванович Белов. Отчего писателей в шатающуюся эпоху и звали в депутаты. И когда бы и сейчас мы, как они, были бережными и рачительными детьми своего Отечества, то, может, и стеснялись бы воротить нос от политики. И она была бы осмотрительнее под строгим приглядом. А так мы ей сейчас руки сами развязываем. Идите, де, подлецы, не пачкайте наших художественных риз, а они за это время глядишь потихоньку такую жизнь построят, что свои ризы никак не убережешь, потому что сама реальность, которой художники только зеркало, поневоле тебя изгваздает...

Что Вы думаете об СССР и будущем России?

О СССР подлинно, как о молодости. Кто не был бунтовщиком в юности, у того нет сердца, а кто не был консерватором в старости, у того нет разума. СССР – естественное дитя России, самое родное дитя. И она ещё спохватится и обнимет своё дитя, если не совсем дура, и перестанет без конца примерять чужие платья и искушаться призывом «Ведь ты этого достойна!». Это они недостойны её красоты без косметики (как у Александра Сергеича – «здоровье краше всех румян»). Вспомнит, что она одна, по слову Рильке, граничит не с другими государствами, а с небом, и выйдет, наконец, в свою не общегоризонтальную дорогу, по которой человечество давно ходит по кругу, пряча от себя это топтание, а выйдет в единственную – вертикальную, куда ещё и шага не сделала. А выйдет в эту небесную сторону всё равно первой она – не Штаты, не Европа и даже не Китай с Индией. А там, глядишь, и они подтянутся. Не слепые же. И мы вспомним, что не зря зовёмся детьми Божиими.

«80 лет, и какое счастье!» Откуда у Вас этот оптимизм?

Это я впервые почувствовал в семьдесят лет, когда телевизионная девочка с состраданием спросила: «что можно чувствовать в этом возрасте?» А я ей с радостью: чудо и счастье! и мне ещё, Бог даст, будет семьдесят пять, а там и восемьдесят!

И я только завидую ей, что ей это счастье ещё предстоит (девочка уронила микрофон).

Ты, как пчела, собираешь улей жизни и все цветы и поля твои, и каждый цветок отдельный и нет ему повторения. И в этом саду равноправны утраты, болезни, смерти близких. Господь строит твою душу и, оборачиваясь, ты вдруг однажды осознаёшь, что каждый день единичен и необходим. И боль входит в порядок жизни, чтобы ты видел лучше и рос сердцем.

Впрочем, это умствование. Один монах, расстрелянный в 37-м году, удивительно сказал в свой самый трудный час, что «Бог любит не всех одинаково, а каждого – больше!» И ты это однажды так ярко осознаешь, словно тебя разбудят, и уже сам будешь знать, что чем далее, тем жизнь ненагляднее. Это в тебе прорастает вечность, которая не ТАМ, а и вот ТУТ, в каждом дне. И это только мы своеволием, жадной отдельностью и эгоизмом строим злое историческое пространство (особенно нестерпимое в религиозных войнах) вместо того, чтобы увидеть Другого и обрадоваться его «дружости», как разнообразию небесного сада, где всяк цветок сам, а сад – только вместе.

А оптимизм в том, что раз ты догадался, то, значит, и другие в свой час догадаются вместе с Христом, Буддой, Магометом, Конфуцием, что мы живём в вечности, где конца нет, а есть только переход. Как в старину говорили про умершего – «преставился», переставился на другую ступеньку. Когда ж тут печалиться?

Итожите ли Вы дни, «ярчайший где»?

Нет, не итожу – просто живу. А «ярчайший»? К концу дней – каждый! А предшествующие без осознания чуда – увертюра. Предшествующие – только история, которая всегда есть только преходящая частность жизни и вечности, встающей на дворе с каждым рассветом, пока ты не прозреешь.

– Огромное Вам спасибо!

Об авторе: Лидия Владимировна Довыденко – секретарь Союза писателей России, член Союза журналистов России, кандидат философских наук, главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега», прозаик, публицист, краевед, общественный деятель. Родилась в Могилевской области в 1952 году, окончила Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, историко-филологический факультет. Автор 23 художественных, историко-краеведческих, публицистических книг, ряда телевизионных фильмов:

18 серий «Тайны Пиллау» и др. Публиковалась в литературных журналах и альманахах: «Наш современник», «Подъём», «Родная Ладога», «Сибирь», «Нижний Новгород», «Новая Немига литературная», «Врата Сибири», «Мозаика юга», «Литера», «Ступени», «Покрова», в «Литературной газете», «Вологодский литератор» и других, на сайтах: Росписатель, Русская народная линия, Общеписательская литературная газета, День литературы, Окопка.ру; Луганский информационный центр и другие.

Победитель в конкурсе журналистского мастерства «Слава России», лауреат литературной премии «Щит и меч Отечества», «Серебряное перо Руси- 2015» – «за высокое художественное мастерство», первое место в номинации «Познавая союзное государство» конкурса журналистских работ «Беларусь-Россия. Шаг в будущее». Знак «Трудовая доблесть России» – «За труд во славу России», победитель Всероссийского конкурса журналистских работ «Патриот России»- 2016, «Золотое перо Руси»-2016, медаль имени поэта Николая Рубцова, медаль Ассоциации ветеранов боевых действий органов внутренних дел и внутренних войск России «За верность присяге» имени генерал-лейтенанта И. Д. Волкова, 1-е место (Золотая медаль) в конкурсе СМИ «Патриот России – 2017», медаль «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе» –2017, медаль имени Евгения Замятина, медаль «М. В. Ломоносов. За заслуги. Слава русскому народу», Медаль имени Героя Советского Союза писателя Владимира Карпова, Почётная грамота Союза писателей России, 2019; Почётный гражданин Балтийского городского округа, медаль имени поэта Н Гумилёва –2020, Золотая медаль в номинации «Россия и мир» Всероссийского конкурса журналистского мастерства «Патриот России», Золотой диплом Международного фестиваля искусств «Золотой Витязь», орден Алишера Навои, знак отличия «Невечерний свет», медаль имени Л. Н. Толстого.

Вступительное слово

Духовное Преображение мира. Людмила Воробьёва	3
---	---

Глава первая

Вечное слово современников

Судьба землян. О книге С. Пылёва «А за окном – челове- ство...» – Воронеж, 2019	25
Вечные слова. О книге Л. Г. Яцкевич «Православное слово в творчестве вологодских писателей»	34
«Дневник» и «Наше небесное Отечество» о книгах В. Курба- това	45
«На новом круге уцелеем». Поэзия и философия Э. Суодене ...	54
Благодатный свет в книге Г. Сазонова «Сияние слова Василия Белова. Встречи, беседы, воспоминания». – Вологда, 2019...	60
«Стародубская пророчица» о поэме В. Подлузского «Берега», № 3(39)-2020	69
Заветы человечеству Амира Пахлевана	76
«Прогулки в закоулки» о книге Валентина Баюканского в 2-х томах, Липецк, 2013–2014	80
Поэт о поэтах. О книге В. Коростелёвой «Строки и судьбы». Повествование о творчестве 28 русских поэтов	86
«Могу считать себя морским писателем». Валентин Пиккуль и Балтийский флот	91
К 50-летию благотворительного служения культуре России Н. Д. Лобанов–Ростовский – Меценат России	96
«В мою жизнь пришло что-то прекрасное!..» О Евгении и Галине Киндиновых	106

Глава вторая

«А память священна»

Соборное целое в книге Н. Коняева «Купола над Друтью»	117
Вселенная С.Вермишевой	128
«Неизбывная сила родства». Поэтический мир Г. Кольцова	139
«Как ни крути». О книге сербского поэта Л. Поповича-Цоша..	146
Русские корни китайского чуда. Из беседы с Ю. Лужковым	151

«Богатство – вид людской невзгоды». О творчестве Ю. Шевченко	162
«Знаки». О сборнике рассказов Е. Журавли	171
«Наречия русского воина». А. З. Дмитриевский	174
Архипелаг писательской судьбы А. Лунина.....	177
Поэт и защитник Отечества. К. Батюшков	192

Глава третья

«И мужество нас не покинет...»

Святоград Луганский.....	200
«Донбасский код». А. Чернова.....	220
Дорогие мои фронтовики.....	224
Герой России – Павел Павлович Кретов.....	235

Глава четвертая

Драма мира и внутреннее оформление человечества

«Внутреннее оформление человечества» в творчестве Н. Арсеньева.....	243
Песок в колеса цивилизационной машины	251
Культурная интеграция: проблемы сознания и мировоззре- ния	259
Драма человечества, и мы все.....	263

Глава пятая

Интервью

«Полковник Чехов». Интервью с Председателем СПР Н. Ивановым	268
Почему в России сейчас хорошо? Интервью с Н. П.Бурляевым	278
«Безразлична к излишества, дорожу необходимым». О переосмыслении и неизменном во взгляде на вселенское, российское, советское беседа с поэтом и публицистом С. Вермишевой.....	284
Название будет?????. Интервью с поэтом А. Аврутиным.....	296
10 ответов В. Курбатова на вызовы современности.....	304

image006

А. З. Дмитриевский выступает в областной научной библиотеке

Людмила Воробьева

Николай Коняев

Сергей Пылев

Валентин Баюканский

Владимир Подлузский

Людмила Яцкевич

Валентина Коростелева

Георгий Кольцов

Геннадий Сазонов

Сэда Вермишева

ЭЛЯНА Суодене

Юрий Шевченко

*Презентация журнала «Берега» в Армянском посольстве,
в центре сидит Сэда Вермишева*

*Князь Н.Д. Лобанов-Ростовский
с Лидией Довыденко*

*Евгений и Галина Киндиновы
и Лидия Довыденко*

*Н. Д. Лобанов-Ростовский с Евгением Арсеньевичем
и Галиной Максимовной Киндиновыми и директором
музыкальной школы имени Танеева Гугули Ревашишвили*

Луганск, конференция

Инга и Николай Бурляевы, Л.Довыденко, Георгий Шишкин

Ю.М. Лужков и Л.Довыденко

*В.Я. Курбатов и Л.Довыденко
в Пскове*

*У памятника К. Батюшкову в городе Вологда,
Л. Довыденко с Н. Ивановым и Г. Сазоновым*

Анатолий Лунин

*Валентин Курбатов
и Николай Иванов*

Встреча с Героем России П. Кретовым